

**МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ДЕПАРТАМЕНТ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И
ОБРАЗОВАНИЯ**

ДОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛОМОШНОВ А.Ф.

РЕИНКАРНАЦИЯ МАРКСИЗМА

пос. Персиановский

2019

УДК 141.82

ББК Ю 650.42

П-52

Рецензенты:

Яхьяев М.Я. – доктор философских наук, профессор
Бардаков А.И. - доктор политических наук, профессор

Автор:

Поломошнов А.Ф. - доктор философских наук, профессор

Поломошнов, А.Ф.

П 52 Реинкарнация марксизма : монография / А.Ф. Поломошнов. - пос.
Персиановский : Донской ГАУ, 2019. – 169 с.

ISBN 978-5-98252-341-9

В монографии рассматриваются становление и основные концепции социальной философии марксизма, дается анализ конструктивной и деструктивной критики марксизма, исследуются его историческая судьба, эвристические возможности и перспективы развития в современном мире.

Работа предназначена для специалистов в области философии и социально-политических наук, аспирантов, студентов, всех, интересующихся проблемами социальной философии марксизма.

УДК 141

ББК 87.6

Рекомендовано в печать научно-техническим Советом Донского ГАУ в качестве научного издания, протокол № 1 от 17.04 2019 г.

ISBN 978-5-98252-341-9

© Поломошнов А.Ф., 2019

©ФГБОУ ВО Донской ГАУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Рождение марксистской парадигмы	
1.1.Парадигма социального познания.....	6
1.2.История и логика формирования марксистской парадигмы.....	10
1.3.Структура социальной философии марксизма: основные трактовки.....	28
Глава 2. Социальная философия марксизма	
2.1.Объективность социального познания и проблема истины.....	37
2.2.Методология социального познания.....	42
2.3.Антропология марксизма.....	45
2.4.Теория общественной формации.....	47
2.5.Философия истории марксизма.....	49
Глава 3. Экономическая теория марксизма	
3.1.Метод политической экономии марксизма.....	54
3.2.Организация капиталистического способа производства.....	56
3.3.Динамика капитализма.....	57
3.4.Развитие экономической теории К.Маркса.....	60
Глава 4. Учение о классовой борьбе и социализме	
4.1.Классы и классовая борьба в истории.....	65
4.2.Научный социализм.....	69
4.3.Стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата.....	74
4.4. Социалистическая революция и диктатура пролетариата.....	75
Глава 5. Историческая судьба марксизма	
5.1.Марксизм и история.....	80
5.2.Марксизм в западной культуре.....	82
5.3.Марксизм и Россия в XX веке.....	86
Глава 6. Критика марксизма	
6.1.Западная критика марксизма.....	105
6.2.Российская критика коммунизма и марксизма.....	109
6.3.Системная критика коммунизма.....	117
Глава 7. Марксизм на рубеже тысячелетий	
7.1.Конструктивная критика марксизма.....	127
7.2. Глобальный капитализм - светлое будущее, или закат всемирной истории?.....	134
7.3. Русский коммунизм - провальный эксперимент или прорыв в будущее?.....	145
Заключение.....	161
Литература.....	164

ВВЕДЕНИЕ

Устарел ли марксизм сегодня? Кто его ненавидел и ненавидит во все времена и за что? В чем смысл его реабилитации сегодня? Почему, вопреки моде эти вопросы и сегодня заслуживают внимания? По трем причинам. Во-первых, социальное учение марксизма является самой целостной, фундаментальной, наиболее научной системой из существующих на сегодня в социальной науке. Оно решающим образом повлияло на развитие современной социальной науки и доказало свою научную дееспособность, вопреки всем историческим случайностям.

Во-вторых, потому что, в социальной науке, как и в любой другой, невозможно сделать шаг вперед, пока мы не освоим и не преодолеем действительным научным способом высшие достижения предшествующего исторического этапа развития науки. В отношении марксизма, несмотря на многочисленные попытки, его действительно научное, внутреннее преодоление через его критику изнутри на основе исследования изменившейся социальной реальности, пока не состоялось. Эта критика связана с выделением в марксизме рационального зерна, ядра и его дальнейшим теоретическим развитием.

В-третьих, потому, что философия является мощным идейным оружием преобразования социальной реальности. К. Маркс рассматривает философию как выражение в форме философских категорий духа и сущности своего времени, как отражение реальных целей, идеалов и интересов общества и отдельных социальных групп, как «духовную сущность» эпохи. «Философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях. Тот же самый дух, который строит железные дороги руками рабочих, строит философские системы в мозгу философов. Философия не витает вне мира, как и мозг не находится вне человека, хотя он и не лежит в желудке. Но, конечно, философия сперва связана с миром посредством мозга, и лишь потом она становится на землю ногами; между тем, многие другие сферы человеческой деятельности уже давно обеими ногами упираются в землю и срывают руками земные плоды, не подозревая даже, что и «голова» принадлежит этому миру, или что этот мир есть мир головы.» [40, С.105]

Согласно К. Марксу философия не просто укоренена в обществе, но и является мощной духовной силой, преобразующей общество, хотя ее роль как орудия преобразующего мир проявляется сложным и не вполне

очевидным для простого обывателя путем. «Так как всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени, то с необходимостью наступает такое время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению, вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени. Философия перестаёт тогда быть определённой системой по отношению к другим определённым системам, она становится философией вообще по отношению к миру, становится философией современного мира. Внешние проявления, свидетельствующие о том, что философия приобрела такое значение, что она представляет собой живую душу культуры, что философия стала мирской, а мир философским, — во все времена были одни и те же. Любой учебник истории покажет нам, как стереотипно повторяются простейшие внешние формы, которые с полной ясностью говорят о проникновении философии в салоны, в дом священника, в редакции газет, в королевские приёмные, в сердца современников — в обуревающие их чувства любви и ненависти.» [40, С.105]

К. Маркс утверждает победоносную силу философии, но только истинной философии, которая проникая в сущность мира, формулирует ориентиры социального развития и выражает интересы общества. Именно поэтому, философия как духовная сущность своей эпохи завоевывает сознание масс и становится практической силой, преобразующей мир. «Философия вступает в мир при криках её врагов; но и враги философии внутренне заражаются ею, и они выдают это своим диким воплем о помощи против пожара идей. Этот крик её врагов имеет для философии такое же значение, какое имеет первый крик ребёнка для тревожно прислушивающейся матери; это первый крик её идей, которые, разорвав установленную иероглифическую оболочку системы, появляются на свет как граждане мира.» [40, С.106]

Анализ аутентичной сущности и исторической судьбы марксизма должен ответить на вопрос: устарел ли сегодня марксизм и в каких частях? Т.е., говоря точнее: должны ли мы сегодня относиться к марксизму только как к феномену истории социальной мысли, или же его методологический познавательный потенциал не исчерпан, и следовательно, он и сегодня сохраняет свое познавательное, а также идеологическое значение, и может быть орудием познания и преобразования современной действительности на основе действительного научного продуктивного развития марксизма, т.е. преодоления его в его исторической ограниченности?

ГЛАВА 1. РОЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1. Парадигма социального познания

Для исследования социальной философии марксизма целесообразно использовать термин «парадигма социального познания». Сам термин «парадигма» предложил Т. Кун в работе «Структура научных революций». Он обнаружил, что в каждую определенную эпоху развития науки характер научного познания определяется господствующим, а данное время стилем научного мышления, способом познавательной деятельности научного сообщества. Это способ или стиль научно-познавательной деятельности Кун и назвал термином «парадигма». Определения, которые он пытался дать этому понятию явно страдают описательностью, простым перечислением составных элементов. Парадигма по Куну есть совокупность принятых научным сообществом научных идей, понятий, проблем и способов постановки проблем, типовых приемов и схем, а также технических средств решения проблем. Уточняя данное определение, Т. Кун трактует парадигму как определенную дисциплинарную матрицу, составляющую систему правил научной деятельности, принятую определенным научным сообществом. В эту систему правил входят: 1. символические обобщения (законы и определения некоторых терминов теории), 2. метафизические элементы, задающие способ видения объекта, его онтологию (философские категории и принципы мышления), 3. ценностные установки, влияющие на выбор направлений исследования, 4. общепринятые образцы – схемы решения конкретных проблем.

Важный вклад в разработку понятия парадигмы, и именно парадигмы социального познания внес К. Мангейм, хотя сам термин «парадигма» он не употребляет. Мангейм развивал структурный подход к анализу познания. Объяснение вещей в рамках структурного подхода вообще означает, что значение отдельных явлений и вещей не может быть определено из них самих, а может быть понято только из структуры, к которой они принадлежат. Логические понятия и суждения – не самостоятельные атомы познания, а моменты гносеологической структуры, из которой и в рамках которой их только можно понять. Мышление по Мангейму есть попытка найти логическое место понятия в тотальной структуре или контексте ментальных сфер. Анализ знания как целостной, организованной структуры и есть в принципе парадигматический анализ. В структуру социального знания, или в социальное знание как структуру, Мангейм включает три

основных элемента: 1. «мировоззрение» или систему мировых постулатов (т.е. общефилософские категории и принципы), 2. вытекающий из мировоззрения «стиль мышления» (т.е. «метод»), и 3. систему конкретных социальных знаний и теорий.

Социальное познание, стиль мышления в социальном познании Мангейм рассматривает как экзистенциально определенное знание и мышление. Экзистенциально определенное мышление по Мангейму – это, разумеется, не зеркальное, нейтральное отражение действительности, а отражение действительности, обусловленное стремлениями, интересами социальных групп, основанное на базе определенного конкретного социального практического и политического действия. «Мы гораздо меньше рискуем впасть в заблуждение, если предполагаем объяснять интеллектуальные движения в политических терминах, чем, если бы занялись противоположным делом и, с чисто теоретической позиции, прилагали бы сугубо мысленный, внутренний, теоретический образец к конкретному действительному жизненному процессу». [69, С.212]

Социальное познание определяется социальными отношениями и действиями людей. Эта ключевая мысль Мангейма имеет у него пять основных аспектов. Во-первых, социальная действительность представляет собой целостную структуру, которая постижима только путем субстанционально целостного мышления. В основе целостности социального знания лежит социальная деятельность, являющаяся целостной структурой.

Во-вторых, Мангейм абсолютно правильно говорит о социальной обусловленности общественного познания не как о механической детерминации, прямо сводящей интеллектуальные теории к интересам определённого класса, или, того хуже, непосредственно выводящий теории из социальных отношений. «Мы не можем отнести интеллектуальную т. зр. прямо к общественному классу; то, что мы можем – это найти корреляцию между стилем мышления, лежащим в основе данной т. зр. и интеллектуальной мотивацией определенной социальной группы». [69, С.184]

В-третьих, Мангейм признает и подчеркивает неизбежную классовость социального знания, которая проявляется даже в общефилософских мировых постулатах. «Каждый такой постулат связан с определённой группой и развивается в пределах мышления этой группы. В каждый момент есть одна страта, которая заинтересована в утверждении существующей экономической и социальной системы, и поэтому склонна к соответствующему стилю мышления. Есть всегда и другая страта, чья интеллектуальная родина – прошлая стадия эволюции, и есть еще другие,

только становящиеся, которые полагают свою веру в будущее». [69, С.185] Различным социальным стратам соответствуют различные мировые постулаты и стили мышления. (Мангейм не употребляет термин «класс»).

В-четвёртых, из социальной обусловленности познания вытекает его историческая относительность. Верно отмечая, что концептуальные схемы или стили мышления являются продуктами определенных исторических эпох, Мангейм, как кажется, преувеличивает их уникальность, считая, что каждый стиль мышления может быть адекватно понят только человеком, живущим в эпохе, которая сформировала этот стиль.

Интересно, в-пятых, трактует Мангейм борьбу социальных мировоззрений и стилей мышления, как отражение политической борьбы социальных страт. В этой идеологической борьбе каждая социальная страта стремится сделать свою интерпретацию социальной реальности господствующей, и достигает этого, если достигает политического господства. Когда же политическая и идеологическая монополия этой страты разрушается, начинается период соревнования мировоззрений. Когда Мангейм трактует исход этого соревнования как динамический синтез противоположных мировоззрений, в котором снимается односторонность каждого из них, то он все-таки выдает желаемое за действительное. Нам кажется, что ни динамический синтез, ни ассимиляция одним мировоззрением другого, ни компромисс между ними невозможны.

Оценивая борьбу современных стилей мышления, К. Мангейм установил характерную связь между стилем мышления и степенью прогрессивности страты, которой присущ этот стиль. «...Понятийный аппарат прогрессивных партий по самой своей тенденции более пригоден для систематического мышления... Напротив, исторические понятия, отражающие единичность событий, большей частью создаются сторонниками консервативных позиций. Во всяком случае, это безусловно справедливо для того времени, когда в противовес генерализирующему методу возникла идея исторической единичности и неповторимости». [61, С.119] Это замечание, нам кажется, прямо относится к ситуации парадигм Маркса и Вебера.

Опираясь на идеи Т. Куна и К. Мангейма, можно попытаться дать понятие «парадигмы социального познания», а также прояснить логику становления и развития парадигм.

Парадигма вообще есть система взаимоснимающих друг друга этапов и одновременно элементов процесса познания, основанная, в конечном счете, на определенных объективных формах общественно-исторической практики. Связь между формами практики и формами мышления является

определяющей для форм мышления и парадигмы, но она не является темой нашей работы. В логическом плане парадигма имеет две стороны: всеобщую или методологическую и конкретную или содержательную, которые друг друга снимают в своей односторонней абстрактности и образуют в результате конкретное единство.

Различие парадигм социальных и естественных наук также не является предметом нашей работы. Поэтому попытаемся определить **парадигму социального познания**. Она представляет собой **развивающееся диалектическое единство общефилософской концепции социального познания, общесоциологической теории, конкретно-социологических теорий**. Стержнем общефилософской концепции социального познания является проблема объективности. Стержнем и узловой точкой развертывания общесоциологической теории в конкретно-социологические является проблема сущности человека. В этой последовательности снимающих друг друга и сохраняющихся друг в друге этапов социального познания каждый предшествующий элемент выполняет по отношению к последующему методическую роль. Два первые элемента можно назвать первичными, но в снятом виде они содержатся и во вторичном третьем элементе – конкретной социальной теории. Брать эти элементы в отдельности – значит потерять системный характер социального познания и понятие парадигмы.

Стадии логического и исторического развертывания парадигмы социального познания совпадают. От общесоциологической концепции к общесоциологической теории, а затем к конкретно-социологическим теориям – таков путь становления и развертывания парадигмы. На этот процесс оказывает решающее влияние мировоззренческая позиция ученого, хотя она непосредственно не входит в теоретические конструкции парадигмы. Всякая парадигма вырастает на определённом парадигматическом поле, т. е. на определённых глобальных гносеологических проблемах и соответствующих философских предпосылках и допущениях, в рамках которых формулируется эта сумма проблем. Парадигматическое поле само появляется в результате разложения или кризиса предшествующих парадигм. Новые парадигмы являются разными направлениями решения проблем, заданных возникшим на почве разложения старых парадигм новым парадигматическим полем.

1.2. История и логика формирования марксистской парадигмы

История возникновения марксизма есть ключ к его внутренней логике и адекватному пониманию его сущности. В истории формирования марксизма следует отделять внешнюю феноменологическую канву событий от внутреннего идейного развития, хотя они друг друга определенным образом обуславливают.

Социальная философия марксизма сформировалась как органический синтез различных, взаимно опирающихся и взаимно развивающих друг друга социологических и философских концепций. Эти концепции сложились в процессе критической переработки основных социальных учений того времени: 1. английской политэкономии, 2. немецкой классической философии Гегеля и Фейербаха и 3. французского утопического социализма на основе критической установки Маркса по отношению к современной действительности и социальным теориям, порожденным этой действительностью.

Ориентиром или компасом, позволившим Марксу устанавливать ограниченность и внутреннюю несостоятельность критикуемых учений, выбирать и развивать из них рациональное зерно, была его гуманистическая мировоззренческая позиция, которая по мере становления социальной теории марксизма сама уточнялась, развивалась и конкретизировалась. Немалую роль в критическом переосмыслении современной ему социальной мысли сыграл и практический жизненный опыт Маркса по изучению социально-политических и правовых отношений в Германии, в качестве редактора газеты. Сопоставление теории с фактами было одним из стимулов критической переработки этих теорий.

Можно выделить три этапа формирования социальной философии марксизма: 1. первоначальные поиски научно-философского мировоззрения, становление революционного демократизма (1837-1842гг.);

2. начало перехода от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму (1842-1843гг.);

3. формирование исходных положений целостного научно-философского и коммунистического мировоззрения (1843-1844гг.).

Мы проследим внутреннюю историю и логику формирования марксизма как последовательное развитие его ключевых фундаментальных идей и концепций. Для этого мы обратимся к главным работам, характеризующим вехи в становлении парадигмы марксизма.

Истоки марксовой методологии социального познания и вообще его парадигмы следует искать в критике гегелевской философии права, как методологической, так и содержательной. Анализ должен выяснить, какие идеи Гегеля были отправными точками для становления марксизма, как из критики рождалась собственная философская концепция Маркса. Следует установить, какие исходные ключевые идеи сквозной линией проходят через всю парадигму Маркса: именно их развитие и конкретизация составляют главную интригу становления парадигмы Маркса.

Идейное развитие Маркса шло через постоянную критику и самокритику, через соотнесение своих теорий с действительностью, обусловленное его стремлением получать такие теоретические и методологические концепции, которые позволяли бы не только объективно объяснять реальность, но и изменять ее. Критика Маркса имеет две стороны - негативную критику оппонентов, и позитивную критику, состоящую в разработке собственных концепций и их самокритике.

Жизнь была главным аргументом в критике Маркса. Основной упор он делал на позитивную критику, хотя немалое место отводилось и негативной, потому, что последняя помогала уточнять и развивать собственные концепции Маркса.

Начать анализ критики гегелевской философии истории и права целесообразно с принципиальной установки Гегеля, которую критически переосмысливает Маркс. Этой установкой является идея о партийности философии истории. Эта партийность состоит в том, что «... в основании истории, и существенно, всемирной истории, должна лежать некоторая конечная цель в-себе-и-для-себя, и что эта цель в ней действительно реализована и реализуется – план провидения, - что в истории вообще есть разум». [7, С.336] Эта объективная цель есть предпосылка и начало истории. Но в ней уже предзаключено в зародыше все содержание будущей истории. Это – абсолютная идея, которая разворачивает себя в истории. Видеть за историческими событиями объективную закономерность развития абсолютной идеи – вот в чем состоит объективная партийность, которую Гегель отличает от неприемлемой субъективной партийности, а также от мнимой беспартийности.

Субъективная партийность по Гегелю означает попытку брать в качестве предпосылок истории не абсолютную (объективную) идею или понятие, а произвольные представления и идеи, под которые затем подгоняются исторические события. Отвлекаясь немного в сторону, заметим, что сам Гегель грешен в подгонке истории под свою схему, которую считает объективно истинной. Во-вторых, действительно существует проблема

правильного соотношения между методологическими предпосылками познания и содержанием знания. Неумение решить эту проблему приводит либо к подгонке фактов под общую методологическую схему, либо к отказу от теоретического познания и перехода к простому описанию фактов.

Беспартийность по Гегелю означает требование, «чтобы историк не привносил от себя никакой определенной цели и воззрения, сообразно которым он выделял бы, устанавливал и обсуждал события, но чтобы он рассказывал о них как раз в той случайной форме, в какой он их находит, в их безотносительной и никакой мыслью не проникнутой партикулярной форме». [7, С.367] Критика Гегелем этой мнимой беспартийности имеет актуальное значение и сегодня, и в значительной степени быть отнесена и к методологической концепции Вебера, поскольку сутью последней является именно отрицание объективной закономерности общественного развития.

Беспартийная история «... была бы только беспомощной игрой представления, даже не детской сказкой, ибо и дети требуют в рассказах известного интереса, т.е. чтобы в них можно было, по крайней мере, угадывать некоторую цель, а также отношение событий и действий к этой цели». [7, С.368] Во-вторых, такая беспартийность на деле оказывается субъективной партийностью мнений и представлений, которые равно неистинны и равно бессодержательны, ибо основаны не на объективной истине, а на субъективных целях. В-третьих, при подобной беспартийности историческая истина приобретает смысл лишь правильности, т.е. точного сообщения о внешних фактах при отсутствии суждения о необходимости и закономерности этих фактов. Гегель с позиций объективного идеализма защищает идею внутренней объективной закономерности истории, ее саморазвития. Именно эту идею отвергают сегодня многие социальные ученые на Западе.

В своей философии истории и философии права Гегель последовательно проводит идею партийности так, как он ее понимает. Подлинный и действительный предмет, содержание и цель социального познания у него это - реализующий себя в истории и познающий себя через эти отчужденные от себя формы исторического проявления, всеобщий дух или абсолютная идея. Т.о. речь идет о тождестве бытия и мышления, где мышление есть подлинное бытие, а понятия о вещах есть подлинные вещи. Гегель дает идеалистическое решение проблемы соотношения методологии социального познания, социальной теории и социальной реальности, трактуя это отношение как тождество всех трех моментов. Но на деле это тождество сводится к подмене объективного познания объективной социальной реальности произвольным конструированием понятий. Хотя конкретное

конструирование у Гегеля не совсем произвольно, ибо он сводит социальные категории к категориям диалектической логики.

Гегель строит систему саморазвивающегося абсолютного понятия, которое из себя полагает целую систему последовательно взаимоотношающихся и снимающих друг друга понятий чистой логики, с которыми соотносятся эмпирические факты истории. Эти факты в системе Гегеля являются некими частными приложениями общей системы логических категорий к истории. Дух у Гегеля – двигатель истории, начало и конец ее, и ее цель. Тождество начала и конца истории противоречит идее саморазвития, как справедливо критикует Гегеля Маркс.

Идея тождества истории и познания истории, как самопознания духом самого себя, практически закрывает путь познания объективной социальной реальности. У Гегеля факты социальной действительности приобретают какой-то второстепенный смысл, лишь поскольку они отнесены к абсолютному духу, к категориям его чистой логики. Это похоже на веберовское отношение к ценностям, но, если Вебер относит социальные явления к произвольно выбранным ценностям, то Гегель – к объективным категориям логики. Именно поэтому у Гегеля, хоть и в превратной форме, но реализуется объективное познание социальной закономерности.

Маркс начал подходить к критике гегелевской философии еще в своей докторской диссертации. Будучи близок в тот период к движению младогегельянцев, разделяя их цели: развить критическую сторону философии Гегеля, сделать из нее революционные выводы, связать ее жизнью, Маркс не разделял младогегельянские методы критики. Он отличал чисто внешнюю моральную критику от внутренней критики, которая должна понять слабости Гегеля в их закономерности, преодолеть его систему не извне, а изнутри, т.е. позитивно.

«Вполне мыслимо, что философ совершает ту или иную явную непоследовательность в силу того или иного приспособления; он может даже сознавать это. Но одного он не сознает, а именно, что сама возможность подобного явного приспособления имеет свои наиболее глубокие корни в недостаточности принципа или в недостаточном понимании философом своего принципа. И если бы философ действительно приспособлялся, то дело его учеников – объяснить из его внутреннего существенного сознания то, что для него самого имело форму экзотерического сознания. То, что является прогрессом совести, представляет, таким образом, вместе с тем, прогресс знания. Тут не заподозривается личная совесть философа, а воссоздается существенная форма его сознания; последняя приобретает определенное

очертание и значение, - и тем самым совершается выход за ее пределы». [31, С.77]

Маркс воспринимал философию Гегеля не как послушный ученик, а с тем, чтобы изнутри критически ее преодолев, пойти дальше, за ее пределы. В своей диссертации Маркс стоит уже не на позициях ученического гегельянства, а на позициях более последовательного гегельянства, чем сам Гегель. Он критически смотрит на Гегеля с позиций самого Гегеля, оценивая внутреннюю состоятельность его системы. Не внешнее различие физики Демокрита и физики Эпикура интересует Маркса, а различие двух принципов построения философских систем. Эти принципы выступают как «форма рефлексии», выражающая отношение мысли к бытию. Причем, «В том отношении, которое философ устанавливает между миром и мыслью, он лишь объективирует для самого себя отношение своего особого сознания к реальному миру». [31, С.35] Принцип Демокрита есть принцип внешней детерминации движения атомов. Принцип Эпикура – принцип внутренней самодетерминации движения атомов. Причина этого различия в том, что Демокрит отделяет сущность от существования, форму от материи, а Эпикур соединяет их.

Форма выражает идею самоопределения, самодвижения атома, а также его единичность, определенность самим собой. И в учении Эпикура об отталкивании атомов «... их материальность, выраженная в падении по прямой линии, и присущее им определение формы, выраженное в отклонении, синтетически соединены». [31, С.45] В том и состоит значение отклонения атомов у Эпикура, что оно допускает возможность самодвижения материальных атомов, т.е. в распространении принципа самодвижения на материю, соединения самодвижения и материи, сущности и существования.

Применительно к построению системы философии это означает принцип рассмотрения материи, в том числе и чувственного материального человека, как самостоятельного, саморазвивающегося субъекта. В то время, как по Гегелю таким субъектом может быть только дух, только всеобщее мышление, отделенное от единичного, конечного материального существования и детерминирующее его извне.

Центральной проблемой атомистики Эпикура является проблема противоречия между материей и формой, сущностью и существованием. Маркс отмечает, что поскольку у Эпикура атом является принципом формы, поскольку он отрицает наличное бытие. А поскольку атом обладает материальностью, он утрачивает принцип формы. Может ли форма, сущность, самодвижение быть свойством материальной субстанции, т.е. атома, как материальной субстанции, или же она является атрибутом

всеобщего, мышления? – вот проблема, интересующая Маркса. И в учении Эпикура о небесных телах он находит положительный ответ на этот вопрос. «Вся эпикурейская философия проникнута противоречием между сущностью и существованием, материей и формой. Но в небесных телах это противоречие уничтожено, эти борющиеся друг против друга моменты примирены. В небесной системе материя приняла в себя форму, включила в себя единичность, и таким образом достигла своей самостоятельности. Но, достигнув этой точки, она перестает быть утверждением абстрактного самосознания... материя перестает быть абстрактной единичностью. Она стала конкретной единичностью, всеобщностью». [31, С.63]

Важнейшим для последующего философского развития Маркса явилось появившееся в диссертации сомнение в возможности последовательно проведения главной идеи гегельянства – идеи объективного саморазвития субстанции – на почве идеализма. Действительно, если у Гегеля принцип самодетерминации относится лишь к развитию идеи, духа, а материя внешне детерминируется развитием духа, идеи, то в этой области идея саморазвития изменяет себе и в целом в системе проводится не последовательно.

Работа Маркса в «Новой Рейнской газете», столкнув его с жизнью, пробудила дальнейшие сомнения Маркса уже не только в методологической состоятельности гегелевской системы философии права и истории, но и в ее содержательной несостоятельности, расхождении с действительностью. Все это и побудило его заняться глубокой и дотошной методологической и содержательной критикой гегелевской философии права. Это была работа, которая была важна не для публики, а для становления собственных философских взглядов Маркса, как он потом сам однажды заметит в «Предисловии к «Критике политической Экономии».

В статьях Маркса в «Новой Рейнской газете» четко прослеживается процесс постепенного накопления критической массы материалистических, критических идей, завершившийся решительным разрывом с гегельянством. Эти идеи и стали отправной точкой критической переоценки философии права Гегеля в соответствующей работе Маркса, как бы венчающей переход Маркса на позиции материалистической диалектики. Как отмечает Лапин Н.И., «Главное состоит в том, что ему удается выйти за рамки абстрактно-теоретического понимания права, когда все содержание права выводилось из некоторых общих положений, и рассмотреть это содержание, как оно есть на самом деле. Он анализирует теперь не понятия сословий, государства и т.д., а факты, действительную природу различных явлений общественной жизни и их действительные взаимоотношения». [17, С.III]

Это становится главным методологическим принципом Маркса – исследовать объективную природу объективных отношений людей. «При исследовании явлений государственной жизни слишком легко поддаются искушению упускать из виду объективную природу отношений и все объяснять волей действующих лиц. Существуют, однако, отношения, которые определяют действия, как частных лиц, так и отдельных представителей власти, и которые столь же независимы от них, как способ дыхания. Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы не будем искать добрую или злую волю попеременно то на одной, то на другой стороне, а будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица». [39, С.192-193]

Таким образом, мы видим, что к критике гегелевской философии права Маркс обратился на базе уже осуществленного реального методологического преодоления Гегеля. Но эта критика была необходима для четкого прояснения своей новой методологической позиции и размежевания с гегелевской методологией.

Позиция Маркса в работе «К критике гегелевской философии права» состоит в том, чтобы показать внутреннюю противоречивость и непоследовательность методологии Гегеля на содержательном материале, показать измену Гегеля своему же диалектическому методу, причины которой Маркс обнаруживает в идеалистической трактовке диалектики. Маркс в этой работе очень педантично и подробно анализирует основные понятия философии права Гегеля; он проводит утомительную, но неизбежную работу материалистического переворачивания гегелевской методологии, диалектики и философии права.

Коренной порок методологии Гегеля Маркс определяет как «логический, пантеистический мистицизм». По гегелевской мысли действительная история государства есть продукт деятельности идеи государства, которая порождает из себя конечные сферы семьи и гражданского общества с тем, чтобы через них вернуться к себе и быть в-себе-и-для-себя. В чем же состоит мистицизм? И в чем его методологическая порочность?

Во-первых, в том, что «...идея превращается в самостоятельный субъект, а действительное отношение семьи и гражданского общества к государству превращается в воображаемую внутреннюю деятельность идеи». [33, С.224] Отношение идеи или понятия государства к реальному государству переворачивается с ног голову. Предпосылки государства трактуются как его продукты, причем, как продукты идеальной деятельности идеи государства. В таком случае действительные субъекты (государство,

семья, гражданское общество) становятся не действительными субстанциями, а лишь объективными моментами идеи. Это и есть мистификация реальности.

Во-вторых, как отмечает Маркс, у Гегеля эмпирические факты, реальные субъекты, лишь формально выводятся из идеи государства, а на самом деле не получают никакого теоретического объяснения, а просто берутся в том случайном виде, как они существуют и даны в опыте. Все познание сводится к тому, чтобы случайные эмпирические явления в их случайной эмпирической форме назвать проявлениями идеи государства. И здесь можно увидеть близость объективной партийности Гегеля и субъективной партийности Вебера. Ведь значение эмпирических фактов определяется не в зависимости от их собственного содержания и объективных связей, а в зависимости от нашей точки зрения на них. «Разница кроется не в содержании, а в точке зрения или в способе выражения». [33, С.225] Гегелевская всемогущая абсолютная идея оказывается вынужденной рабски следовать за случайной эмпирией. Если, с одной стороны, «...для обыкновенной эмпирии является законом не ее собственный дух, а чужой; с другой стороны, наличным бытием для действительной идеи является не такая действительность, которая развилась бы из нее самой, а обыкновенная эмпирия ...» [33, С.224]

Маркс, раскрыв сущность логического мистицизма Гегеля, показывает его полную познавательную бесплодность. Но, с другой стороны, переворачивая многие гегелевские идеи с головы на ноги, он сохраняет их рациональное зерно, именно потому, что преодолевает Гегеля изнутри и приобретает т.о. плодотворные предпосылки, исходные идеи материалистической диалектики истории.

На примере трактовки идеи государства, как организма, Маркс ясно показывает, что гегелевское объяснение сущности государства не дает на самом деле никакого объяснения, ибо действительность становится простым названием идеи, но совершенно не постигается в ее специфике. «Интерес направлен здесь только на то, чтобы в каждой сфере, - будь то сфера государства, будь то сфера природы, - распознать «идею», логическую идею; действительные же субъекты ... становятся простыми названиями идеи, и, таким образом, получается только видимость действительного познания, так как эти субъекты, - поскольку они не поняты в их специфической сущности, - остаются непонятыми определениями». [33, С.230] Собственно, для такого метода познания безразличен действительный предмет познания. В центре интереса гегелевской философии права стоит «... не философия права, а логика. Работа философии заключается здесь не в том, чтобы мышление

воплощалось в политических определениях, а в то, чтобы наличные политические определения улетучивались, превращались в абстрактные мысли... Не логика служит для обоснования государства, а государство для обоснования логики». [33, С.236]

Вместо декларируемого Гегелем необходимого развертывания сущности из нее самой, из идеи государства – реального государства, Гегелю приходится прибегать к софистическим трюкам, чтобы вывести из абстрактной идеи конкретное эмпирическое содержание. Это происходит потому, что Гегель «...развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу закончившего свое дело мышления - притом закончившего его в абстрактной сфере логики».[33, С.232] Естественно, что при таком методе результат познания представляет собой ту же абстрактную, тощую, бессодержательную идею, которую мы уже имели в начале.

В результате глубокой критики гегелевской методологии Марксу становится очевидным, что требования диалектического метода не осуществимы на идеалистической почве. Идея имманентного развития науки, понимаемая Гегелем как выведение всего содержания науки из простого исходного понятия таким образом, что одно и то же понятие все время сохраняется, но вначале оно абстрактно, а затем, порождая из себя и последовательно снимая свои многочисленные частичные определения, становится конкретным, - эта идея была воспринята Марксом, но не в идеалистической трактовке логического мистицизма, а в виде материалистического метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Тесно связанная с негативной, позитивная критика Гегеля Марксом состояла в выработке ряда принципиальных методологических идей, ставших исходными и ключевыми для дальнейшего становления парадигмы Маркса и ее внутренней логики. Хотя в 1844 г. эти идеи и носят еще довольно абстрактный характер, но они являются именно тем зародышем, который затем органически разовьется в целостную систему методологии и социологии марксизма. И прежде всего, через критику гегелевской философии определилась общефилософская методология, теория познания марксизма – материалистическая диалектика, которая в диалектике понятий видит отражение диалектики реальных вещей, а не наоборот. Кроме того, определились базовые идеи марксовой общесоциологической концепции природы человека - зародыши будущего материалистического понятия истории.

Это идея о том, что органически развивается не идея государства, а реальное государство, что субъектом истории является не идея, а реальный материальный субъект – человек. Семья, гражданское общество, государство

- суть проявления или определения внутренней родовой сущности этого реального субъекта. «Если при рассмотрении семьи, гражданского общества, государства и т.д. эти социальные формы существования человека рассматриваются как осуществление его сущности, как его объективирование, то семья и т.д. выступают как качества внутренне присущие субъекту. Человек всегда остается сущностью всех этих социальных образований, то эти образования выступают также и как его действительная всеобщность, поэтому также и как общее всем людям». [33, С.263-264]

Главным для становления парадигмы Маркса результатом работы над критикой гегелевской философии права стал вывод о том, что идея саморазвития субстанции может быть реализована только на материалистической основе. Эта идея конкретизировалась в идею о реальном, материальном человеке как действительном субъекте истории. Реальный эмпирический, материальный и деятельный человек, был поставлен в центр философии. В этом и состоял фундаментальный материалистический переворот, совершенный Марксом в гегелевской философии права. Но этот переворот должен был быть развит. «Следует исходить именно из действительного субъекта и делать предметом своего рассмотрения его объективирование» [33, С.244] – такая задача встала перед Марксом.

На человека, как главный предмет философии, вышел также через критику Гегеля Л.Фейербах. Однако, Маркс и Фейербах пришли к человеку разными путями и с разных философских критических позиций. Они изначально расходились в способе критики Гегеля, хотя Фейербахова критика и была одним из мощных стимулов критики Маркса.

Фейербах разоблачает внешнюю несостоятельность любой идеалистической системы вообще, противоречие ее здравому смыслу и фактам природы. В критике Гегеля он обрушивается на его искусственную идеалистическую систему, особенно на ее исходный пункт – тождество бытия и мышления, на несостоятельную логику системы Гегеля. Материализм Фейербаха не интегрирует в себя диалектический принцип саморазвития субъекта – человека и природы. Он останавливается в самом начале, на исходном пункте материализма, устанавливая, что действительный чувственный человек, как природное существо, действительная материальная природа должны быть исходными пунктами философии.

Материализм начинает не с мышления, а с бытия. Идеалистические системы Гегеля, Фихте, Шеллинга начинают с мышления, т.е. с самих себя.

Их предпосылкой является идея об их истинности. Идеалистические системы, отрывая мышление, как самостоятельную сущность, от действительного телесного человека, превращают это мышление в действительного и самостоятельного субъекта, разрушают т.о. единство природы человека.

«Исходной позицией прежней философии являлось следующее положение: Я – абстрактное, только мыслящее существо; тело не имеет отношения к моей сущности; что касается новой философии, то она исходит из положения: я - подлинное, чувственное существо: тело входит в мою сущность; тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность». [63, С.186]

Фейербах блестяще разоблачает несостоятельность идеалистически толкуемого Гегелем принципа тождества мышления и бытия. Во-первых, у Гегеля получается тождество мышления с самим собой, а бытие оказывается пустой бессодержательной абстракцией, чистым ничто, чисто отрицательным понятием. Во-вторых, Гегель не добирается до действительного бытия, а все время вращается в логическом круге замкнутого в себе самом мышления, и потому он не преодолевает противоположности между единичностью бытия и всеобщностью мышления. Заметим, что здесь Фейербах прямо перекликается с Марксом, отмечавшим в критике гегелевской философии права, что гегелевская философия неспособна проникнуть в действительную природу эмпирии. «Единство бытия и мышления истинно и имеет смысл лишь тогда, когда основанием, субъектом этого единства берется человек. Только реальное существо познает реальные вещи; где мышление не есть субъект для самого себя, но предикат действительного существа, только там мысль не отделена от бытия. Поэтому единство бытия и мышления не формальное в том смысле, чтобы мышлению в себе и для себя было свойственно бытие, как нечто определенное. Это единство определяется предметом, содержанием мышления». [63, С.199]

Вполне убедительна критика Фейербахом самого принципа построения гегелевской системы. «Когда метод, когда научное изложение философии оказывается сущностью философии, когда то, что не является системой в самом узком смысле, не является и философией, - тогда движение в круге, при этом в формальном смысле, не становится ли потребностью и неизбежным следствием? Ведь система и есть как раз то, что представляет собой замкнутый круг, что не уходит в бесконечность, но в конце возвращается к своему началу. И действительно, философия Гегеля есть наиболее совершенная система из всех ранее существовавших...» [62, С.61]

Выдвинув свой антропологический принцип философии будущего, в противовес гегелевской системе, Фейербах не знает, что дальше делать с этим принципом. Это происходит потому, что Фейербах отбросил вместе с идеализмом Гегеля и его диалектику. Маркс, соглашаясь и с исходным пунктом Фейербаха и с его критикой Гегеля, в своей собственной критике идет гораздо дальше Фейербаха потому, что он преодолевал Гегеля изнутри с т.зр. вопроса: является ли внутренне последовательной идеалистическая диалектика и возможно ли ее материалистическое переосмысление?

Примерно то же происходит у Фейербаха и в его критике религии. Он совершенно верно показал, что сущность бога есть отчужденная объективированная сущность человека, и сделал естественный вывод о необходимости преодоления этого отчуждения и религии как превратного сознания отчужденного человека. Но у него этот акт отчуждения есть только акт сознания, и его преодоление должно произойти только в сознании. Отвергнув религию как превратное обожествление человеком своей собственной сущности, Фейербах возвращается снова к религии, как поклонению человека своей собственной сущности, но уже без мистического ее обожествления.

Маркс, признавая философские заслуги Фейербаха в критике Гегеля, всегда подчеркивал отличие своей критики. «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно». [41, С.1]

Человек Фейербаха – это материальный чувственный, но не деятельный, а созерцательный индивид. Человек Маркса – это материальный, чувственный, но при этом еще и деятельный, практический, предметно-деятельный человек, в своей деятельности осуществляющей свою сущность, как субъекта деятельности. Идея саморазвивающейся деятельной субстанции у Маркса приобретает конкретную форму деятельной материально-практической предметной сущности человека. Поэтому, если у Фейербаха сущность человека – есть немая общность рода, связывающая индивидов лишь природными узами, у Маркса «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». [41, С.3]

Отсюда и различие между критикой религии Марксом и Фейербахом. Фейербах, сведя религиозный воображаемый мир к его земной основе, считает задачу критику исчерпанной. Маркс же ставит задачу дойти до материальных корней религиозного отчуждения, т.е. понять действительную

материальную практическую сущность человека в ее самопротиворечивости, саморазорванности и подвергнуть ее не только теоретической, но и практической критике. Сущность человека «...должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия». [41, С.2]

Сформировавшаяся в результате критики Гегеля методология материалистической диалектики и зачатки материалистического понимания истории, позволили Марксу выйти на задачу их развития, а также сделать крупный шаг в развитии и конкретизации своей мировоззренческой позиции, сознательно выводимой Марксом из своей философии в соответствии с его установкой о революционной роли философии по отношению к действительности.

Реализуя эту установку на почве уже диалектико-материалистической методологии и зачатков материалистического понимания истории, Маркс пришел к выводу о революционной миссии пролетариата. Этот вывод органически вытекает из марксовской концепции сущности человека. Маркс фиксирует, что если в современном ему обществе сущность человека не обладает подлинной действительностью, отчуждена от него в реальности в форме государства и в сознании в форме религии, то естественно встает задача радикальной революционной теоретической и практической критики этого общества с позиций действительного гуманизма, т.е. действительной, не отчужденной сущности человека. «Задача истории, следовательно, - с тех пор, как исчезла правда потустороннего мира, - утвердить правду посюстороннего мира. Ближайшая задача философии, находящейся на службе у истории, состоит, - в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его неосвященных образах. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли. Критика религии – в критику права, критика теологии в критику политики». [34, С.415]

Если философия ставится на службу истории, а именно это ведущий мотив Маркса, то, во-первых, теоретическая критика действительности должна быть предпосылкой ее практической критики, т.е. преобразования действительности, и, во-вторых, для этой практической критики, т.е. для практического осуществления революционно-критической теории, необходима социальная сила, масса, которая и воплотила бы ее в жизнь. Маркс постулирует, что массами способна овладеть только радикальная теория. (Это постулат ничем не подкрепленный). Радикальная, способная овладеть массами теория должна доказывать от человека, понимать вещи в корне, а корнем для человека является сам человек. Т.е. это должна быть теория радикального последовательного гуманизма, исходящего из идеи о

том, что человек есть высшее существо для человека, и повелевающего «...ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом». [34, С.422]

Далее Маркс постулирует, что радикальную теорию способны воспринять и воплотить в жизнь радикальные массы, которым она органически нужна, которая выражает их существеннейшие интересы и потребности. Таким радикальным классом современного общества Маркс признает пролетариат. Потому, что он вообще лишен собственности и скован радикальными целями эксплуатации, противопоставлен самими условиями своего существования всему современному капиталистическому обществу.

Именно этот класс не может освободить себя, не освобождая одновременно все общество от радикальных цепей эксплуатации и отчуждения. Так соединяются радикальная теория и радикальный класс, друг другу равно необходимые, по мысли Маркса. Если философия дает пролетариату духовное оружие, то пролетариат дает философии материальную силу, и они помогают друг другу решать свои задачи. «Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность». [34, С.425]

Маркс всегда стремится, чтобы его теоретические принципы получили мировоззренческое завершение и выражение, а мировоззренческие принципы получили теоретическое обоснование. Но в данном случае непредвзятому наблюдателю очевидно, что мировоззренческие постулаты Маркса искусственно присоединяются к его социологическим концепциям и не получают фактического внутренне необходимого теоретического обоснования.

В этом как слабость, так и сила позиции Маркса. Сознательная мировоззренческая ориентация его на теоретическое выражение интересов пролетариата стала двигателем и стимулом теоретического развития марксизма.

Подлинное рождение марксовой парадигмы, хотя еще и в младенческом состоянии, но уже во всех ее основных компонентах и их органических связях, мы видим в «Экономическо-философских рукописях 1844 г». Обращение Маркса в этих рукописях к экономическим вопросам было вызвано не только его определившейся мировоззренческой позицией, но вытекало из внутренней логики его методологии и общесоциологической концепции природы человека. Сошлемся на слова самого Маркса: «Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права... Мои исследования

привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии». [35, С.6]

В «рукописях 1844г.» Маркс через теории буржуазной политэкономии пробивается к конкретным экономическим фактам и на их основе развивает социально-философскую концепцию отчуждения, абстрактный зародыш будущего «Капитала». Там же Маркс продолжает конкретизировать свою мировоззренческую позицию.

Внутренняя логика «Рукописей 1844г.» в основных деталях совпадает с внутренней логикой зрелой марксистской парадигмы. Диалектико-материалистическая теория познания лежит в основе общесоциологической концепции деятельной, материальной, практической, социальной сущности человека. Эта концепция, в свою очередь, является методологической основой конкретного исследования экономических отношений труда и капитала, развития частной собственности и отчуждения. Политическая экономия капитализма лежит в основе мировоззренческого идеала коммунизма, как преодоления отчуждения и частной собственности.

Почему именно понятие отчуждения стало центральным в этих рукописях? Почему, что марксов метод состоял не в конструировании абстрактной природы человека, а в исследовании реальной природы реального человека. Используя термин отчуждение при анализе экономических отношений, Маркс опирается на материалистическую переработку гегелевской трактовки этого понятия, и на концепцию Фейербаха о религиозном отчуждении.

Маркс отмечает, что в диалектике Гегеля, хоть и в идеалистической форме, но получает отражение процесс отчуждения от человека его сущности. «Величие гегелевской «Феноменологии» и ее конечного результата – диалектики отрицательности, как движущего и порождающего принципа,- заключается ... в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность труда и понимает предметного человека истинного, потому, что действительного человека, как результат его собственного труда». [42, С.158-159]

Эта идея деятельной родовой сущности человека у Гегеля трактуется односторонне и ограниченно: сама деятельность понимается им как лишь абстрактный чисто духовный труд, предметность этого труда соответственно также идеалистическая. Сам человек есть чисто духовное, спиритуалистическое существо, предстающее как сознание или самосознание. Материальная предметность чужда человеческой сущности. Присвоение человеческой сущности по Гегелю происходит через снятие ее отчуждения, как полное очищение от всякой материальной предметности, что, конечно, не может быть действительным преодолением действительного отчуждения. В диалектике Гегеля мистифицированы как само отчуждение, так и его снятие.

Маркс саму гегелевскую систему рассматривает как продукт отчуждения от человека философского сознания, отчуждения, имеющего корни в реальной социальной действительности. Мистификация Гегелем реального социального отчуждения состоит в том, государство, семья и другие социальные проявления родовой сущности человека берутся им как мыслительные сущности, понятия. И снятие этого отчуждения является также чисто мыслительным актом. Конечно, в этом процессе лишь фиксируется, но реально не снимается реальное отчуждение.

Маркс рассматривает отчуждение с материалистических позиций, отделяя его от опредмечивания. Определенное, как и распределенное являются объективными моментами реальной предметной деятельности человека, его труда, в котором реализуется и воспроизводится родовая сущность человека. Это два объективных момента труда, как родовой сущности человека. Определенное есть развертывание сущностных сил человека, воплощение их в деятельности и ее плодах. Оно дополняется распределением, как снятием, присвоением человеком своей собственной ранее опредмеченной сущности. В этом их взаимодействии и происходит развитие родовой сущности человека. Категория же отчуждения выражает разрыв между определением и распределением, особое социальное отношение, являющееся продуктом специфических общественных отношений, которые и анализирует Маркс.

В отличие от Фейербаха, интересующегося отчуждением в основном в сфере сознания, Маркс как первичную форму отчуждения берет экономическое отчуждение. Анализ экономического отчуждения Маркс начинает с конкретных эмпирических фактов и предпосылок, но его анализ опирается также на критическое ознакомление с некоторыми буржуазными политэкономистами. Маркс берет как данные основные экономические факты современного общества: частную собственность, отделение друг от друга

труда, капитала и земли, заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту, разделение труда, конкуренцию, меновую стоимость и т.д. Он стремится выяснить их внутреннюю взаимосвязь и объективную закономерность их развития.

В качестве исходной очевидной связи Маркс фиксирует то, что чем больше богатства производит рабочий, тем он становится беднее. «Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду, как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, это есть опредмечивание труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, его претворение в действительность выступает как выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение». [42, С.88]

При частной собственности и отделении труда от капитала, как обнаруживает анализ объективных экономических фактов, происходит превращение опредмечивания в отчуждение. Маркс рассматривает, как из первичного экономического отчуждения закономерно вытекают другие виды отчуждения: отчуждение трудящегося от продукта труда влечет отчуждение от него самого процесса труда. Тем самым от человека отчуждается его родовая сущность. А отсюда вытекает отчуждение человека от человека. «Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности». [42, С.95]

Далее Маркс вскрывает глубинную связь между частной собственностью и отчуждением. Частная собственность является предпосылкой всех видов отчуждения, ибо она есть отчуждение трудящегося от средств производства. С другой стороны, отчуждение продуктов труда и самого процесса труда порождает частную собственность. Результат становится предпосылкой, а предпосылка - результатом.

Итогом анализа экономического отчуждения является вывод Маркса об объективной, закономерной связи между частной собственностью и отчуждением, а также мысль о том, что объективное закономерное развитие частной собственности и отчуждения завершится их преодолением и уничтожением. Собственно, этот вывод не получает в рукописях достаточного обоснования. Коммунизм, как разрешение противоречия между трудом и капиталом, характеризующего высшую форму развития частной

собственности, скорее постулируется, чем доказывается и экономически обосновывается.

Хотя Маркс и определяет коммунизм не как придуманный идеал, а как синоним той стадии исторического развития, на которой преодолевается отчуждение от человека его собственной сущности, сам коммунизм в «Рукописях 1844г.» еще довольно абстрактен и напоминает идеал или недостаточно обоснованную философскую гипотезу. Определение коммунизма Марксом носит скорее нормативный, чем конкретно-экономический характер. «Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека - и в силу этого, как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе, как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм = гуманизму, а как заверченный гуманизм = натурализму; он есть подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он - разрешение загадки истории». [42, С.116]

В рукописях Маркс уточняет философские критерии коммунизма, а также исторические стадии его развития. Но от этого коммунизм здесь не становится, ни более конкретным, ни более историчным.

Первая стадия упразднения частной собственности выражает отрицательное упразднение ее через последовательное распространение частной собственности на все общество. Эта стадия характеризуется признаками казарменного грубого, уравнительного коммунизма. Вторая стадия - положительное упразднение частной собственности, т.е. утверждение реальной общественной собственности. Третья стадия, называемая Марксом действительной жизнью, это уже непосредственно общественная жизнь человека, уже не опосредованная отрицанием частной собственности, а опосредуемая сама собой.

Подобно тому, как Маркс видел в «Феноменологии духа» Гегеля истинную тайну гегелевской философии, так, по нашему мнению, «Экономическо-философские рукописи 1844г.» являются истоком и тайной философии Маркса, а также его социологии и политэкономии. Ибо в них мы видим, как абстрактная идея саморазвития материальной субстанции, пройдя ряд метаморфоз, превратилась в целостную парадигму, представляющую собой органическое единство диалектико-материалистической теории познания, основанной на ней общесоциологической концепции деятельной

материально-практической сущности человека, и, основанной на первых двух, экономической теории капиталистического общества в виде теории отчуждения.

Альфой этой парадигмы является идея о революционной роли философии, которая должна не только объяснять, но и изменять мир. А омегой ее является, хотя и не очень успешно выведенное из теории отчуждения, и абстрактное, но все-таки важное учение о коммунизме. Учение о коммунизме как результате развития экономических отношений капитализма есть развитие и конкретизация мировоззренческой альфы философии Маркса. В этих рукописях мы видим уже основные идеи материалистического понимания истории, политическую экономию Маркса в зародыше, зародыш будущего «научного коммунизма». Диалектико-материалистический метод уже показал свою плодотворность, но далеко не исчерпал свои возможности.

Поскольку логика развитой марксовой парадигмы есть снятая история ее становления, развитие потенциалов, заложенных уже в зародышевом состоянии парадигмы, поскольку исторический анализ становления марксовой парадигмы следует дополнить логическим анализом. Если прежде история для нас служила ключом к логике, то пусть теперь логика послужит ключом к истории.

1.3. Структура социальной философии марксизма: основные трактовки

Почему встает этот вопрос при изучении философии марксизма? Потому, что для адекватного понимания ее сущности нужно правильно понимать ее логическую структуру. А она, во-первых, сложна и неоднозначна. Во-вторых, как всякое великое учение, марксизм подвергся многообразным толкованиям и искажениям, как его противниками, так и его недостойными сторонниками и защитниками.

Поэтому-то при анализе социальной философии марксизма как целостной парадигмы, т.е. системы социальной методологии и основанного на ней социального знания, мы вначале рассмотрим характеристику этой парадигмы самими ее создателями, а именно, Ф.Энгельсом, затем его классическим интерпретатором В.Лениным, и наконец, типичную ее интерпретацию в западной социальной философии. На основе сравнения трех интерпретаций мы попробуем уяснить действительную структуру, архитектуру логическую социальной философии марксизма.

Ф.Энгельс, говоря о главных открытиях Маркса в социальной науке, постоянно вел речь о двух концепциях: 1.материалистическом понимании истории и 2.теории прибавочной стоимости.¹

Вот как сам Энгельс характеризует сущность материалистического понимания истории (исторического материализма): Вся прежняя история, «...за исключением первобытного общества, была историей борьбы классов,... эти борющиеся классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом - экономических отношений своей эпохи,... Экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется, в конечном счете, вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как из религиозных, философских иных воззрений каждого данного исторического периода.» [67, С.208] Значение его по Энгельсу состояло в следующих моментах; 1.был изгнан идеализм из социального познания (вместо объяснения бытия людей из их сознания, теперь был выдвинут принцип объяснения сознания людей из их бытия); 2.социология стала действительной наукой, по материалистическое понимание истории основано на идее объективной, внутренней закономерности истории; 3. материалистическое понимание истории стало методологической основой конкретно-социологического учения марксизма о сущности капиталистического общества, о его экономической системе, о классовой борьбе в нем и о политической системе этого общества; 4.материалистическое понимание истории стало одной из теоретических научных основ теории социализма: изменился статус этой теории. «Социализм стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов – пролетариата и буржуазии.» [67, С.208-209]

Изменилось также главное содержание теории социализма и ее цель: «Задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданным этим процессом найти средства для разрешения конфликта.» [67, С.209]

¹ См. работы Ф. Энгельса: «Карл Маркс», «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке».

Второе открытие К. Маркса - теория прибавочной стоимости. Экономическая теория Маркса является непосредственным развитием материалистического понимания истории, приложением его принципов социального познания к познанию конкретного исторического типа общества - капиталистического. Она же является непосредственным развитием теории социализма в новой ее трактовке, в отличие от утопических социалистов.

Как таковая, она включает в себя объяснение неизбежности возникновения капиталистического способа производства, описание исторической закономерности его существования и развития в определенный исторический период. Кроме того, она вскрывает сущность капиталистического способа производства и вытекающие из него противоречия, являющиеся двигателем его развития, но и ведущие, в конечном, счете, к его гибели и смене социалистическим способом производства.

Мы видим т.о., что по описанию Ф.Энгельса социальное учение марксизма, взятое в целом, есть «научный социализм», который состоит из четырех последовательно опирающихся друг на друга частей:

1.Философия диалектического материализма как теория познания марксизма;

2.Материалистическое понимание истории (исторический материализм) как приложение диамата к познанию истории (распространение диамата на историю)¹;

3.Экономическая теория капитализма;

4.Научный социализм: теория классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и модель социалистического общества.

Правда эта модель – не изобретение Маркса, она взята как описание общих принципов социалистического общества у социалистов-утопистов, но, во-первых, под нее подведена мощная научная база, во-вторых, Энгельс указывает, что теория научного социализма не закончена, и должна быть доработана дальше. Очевидно, что речь идет о разработке конкретной стратегии и тактики борьбы за социализм, теории социалистической революции, а затем и конкретных организационных формах социалистического общества. Но эта разработка связана с конкретно-

¹ В советском марксизме шли долгие споры о соотношении диамата и истмата. Но, очевидно, что философия марксизма есть последовательный диалектический материализм, различающийся не по принципам, а по содержанию в применении к конкретному познанию природы или общества.

историческим процессом действительного развития капиталистического общества, ведущего, в конечном счете, к его гибели и смене социализмом.

В.И. Ленин, характеризуя марксизм, подчеркивает его целостность, заявляя, что «он отлит из единого куска стали». Но, кроме того, Ленин выделяет основные теоретические блоки, элементы марксизма, обращает внимание на их логическую связь, место и значение, каждого блока в общей структуре марксизма, и наконец, указывает на значение марксизма, как для социальной науки, так и для социальной практики.

Ленин выделяет в марксизме три основные части: 1. философию диалектического материализма, 2. экономическую теорию капитализма и 3. теорию научного коммунизма. Причем каждая из них опирается на предшествующую часть и имеет свою внутреннюю структуру.

Философия марксизма есть диалектический материализм, который выступает как общая теория познания, методологический фундамент социальной философии марксизма. В зависимости от предмета познания выделяются 1. диалектико-материалистическое познание природы и 2. диалектико-материалистическое познание общества.

На базе диалектико-материалистического познания общества формируется общесоциологическая теория марксизма, как непосредственный продукт первой и методология конкретного социального познания. Марксова теория общественного познания основана на двух главных идеях: 1. идее объективной закономерности истории и 2. идее социальной природы категорий социального познания (общественное познание есть отражение экономического строя общества).

Общесоциологическая теория марксизма, по определению Ленина, есть поразительно стройная и цельная научная теория, которая показывает «... как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий.» [27, С.44] Важной частью этой теории является учение о классовой борьбе как одной из основных объективных закономерностей развития общества. Как методология социального познания общесоциологическая теория марксизма, или исторический материализм, означает методологическое требование при познании конкретного типа общества начинать с анализа его экономического базиса и вытекающих из него классовых отношений.

Непосредственной реализацией этого требования является вторая часть марксизма: его экономическая теория. Эта теория открывает экономический закон развития буржуазного общества и закономерности, тенденции, этапы его развития. Эта закономерность показывает исторически преходящий характер капиталистического способа производства и неизбежность его

гибели в результате развития неразрешимых противоречий внутри него и смены новым способом производства, а также объективную закономерность классовой борьбы пролетариата и его всемирно-историческую миссию.

В этой своей части экономическая теория марксизма не только служит научным фундаментом коммунистической теории, но входит в нее. Второй частью научного коммунизма является теория, описывающая стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата. Третьей частью научного коммунизма является описание принципов коммунистического общества, которое собственно ни на что не опирается, кроме как на ту идею, что они суть выражение идеалов и интересов пролетариата.

Теперь поговорим о роли этих трех частей марксизма для социальной науки и социальной практики. Философия марксизма дала человечеству и рабочему классу в особенности «великие орудия познания» [27, С.44] общества, его объективной закономерности.

Экономическая теория Маркса «разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма» [27, С.47], открыла тайну капиталистического способа производства. Научный коммунизм дал рабочему классу теорию и программу борьбы за освобождение.

Главным в учении марксизма является «выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества». [27, С.41]

Логика парадигмы социального познания Маркса в снятом виде представляет ее историю.

Обоснование объективности социального познания станет полным, когда к теоретическому доказательству его возможности будет добавлено практическое доказательство его реализации. И на примере экономической теории Маркса можно увидеть это доказательство.

Непосредственной методологической предпосылкой этой теории является общесоциологическая концепция материалистического понимания истории, базирующаяся на определенном субстанциональном принципе, представляющем собой определенное решение проблемы сущности человека.

Маркс берет человека как материальное, чувственное деятельное существо, само себя создающее в процессе предметной деятельности. Эта деятельность включает в себя целую систему отношений и процессов: отношение между человеком и природой, отношения между людьми в процессе материального производства, производство сознания, производство социальных отношений, производство человеком своей собственной социальной сущности. Принципиальной особенностью социологии марксизма является то, что все ее содержание развивается из реальной

эмпирической предпосылки – реального эмпирического человека. «Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Его предпосылками является люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости, и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирическом процессе развития, протекающем в определенных условиях». [37, С.25]

Если лучше всмотреться, то предпосылками материалистического понимания истории являются не непосредственные факты, а факты теоретически осмысленные с т. зр. идеи органического саморазвития материальной, предметной, практической сущности человека, не непосредственные индивиды, а конкретные индивиды, как органический принцип категориального анализа, не просто их деятельность, а их деятельность, осмысленная с т. зр. концепции органического саморазвертывания субстанциональной сущности человека. Только поэтому Марксу и удается изобразить деятельный процесс жизни, исходя из реальных эмпирических фактов, все время оставаясь на их почве, но поднимаясь при этом до их теоретического осмысления. Здесь мы имеем развитый и конкретизированный «последовательный натурализм» природы человека. Вскрыть диалектику социально-исторического процесса на конкретном историческом материале – вот общая задача, вытекающая из концепции материалистического понимания истории. Материалистическое понимание истории является одновременно и общей методологией и программой конкретных социальных исследований, имеющей массу направлений. Из этой массы направлений Маркс выбрал наиболее значимое для него – исследование производственных отношений капитализма. На втором уровне развития парадигмы – общесоциологической теории - Маркс конкретизирует и развивает свой мировоззренческий идеал, подводя под него общесоциологическое обоснование. Такова структура и логика социальной философии марксизма, в интерпретации его создателей и последователей.

Однако, существуют и иные, критические оценки его структуры. Когда западные, буржуазные социальные ученые обращаются к характеристике структуры марксизма и его научного достоинства, то бросается в глаза идеологический характер их оценок. Хотя, конечно, при этом есть различия в оценках и трактовках структуры марксизма и его содержания.

Можно выделить две основных линии в трактовке марксизма западными философами. Первая линия - те, кто признает внутреннюю цельность философии марксизма, но отрицают его научность и подвергают идеологической критике все его составные части. Яркий представитель этой линии - Карл Поппер.

Вторая линия - те, кто признают противоречивость марксизма, т.е. наличие в нем «научной» и ненаучной идеологической частей. К первой части обычно относят теорию материалистического понимания истории и экономическое учение Маркса, но при этом оговаривается ограниченная их научность, не как истинных теорий, а как глубоких, правомерных и плодотворных научных подходов, гипотез, наряду с другими равноправными подходами. Ко второй «не научной» части обычно относят теорию «научного коммунизма», учение о классовой борьбе и всемирно-исторической миссии пролетариата. Так, например, А. Камю заявляет, что в марксизме «Вполне законный критический метод уживается с весьма спорным утопическим мессианством. Беда в том, что этот критический метод, по определению применимый только к реальной действительности, все более и более расходился с фактами по мере того, как хотел сохранить верность мессианству. Давно замечено - и это само по себе является показательным, - что люди черпают из мессианских доктрин лишь то, что, по их представлениям, согласуется с истиной. Это противоречие было присуще Марксу еще при его жизни. Учение, изложенное в «Коммунистическом манифесте», уже не казалось столь же неоспоримым через двадцать лет, после выхода «Капитала».» [12, С.254]

Представители второй линии стараются, умерив претензии марксизма на объективную истину, поправив его и очистив от элементов не научности, идеологичности, ассимилировать марксизм, его «научную часть» в свои социологические теории. Один из лучших и эффективнейших «ассимиляторов» марксизма является «западный Маркс» - М.Вебер, который уравнивает марксизм с любыми произвольными социологическими конструкциями на основе своей неокантианской теории и методологии социального познания. Спор между представителями двух линий идет не столько о структуре марксизма (в смысле его составных частей), сколько о научном достоинстве и связности его частей друг с другом.

На западе сложилась и еще одна традиция трактовки марксизма: противопоставление раннего Маркса позднему Марксу. Эта традиция спекулирует на «Экономически-философских рукописях 1844 г.», в которых Маркс еще не вполне размежевался с Фейербахом и его абстрактным антропологическим материализмом, вследствие чего наблюдается определенная терминологическая неточность и недостаточно четкая и детальная проработанность только формирующихся основных идей социальной философии марксизма.

В противопоставлении раннего Маркса как «реального гуманиста», «врага коммунизма», как завершеного натуралиста, врага, как идеализма,

так и материализма, проявлялись, исторически сменяя друг друга, две линии. Первая линия вела речь о том, что вершиной марксизма является именно ранний марксизм, а затем он отступил от первоначального гуманизма. В рамках этой линии велась речь о том, что Маркс является родоначальником современных идеалистических течений, таких как экзистенциализм и персонализм. Представителями этой линии являются ранний Г.Маркузе, Э.Мунье, Е.Тир, Г. де Ман, С. Ландсгут, И. Майер.

Несостоятельность этой линии заставила ее сторонников прибегнуть к другой тактике: Вместо противопоставления раннего марксизма позднему Марксу была сделана попытка свести позднего Маркса (зрелый марксизм) к раннему Марксу (его не зрелой стадии), чтобы на этой основе выхолостить научное содержание и революционно-научную действительность марксизма. Представители этой линии: Д.Грей, Д.Мак-Леллан, поздний Г. Маркузе, Р.Такен. Смысл этой редукции зрелого марксизма к его ранним стадиям в том, чтобы представить Маркса не ученым-социологом, а моралистом, типа религиозного мыслителя. Научный социализм при этом теряет статус научности и превращается в своеобразную этическую и религиозную систему взглядов. [44]

Так, какова же действительная структура марксизма? Очевидно, что за основу следует принять характеристики этой структуры, данные ее основоположниками и адептами. Однако, необходимо дополнить характеристику структуры марксизма еще одним базовым элементом. Речь идет о главном двигателе социальной теории Маркса, ведущем мотиве его научного творчества, альфе и омеге его теоретической деятельности, основе, ядре и вершине его парадигмы: его мировоззренческой позиции, которую мы назовем «действительный» или «реальный» гуманизм, которая в результате его научной деятельности реализовалась в глобальную теорию научного коммунизма.

Живя в обществе полном жестокости, насилия, несправедливости, вопиющих социальных противоречий, массовых беспросветных страданий трудящихся, Маркс уже с ранней юности не мог повернуться спиной к мукам человечества и стать скотом-обывателем, который бы заботился лишь о собственной шкуре и процветании за счет других людей. Действительный гуманизм как отношение Маркса к современной действительности, как принцип его нравственности и смысл жизни означал реальную и последовательную непримиримую борьбу против общественной несправедливости за гуманизацию общества.

Эта общая жизненная установка реализовалась в двух важнейших мировоззренческих принципах. Первый принцип - единство теории и

практики. «Философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы его изменить.» [41, С.4] Единство теории и практики для философа означает создание гуманистической научной теории общества как идейного орудия реальной борьбы за его гуманизацию. Но философ не должен ограничиваться только созданием теории, он должен позаботиться и принять реальное участие в воплощении гуманистической теории в жизнь.

Второй принцип - сознательная партийность социального познания. Этот принцип означает, что философ должен сознательно и последовательно отстаивать в сфере социального познания и выражать интересы угнетенной части человечества. Подлинно научная и гуманистическая теория общества только и может быть создана с позиций социальной гуманистической партийности. Уважение к этой мировоззренческой позиции демонстрируют даже многие буржуазные оппоненты и критики К. Маркса, например, К.Поппер. Именно на почве и как развитие этой мировоззренческой позиции сформировалась парадигма социального познания марксизма как орудия теоретического познания и практического преобразования антигуманного буржуазного общества. В этой позиции тайна, начало и конец марксизма, его главная сила и слабость. Подводя итог нашему обзору, выделим структуру парадигмы социального познания К.Маркса, как она выявляется с т.зр. анализа его содержания и истории развития. Она может быть представлена в форме следующей **Таблицы «Структура социальной философии марксизма».**

<p>Научный социализм (теория классовой борьбы пролетариата и социалистической революции)</p>
<p>Экономическая теория марксизма (как научное обоснование классовой борьбы и научного социализма)</p>
<p>Материалистическое понимание истории (общесоциологическая теория марксизма как методологическая основа экономической теории марксизма)</p>
<p>Диалектико-материалистическая теория социального познания (учение об объективной закономерности исторического процесса как философско-методологическая основа исторического материализма)</p>
<p>Действительный гуманизм (базовая мировоззренческая позиция Маркса)</p>

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА

2.1.Объективность социального познания и проблема истины

Социальное познание, как и любое другое, не может быть беспредпосылочным. Его предпосылками является социальная действительность и методология, включающая в себя основную гносеологическую направленность или ориентацию исследователя, а также используемые им категории познания и сам способ познания в узком смысле, т.е. способ отбора и объяснения фактов социальной действительности в определенной теоретической концепции.

Центральная и исходная проблема социального познания – проблема объективности. Определенное ее решение ставит перед теоретиком и определенную методологическую сверхзадачу. Постановка проблемы определяет ее решение. Если проблема поставлена неправильно, то и получить ее решение невозможно. Это относится и к проблеме объективности социального познания. В познании теоретическое решение этой проблемы определяет ее практическое решение. Возможность или невозможность объективного знания об обществе обосновывается до самого познания с помощью определенных гносеологических принципов.

В наиболее сконцентрированном виде объяснение объективности предмета социального познания дал Ф.Энгельс в работе «Л.Фейербах и конец немецкой классической философии» в Четвертой главе. Оно сводится к четырем моментам. Во-первых, марксизм открыл существование объективных социальных отношений, в которые люди вступают помимо своей воли и сознания, вынужденные к этому существующим способом воспроизводства своей материальной жизни. Люди действуют сознательно и целесообразно, но являются ли их желания и цели самодостаточными, конечными причинами их поступков, или же их цели определяются объективными социальными отношениями? Ответ очевиден, ибо люди при всем желании не могут произвольно в зависимости от своего желания изменять социальные отношения, и их сознание не может выйти за рамки тех отношений, которые его сформировали.

Во-вторых, обнаружив за целями и мотивами людей объективные общественные отношения, как их конечные причины, марксизм не отрицает, а напротив, учитывает и подчеркивает сознательный характер действий людей, признавая идеологический характер реализации детерминации деятельности людей их объективными социальными отношениями. О чем здесь идет речь? Побудительные конечные силы, вызывающие действия

человека, прежде всего, экономические, неизбежно должны пройти через его голову чтобы превратиться в побуждение его воли, осознанные цели. Отражение объективного положения людей в их сознании может быть ясным и непосредственным, т.е. с пониманием человеком объективной детерминации его сознания, а может быть не ясным или превратным, идеологическим. Человек может во втором случае представить себе, что его сознание определяет его социальные отношения, а не наоборот. Последний тип сознания Маркс называл превратным или идеологическим. Корни его лежат в природе его социальных отношений.

Отсюда вытекает, в-третьих, специфика объективной закономерности истории, в отличие от объективной закономерности в природе. Объективная закономерность в истории существует потому, что деятельность людей объективно обусловлена объективными социальными отношениями, но она реализуется через сознательную деятельность людей. Причем, наука должна учитывать сознание и действия масс людей, а за сознанием и действиями политических деятелей видеть интересы больших социальных групп. Поэтому социальная закономерность является не однозначной и строгой динамической закономерностью, а статистической закономерностью. Действуя как общая средняя тенденция, в зависимости от множества случайных конкретных обстоятельств (среди которых и сознание людей играет большую роль), закономерность может реализовываться в разных формах, разными путями и допускает несколько вероятных вариантов развития исторических событий.

В-четвертых, объективность предмета социального познания связана с его историзмом. Поскольку история есть процесс внутренне закономерного развития общества, и поскольку в ходе этого развития качественно изменяется тип общественных отношений и форм деятельности, постольку, во-первых, предмет социального познания исторически изменчив, и, во-вторых, исторически обусловлено и изменчиво содержание социального знания, поскольку оно претендует на объективное отражение объективной социальной реальности. Каждый исторический тип общества имеет свои специфические закономерности. По мнению К. Маркса «...каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами.» [32, С.20]

В марксистской постановке проблемы объективности можно выделить три взаимосвязанных момента. Это объективность предмета, объективность метода и объективность результата социального познания. Обоснование объективности предмета социального познания, ставшее возможным

благодаря материалистическому пониманию истории, позволило Марксу не только правильно поставить, но и практически разрешить проблему объективности социального познания, определило продуктивность его социальной методологии. Сведение идеологических форм общественной жизни к их материальной объективной основе - производственным отношениям превратило социологию в науку.

При этом марксизм не отрицал специфики объективной социальной закономерности в отличие от закономерностей природы, состоящей в том, что исторические закономерности реализуются через сознательную деятельность людей и действуют не как динамические, а как статистические закономерности, как общие средние тенденции, в рамках которых существует известный простор и выбор вариантов, зависящий от случайности и произвола исторических деятелей. Маркс особое внимание уделял этому моменту в плане необходимости вооружения пролетариата революционной научной теорией. Однако, в силу идеологической ситуации того времени, марксизм в основном подчеркивал и развивал идею объективности исторических законов и меньше уделял внимание моменту субъективности исторического процесса. Это замечал Ф.Энгельс в известных «Письмах об историческом материализме».

Диалектико-материалистическое решение проблемы объективности предмета социального познания включает в себя и момент историзма. Материальное производство как основа истории, как практическое отношение между человеком и природой, есть их диалектическое единство и противоречие. История есть процесс внутренне закономерного развития общества. Из историзма предмета общественного познания вытекает два принципиальных следствия. Во-первых, историческая обусловленность социального познания. Во-вторых, историческая относительность и изменчивость самого предмета социального познания означает относительность и изменчивость самого социального знания.

Этот момент особенно подчеркивал Маркс, говоря, что нет всеобщих исторических законов, а каждый общественный период имеет свои специфические закономерности. Следует уточнить, однако, что речь в данном случае идет об изменчивости конкретно-исторических теорий и законов, отражающих конкретные стадии общественного развития конкретного общества, но не об изменчивости общесоциологической концепции, или общей гносеологической концепции марксизма.

Очень важный аспект историзма предмета социального познания связан с проблемой включенности социолога в социальные отношения, социальной обусловленностью его мировоззренческих позиций, которые

вливают на его научную деятельность. Жесткость этого влияния, очевидно, испытывает любой социальный ученый. Это влияние ставит под сомнение практическую возможность объективного социального знания. Никто не станет отрицать, что социальный ученый, во-первых, вовлечен в конкретные социальные отношения, во-вторых, имеет свои мировоззренческие принципы, и что, в-третьих, все это не может не оказывать влияние на его познавательную, теоретическую деятельность. Партийность - обусловленность теоретических концепций социолога его мировоззренческими ориентациями и социальным положением. Не означает ли партийность субъективную или классовую идеологическую предвзятость социального ученого? Совместима ли эта предвзятость с требованием научной объективности? Возможно ли разделить партийность и объективность, или избежать партийности в социальном познании?

Марксизм отвечает на эти вопросы следующим образом. В социальном познании партийность принципиально неустранима. Все попытки избежать ее являются самообманом или же маскировкой. Но есть разные виды партийности, и у них складываются разные отношения с объективностью. Первый вид партийности - откровенно апологетическая партийность идеологии, не скрывающей, а, напротив, пропагандирующей свою субъективную, классовую предвзятость, за которой скрывается циничное выражение интересов реакционных господствующих, эксплуататорских общественных классов. Второй вид партийности - замаскированная под объективизм, мнимая беспартийность, скрывающая под формой объективности, чисто внешней, показной и фальшивой, вполне определенные классовые интересы, подающая идеологию реакционных классов в упаковке «общенаучной объективности». Третий вид партийности - сознательная прогрессивная партийность, рассматривающая социальную реальность с позиций исторически прогрессивного класса, заинтересованного в объективном познании объективной исторической закономерности и преобразовании существующего общества на основе этого знания. Только последний вид партийности не только совместим с подлинной научной объективностью, но и является важнейшим ее условием.

Как преодолеть? Т.о. марксизм разрешает проблему субъективности, мировоззренческой предвзятости теоретической позиции социолога, эту реальную трудность социального познания, исходя из нее самой, т.е. из того, что мировоззренческая позиция ученого объективно социально обусловлена. Социальное познание может быть объективным, если мировоззренческая позиция ученого совпадает с объективными тенденциями исторического развития. Другими словами, если ученый разделяет мировоззренческую

позицию класса или общественной группы, объективно заинтересованных в объективном познании закономерности исторического развития. Марксизм, т.о. не отрицает влияния мировоззренческой позиции ученого на процесс социального познания, более того, он считает его не только неизбежным, но и необходимым. Но при условии четкого выяснения объективно-исторической обусловленности этой позиции и ее отношения к закономерности развития данного общества.

Реализуя этот подход, сам Маркс исходит из принципа тождества объективности социальной науки с принципом материалистической партийности, т.е. объективно обусловленной партийности, заинтересованной в объективной истине. Прямо становясь на позиции мировоззрения пролетариата, как класса буржуазного общества, заинтересованного в объективном познании общественного развития, класса, чьи интересы совпадают с интересами исторического развития и его объективными тенденциями, Маркс последовательно реализует в своей социологии принцип объективной партийности.

Марксизм четко отличает объективную партийность от так называемого «объективизма». Суть объективизма сводится к идее о возможности чистого, объективного, свободного от мировоззренческого влияния социального знания. Эта возможность мнимая, иллюзорная. За ней легко обнаружить корыстное стремление не исключить партийность в общественном познании, а замаскировать вполне определенную партийность. Как правило, «чистый» «объективизм» сводится к простому описанию фактов без их теоретического осмысления. Но даже этот эмпиризм на самом деле оказывается апологетикой вполне определенных явлений, т.е. замаскированной формой выражения вполне определенной теоретической концепции.

Чтобы провести действительный объективизм в социальной науке, нужна не апологетика фактов в их эмпирически случайной форме, а критика фактов, но не с позиции предвзятой теории, а с позиции самих фактов, взятых в их собственной внутренне закономерной связи и саморазвитии. Такая сверхзадача вытекает для социальной науки из марксистского решения проблемы объективности социального познания.

2.2. Методология социального познания

Проблему объективности метода социального познания часто сводят лишь к вопросу о партийности, оставляя как-то в тени обоснование объективности самой методологии познания. Между тем, без этого обоснования невозможно говорить об объективности социального познания, даже, если мы обосновали объективность предмета социальной науки, и обосновали возможность совпадения партийности и научности в мировоззренческой позиции ученого. Считать объективность метода социального познания самоочевидной, самодостаточной в принципе неверно.

Объективный метод в социальном познании должен быть диалектико-материалистическим, т.е. рассматривать общество сообразно его собственной природе, а именно как особую объективную саморазвивающуюся целостность. Только при таком методологическом подходе возможно действительно научное отношение к конкретным фактам социальной действительности. Оно состоит в том, чтобы брать всю совокупность эмпирических фактов и исследовать их в их объективных, внутренних существенных связях. Факты - начало и конец социальной философии марксизма. Необходимо искать их внутренние связи в них самих, а не вносить их туда из головы ученого. Необходимо сопоставлять не факты с теориями, а теории с фактами и факты друг с другом. Этот подход, осуществимый только на основе диалектико-материалистической теории познания, отличается от произвольного упорядочения (толкования) произвольно отобранных отдельных фактов, типичного для опирающейся на неокантианскую теорию познания западной социальной философии.

Суть метода марксизма состоит не в сведении реальности к понятийной схеме, не в подведении реальности под абстрактную схему материалистического понимания истории, а в том, чтобы подвергнуть реальность теоретической критике, а теорию фактической критике. Без философской основы материалистического понимания истории объективное познание социальной реальности было бы невозможно. Но, важно, чтобы эта основа не играла роль заместителя реального знания, шаблона, под который подгонялась бы реальность.

Факты - начало и конец социальной науки марксизма. Искать их внутренние связи в них самих – вот в чем задача социального познания. Сопоставлять не факты с теориями, а теории с фактами и факты друг с другом. Энгельс так и определил суть материалистической теории познания, ее метода: «Люди этого направления решились понимать действительный мир - природу и историю - таким, каким он сам дается всякому, кто подходит

к нему без предвзятых идеалистических выдумок; они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает.» [65, С.302]

Но, чтобы осуществить этот лишь на первый взгляд легкий подход к фактам, необходимо опираться на диалектико-материалистическую теорию познания, общесоциологическую концепцию материалистического понимания истории, как методологические предпосылки действительного объективного социального познания.

Маркс также дает принципиальное решение проблемы обоснования объективности общесоциологических принципов и общесоциологической концепции, выступающих методологией конкретно-социологических исследований. Это проблема, прежде всего, природы и статуса категорий общественного познания. Маркс дает ее общее принципиальное решение. Однако, сам процесс, механизм формирования абстрактнейших философских и социологических категорий, как отражения объективных форм идеально-преобразовательной деятельности определенной исторической эпохи, остается до сих пор не исследованным.

Проблема природы категорий социального познания решается Марксом с позиций материалистической диалектики. «Экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства... Те же люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи, категории соответственно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как выражаемые ими отношения. Они представляют собой исторические и преходящие продукты». [38, С.133]

Каким же образом с помощью общесоциологических категорий происходит познание конкретной социальной реальности? Возможно ли оно чисто технически? Какую роль в познании играют категории социальных наук: средства объективного познания реальности или средства упорядочения фактов, или же средства конструирования картины социальной реальности?

По Марксу, абстрактные категории логики есть не приближение, а удаление от сущности конкретной вещи, а задача познания состоит не в испарении конкретных вещей и явлений в абстрактных формально всеобщих категориях, а в теоретическом воспроизводстве конкретных явлений в форме понятия, в возведении реальности из формы эмпирической случайности и

единичности в форму теоретической необходимости и всеобщности. Именно эту функцию и выполняют категории социального познания.

Но, если свести сущность явлений к абстрактным категориям, то и движение вещей будет выступать в форме логического движения категорий. «Если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам нетрудно сообразить, что в логической формуле движения мы нашли абсолютный метод, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи». [38, С.131]

Абстрактные категории познания могут использоваться двумя разными способами: либо путем подгонки фактов под эти абстрактные категории, либо как средства, инструменты, помогающие постичь внутренние связи самих фактов. Во втором случае эти абстрактные категории подвергаются фактической критике, а факты подвергаются категориальной критике. В этом процессе взаимной критики абстрактные категории превращаются в конкретные категории, отражающие сущность реального предмета. При этом движение категорий определяется движением реального предмета. Именно об этих двух разных использованиях категорий и говорит Маркс в предисловии к своему «Капиталу». «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является прямой его противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». [32, С.21]

Способ изложения в «Капитале» Маркса напоминает априорное конструирование категорий в духе гегелевского метода. Маркс же подчеркивает, что это лишь внешнее сходство. У Гегеля развертывание категорий и есть действительное движение, которое проявляется в частных сферах природы, общества и т.п. Для Маркса же абстрактные категории лишь средство идеального преобразования материального, т.е. теоретического воспроизводства реального конкретного предмета познания. Его способ исследования – не гегелевское произвольное конструирование в чистой сфере логики, а воспроизводство реального конкретного в мышлении с помощью категорий.

В заключение зададим несколько вопросов. Верна ли марксистская теория социального познания? Продуктивна ли она? Дает ли она действительное научное социальное знание? Положительный ответ в историческом плане дает концепция материалистического понимания истории и экономическая теория марксизма, чья безусловная научность

общепризнанна. Это и есть доказательство продуктивности марксистской теории социального познания, на которую, как на свои методологические предпосылки, опирались данные научные концепции. Но продуктивна ли марксова теория социального познания в методологическом плане сегодня? Применима ли она к познанию современной социальной реальности? Ответить на этот вопрос можно, лишь попробовав ее применить. Но отказываться от проверки ее продуктивности путем простого постулирования ее непродуктивности (до и без всякой проверки), путем произвольного навешивания на нее ярлыков: «устаревшая» и «непродуктивная» - это, во-первых, некорректно и не научно, во-вторых, это наводит на вполне определенные подозрения в предвзятости ее поверхностных критиков.

2.3. Антропология марксизма

Материалистическое понимание истории состоит из трех опирающихся друг на друга, друг из друга вытекающих и друг друга развивающих теоретических концепций: 1. концепции природы человека, 2. концепции общества как системы, представляющей собой действительную, развертывающуюся в истории сущность человека, 3. концепции исторического процесса (философии истории). Не забудем, что само материалистическое понимание истории опирается на теорию социального познания марксизма.

Мы рассмотрим материалистическое понимание истории по частям и в целом сначала как теоретическую общесоциологическую концепцию, а затем как методологическую систему принципов конкретного социального познания. При этом рассмотрении нельзя игнорировать такого факта, что материалистическое понимание истории, как впрочем, и любая другая часть социальной философии марксизма, подвергалась многочисленным и разнообразным по форме (но однообразным по сути) искажениям как со стороны недалеких и недобросовестных его «последователей», так и со стороны хитрых, умных, либо примитивных, но равно непримиримых противников. По этому поводу вспоминается басня «Слон и Моська». Обычно здесь видят одну сторону – способ самоутверждения ущербной личности: глупая Моська лает на несоизмеримого слона, тем самым повышая свою самооценку и статус в глазах публики. Но мы можем посмотреть на ситуацию и иначе: Ай, да слон, раз столько разных мосек столько лет все лают и лают на него. Знать он действительно силен!

Начнем с концепции сущности человека. Сущность человека по Марксу определяется способом его существования, воспроизводства своей

жизни. А этот способ есть общественно-историческая практика – материальная, предметная, целесообразная, трудовая деятельность человечества, протекающая в определенной форме общественных отношений, в единстве всех видов и моментов идеально и материально преобразовательной деятельности. Практика не сводится только к материальному производству, производству непосредственных средств к жизни, она включает в себя все богатство видов и форм человеческой жизнедеятельности. В сжатом виде учение о практически-деятельной сущности человека изложено Марксом в «Тезисах о Фейербахе». В общественно-исторической практике как предметно-деятельной сущности человека, развивающейся в истории можно выделить две взаимосвязанных и взаимно обуславливающих стороны: 1. предметная (субъект-объектная) структура: взаимно обуславливающие друг друга отношения между человеком и природой и отношения между людьми по поводу производства своего существования и 2. деятельная структура как реальное опосредование или связь элементов предметной структуры практики.

Практика как общественное воспроизводство человеком своего существования включает в себя не только деятельность по производству физического существования (материальное производство), но и производство сознания, а также системы социальных отношений. Предметная структура практики характеризует сущность человека как всю систему объективных отношений, складывающихся между людьми на исторически определенной ступени развития общественного производства. Деятельная структура практики характеризует сущность человека как процесс общественного производства, общественной жизнедеятельности человека. «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.» [41, С.2]

Искажения марксовской концепции сущности человека (как общественно-исторической практики) построены на сведении сущности человека к индивидуальному труду по добыванию средств для физического существования, т.е только к материальному труду. При этом труд выглядит как врожденная или приобретенная способность индивида, а не как система общественного производства и система соответствующих ему общественных отношений. Кроме того, труд сводится лишь к одной, причем самой приземленной, грубой его форме - физическому напряжению сил в добывании хлеба насущного.

Марксов анализ общества как системы непосредственно вытекает из данной концепции сущности человека. Если сущность человека есть вся

система общественных отношений, то общество и есть развертывающая себя в истории сущность человека. Т.о. главная идея общесоциологической концепции Маркса состоит в рассмотрении общества как особой органической (лучше сказать, свёрхорганической), динамической, саморазвивающейся целостности, как объективной материальной системы взаимно определяющих друг друга форм человеческой деятельности и соответствующих форм общественных объективных отношений.

2.4. Теория общественной формации

Общество как систему рассматривают многие философы. В чем же специфика марксова системного подхода? В том, что он рассматривает общество как материальную систему, подчиняющуюся объективным закономерностям. Это означает, во-первых, выделение первичных или базовых форм деятельности и общественных отношений – экономических отношений, складывающихся по поводу материальной производственной деятельности, т.е. производственных отношений, и указание на их объективный характер: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые от их воли независимые отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил.» [35, С.6]

Во-вторых, это означает определение остальных общественных отношений и форм деятельности как вторичных, надстроечных, над базовыми. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». [35, С.6-7]

В-третьих марксизм устанавливает взаимодетерминацию между первичными, базисными и надстроечными социальными отношениями и формами деятельности: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовные процессы вообще.» [35, С.7] Однако, последние в свою очередь оказывают активное обратное воздействие на способ производства, экономическую структуру общества и обладают относительной самостоятельностью и внутренней закономерностью, логикой развития. В общем детерминационные связи между базисным и надстроечным элементами общественной системы сложны, взаимны, диалектичны и конкретны.

В связи с частотой путаницей и неточностью в толковании ключевых категорий системного анализа общества марксизмом обратим внимание на

терминологию Маркса в «Предисловии к «Критике политической экономии». **Совокупность производственных отношений** есть по определению Маркса «экономическая структура общества» или «реальный базис» общественной системы. **Способ производства** - это не единство производительных сил и производственных отношений как трактуется в вульгаризованной марксистской схоластике. Это - исторически определенный ступенью развития материальных производственных сил **тип экономических или производственных отношений**.

Понятие способ производства характеризует деятельную структуру материального производства, а понятие «экономическая структура общества» характеризует предметную структуру материального производства.

Под общественной формацией, которую в тексте Маркс отделяет, отличает от термина «экономическая общественная формация» имеется ввиду конкретно-исторический тип целостной общественной системы в единстве ее базисных и надстроечных отношений и процессов общественной деятельности. «Экономическая общественная формация» - особая разновидность общественной формации, для которой характерно господство экономических отношений над другими общественными отношениями. Эта экономическая общественная формация проходит ряд ступеней в своем развитии и основана на частной собственности на средства производства.

Марксистская концепция общества как материально-деятельной, объективной системы общественно-исторической практики человека как родового существа подвергается популярной вульгаризации в форме экономического детерминизма. Экономический детерминизм есть доведение здравой мысли до абсурда, до крайности или искажение верной идеи об определяющей роли экономической структуры общества по отношению к другим общественным процессам и отношениям. Он выражается конкретно в трех положениях: 1.механическое сведение всех социальных процессов и отношений к экономическим отношениям; 2.связь между базисными и надстроечными социальными отношениями и процессами рассматривается как линейная жесткая однонаправленная детерминация базисом надстройки, без учета обратного воздействия и вообще при игнорировании всей сложности их действительного взаимодействия; 3.механическое сведение экономических отношений к типу орудий труда при игнорировании сложной диалектики взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Обычно питательной почвой и дополнением к «экономическому детерминизму» является упрощенное «предметно-статическое» толкование структуры общественной системы, когда она в целом и ее элементы берутся

не как диалектическое единство социальных отношений и соответствующих им форм деятельности конкретных людей, не как живая социальная деятельность конкретных людей, протекающая в определенных социальных формах, а как застывшие общественные формы, как элементы некоей статистической системы, являющейся априорной упорядочивающей формой по отношению к реальной деятельности реальных людей. Это упрощенное толкование искажает суть материалистического понимания истории, т.е. его трактовки общества как динамической, материальной системы общественной практики человека, как родового существа. Такое толкование превращает материалистическое понимание истории в шаблон, под который подгоняется реальная социальная система.

2.5.Философия истории марксизма

Важной частью общесоциологической теории марксизма является философия истории. Анализ общества как особой динамической материальной системы, во-первых, требует естественного развития, в форме концепции исторического развития общественной системы, а, во-вторых, является для нее методологической базой, т.к. он дает критерии классификации социальных систем и периодизации их исторических стадий. Философия истории марксизма, как и любая другая, должна решить две основные теоретические проблемы: 1.выделение и описание исторических типов социальных систем или последовательных качественных стадий развития социальной системы и 2.объяснение механизма смены исторических типов общества.

Марксизм старается решать эти задачи на почве конкретных исторических фактов, ища критерии периодизации и закономерности смены исторических типов общества во внутренних закономерностях развития социальных систем, и их внутренней структуре. Марксизм вообще рассматривает общество как исторически развивающуюся по внутренним объективным законам систему. Механизм или законы смены исторических типов общественных формаций (так называет марксизм исторические типы общества) таков: в результате развития производительных сил в рамках определенных, соответствующих им производственных отношений, они достигают такого качественного уровня, что вступают в конфликт с существующими производственными отношениями. Этот конфликт означает, что эти производственные отношения из формы развития производительных сил превращаются в их оковы. Этот конфликт разрешается путем социальной

революции - качественного изменения производственных отношений, а затем и всех надстроечных отношений и форм общественного сознания. Маркс подчеркивал первичность изменения экономической основы общества по отношению к качественному изменению надстройки. Он также подчеркивал, что «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества». [35, С.7] Важной деталью способа перехода от одной формации к другой является осуществление его через идеологическую деятельность людей. Она идеологическая потому, что политические, религиозные, деятели, философы представляют себя и свое сознание конечными причинами совершающейся социальной революции, часто не отдавая себе отчета в подлинном историческом смысле своих действий, и в их глубинной экономической основе. В-общем, люди осознают и своей сознательной деятельностью борются и стараются разрешить конфликт производительных сил и производственных отношений. Но обычно осознают его в превратной идеологической форме.

Критерием периодизации исторических типов общества у Маркса естественно оказывается тип способа производства «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации.» [35, С.7]

Вся описанная общесоциологическая теория и философия истории марксизма относится к характеристике одного, единого глобального типа общества, который Маркс называет «антагонистической формой общества» или «экономической общественной формацией». Для него характерно господство над человеком стихийно, помимо его воли складывающихся производственных отношений, функционирование самого человека как безличной производственной силы, различные формы отчуждения от человека его родовой сущности, и различные формы порабощения человека стихийными природными и социальными силами и отношениями, антагонизм частной собственности и труда.

Весь этот период развития общества, в котором лишь сменяют друг друга разные формы отчуждения, Маркс называл предысторией человечества, или «царством естественной необходимости». Второй этап истории, - это «Царство осознанной необходимости» - или эпоха коммунизма, т.е. такого типа общества, в котором люди, поставив под сознательный общественный контроль свои экономические отношения,

постепенно будут преодолевать отчуждение во всех его формах и проявлениях. Эта эпоха переходная между царством естественной необходимости и третьей эпохой – «царством свободы» или эпохой гуманизма.

В царстве свободы человек выйдет из непосредственного материального производства, сделав его полностью автономным, автоматическим, освободится от порабощающего подчинения производственным отношениям, будет т.о. уничтожен труд как категория, означающая такой вид деятельности людей, при которой они связаны между собой отчужденными, производственными отношениями, будут т.о. уничтожены и производственные отношения. Деятельность человека станет подлинно свободной и подлинно человеческой, а социальные отношения станут подлинно человеческими отношениями в их совместной деятельности по реализации гуманистического творческого потенциала каждого человека, которые они будут свободно строить по нормам истины, добра и красоты. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе.» [32, С.386-387]

В основе этой глобальной философско-исторической концепции марксизма лежит классификация типов общества по таким признакам, как характер отношения человека к своим собственным социальным отношениям, степень свободы в реализации неограниченного творческого

потенциала практической сущности человека. Без учета этой концепции, т.е. если мы ограничимся только периодизацией антагонистического типа общества или «эпох экономической общественной формации», мы впадем в искажение действительной философии истории марксизма.

Именно это и происходит в типичной вульгаризации марксовой философии истории - знаменитой схоластической пятичленке, которая выделяет пять исторических типов общественных формаций: 1.первобытнообщинная формация, 2.рабовладельческая, 3.феодалная, 4.буржуазная, 5.коммунистическая. Из этой пятичленки, во-первых, выпадает «азиатский способ производства». Во-вторых, реальная история многих стран не вписывается в эту «стройную схему». В-третьих, коммунистическая формация здесь выглядит как конец истории, что противоречит идее диалектического саморазвития общественной системы. В-четвертых, эта пятичленка используется как шаблон, под который искусственно подгоняется мировая история. В-шестых, здесь игнорируется качественная разница между предысторией и действительной историей человечества, и также искажается суть переходной эпохи – коммунистического типа общества.

Подвергается вульгаризации и идея социальной революции как механизма или способа перехода от одного типа «экономической общественной формации» к другому. Революция сводится к политическому перевороту или вооруженной борьбе, или только к экономическому перевороту. Все это сужает и искажает действительную суть социальной революции как закономерности смены типов способов производства или эпох «экономической общественной формации».

Нам осталось еще рассмотреть методологическую роль материалистического понимания истории в конкретном социальном познании. Материалистическое понимание истории как методология требует к каждому типу общества прилагать соответствующую ему меру, т.е. рассматривать его сообразно его специфической природе. Если речь идет об эпохах «экономической общественной формации», то материалистическое понимание истории как методология требует придерживаться следующих основных принципов. Первое - при познании конкретного общества в конкретных исторических обстоятельствах следует начинать с выяснения его экономической структуры или способа производства. Второе - затем следует рассмотреть, каким образом данный способ производства обуславливает юридические, политические и социальные процессы и отношения, соответствующие данному способу производства, и как они, в свою очередь, влияют на способ производства. Речь идет т.о. об исследовании взаимной

детерминации экономических, политических и юридических отношений, а не о примитивном сведении всех общественных явлений, без учета их специфики и относительной самостоятельности к экономическим отношениям, или еще примитивнее к производительным силам.

Третье - общественное сознание людей следует объяснять из условий их общественного бытия, т.е. рассматривать каким способом экономические, политические, социальные отношения отражаются в сознании людей, индивидуальном и общественном, и каким образом их «идеологическое» сознание влияет на объективные общественные отношения, т.е. на материальные условия, формирующие это сознание. Объяснение сознания из общественного бытия не означает, естественно примитивного сведения его к общественному бытию и игнорирования его роли в общественной системе.

Четвертое - рассмотрение общества как сложной, динамической системы общественного разделения труда, и диалектически взаимодействующих между собой относительно самостоятельных общественных подсистем: экономической, политической, управленческой, системы духовного производства, исходя из первичности экономической основы общества.

Продуктивность этих принципов проявляется в непосредственно опирающейся на общесоциологическую концепцию марксизма, экономической теории Маркса.

Если же речь идет о познании другой «не экономической» общественной формации, мы должны рассмотреть ее элементы (подсистемы) в их специфике и иной внутренней связи. Предположительно здесь становится возможным смена детерминации: общественное сознание приобретает способность определять и формировать социальные отношения и материальный производственный базис общества. Эта часть методологии марксизма не могла быть разработана ранее, и, очевидно, ее разработка является задачей современного марксизма. Причем, этот современный марксизм будет качественно отличаться, вплоть до противоположности, от оригинального марксизма.

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРКСИЗМА

3.1.Метод политической экономии марксизма

Экономическая теория Маркса является результатом критической переработки практически всех сколько-нибудь значимых экономических учений его времени. Причем в этой переработке он исходил из фактической критики теории и теоретической критики фактов экономической жизни капиталистического общества. Оба этих процесса позволили Марксу от простого описания капиталистических производственных отношений перейти к их научному объяснению, к установлению их происхождения и закономерности их развития. «Исследование производственных отношений данного, исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке- таково содержание экономического учения Маркса». [25, С.60]

При характеристике экономической теории Маркса мы рассмотрим три момента: 1.ее метод 2.марксистский анализ структуры экономических отношений капиталистического способа производства, 3.анализ происхождения, тенденций законов развития капиталистического способа производства.

Сам Маркс определял свой метод как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Подробную характеристику этого метода можно найти в «Экономических рукописях 1857- 1861 г.г.» Этот метод, по его мнению, «...есть, очевидно правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому и выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, и вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления.» [43, С.37]

Гегелевская идея выведения из исходной клеточки зрелого организма, из простого, абстрактного начала конкретного целого, из фундаментального производственного отношения всей системы экономических отношений капиталистического способа производства, осуществляется Марксом при этом на материалистической основе. В отличие от Гегеля для Маркса действительным исходным пунктом является реальное целое, как саморазвивающийся субъект. Поэтому, реальный субъект постоянно должен «витать перед нашим представлением» как предпосылка воспроизводства его в экономической теории.

Для Маркса, в отличие от Гегеля, экономические категории являются отражением абстрактных моментов целого, а процесс синтеза категорий (их диалектика) есть процесс синтеза конкретного целого в мышлении, как отражения, воспроизводство в мышлении реального конкретного целого.

Маркс, наконец, в отличие от буржуазных экономистов (будучи не заинтересован в апологетической интерпретации экономических явлений), берёт абстрактные экономические категории не в их абстрактной логической связи, а в той реальной связи, в которой они находятся в данном конкретном целом.

Чтобы можно было взойти от абстрактного к конкретному, исходным пунктом должна быть субстанциональная для капиталистического способа производства клеточка, из которой вырастает вся система буржуазных экономических отношений. В ней, как в зародыше, в неразвитом, потенциальном виде заключен весь зрелый организм, все конкретное целое.

Субстанциональное простейшее начало, из которого развивается конкретное целое объективно дано историей в форме абстрактно-всеобщего производственного отношения - товарного отношения. «Товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества.» [32, С.6]

Задача создания экономической теории капитализма состоит в том, чтобы, начав с анализа внутренних противоречий в этой клеточке, воспроизвести всю систему буржуазных производственных отношений. В ходе этого теоретического синтеза «Каждая последующая конкретная категория предстает как форма развития тех противоречий, которые были выявлены анализом в составе предшествующих ей категорий, и вступает, как процесс усложнения той цепи опосредствующих звеньев, тех «метаморфоз», через которые должны проходить два первоначально выявленных полюса стоимости в процессе их взаимного превращения. Становление системы отношений (и выражающих их категорий) и предстаёт как процесс нарастания «напряжения» между двумя полюсами исходной категории. Путь взаимного превращения противоположностей товарной формы становится все длиннее и сложнее, все запутаннее. Взаимно тяготеющие друг к другу полюсные формы выражения стоимости все время остаются, однако, крайними точками, между которыми возникают все новые формы отношений.» [11, С.214-215] Развитые экономические категории появляются как разрешение, с одной стороны, противоречия на уровне менее развитых форм, а, другой стороны, как сохранение исходного противоречия, но на более высоком уровне конкретности. Таков метод Маркса.

3.2. Организация капиталистического способа производства

Какова же экономическая структура буржуазного общества? Товар как экономическое отношение, возникающее между производителями разных продуктов, в процессе обмена между ними продуктами своего труда обнаруживает две стороны: стоимость (абстрактный труд) и потребительную стоимость (конкретный труд). Развитие товарного производства ведет к развитию формы стоимости от случайной к всеобщей и наконец, к денежной. На известной ступени своего развития денежная форма стоимости, как экономическое отношение превращается в капитал. Формулой товарного обращения было Т-Д-Т, т.е. продажа одного товара для покупки другого. Формула капитала, как нового экономического отношения: Д-Т-Д, т.е. покупка товара для продажи с прибылью. Именно этот рост превращает деньги в капитал, как особое исторически определенное отношение производства. Прибавочная стоимость оказывается противоречивым экономическим явлением. С одной стороны она не может возникнуть из товарного обращения, с другой стороны она из него возникает. Ее тайну Маркс раскрыл, обнаружив тот особый товар, который дает ее – рабочая сила человека (проданный рабочим свой труд). Причем возникает эта прибавочная стоимость не в процессе обмена Д-Т-Д, а в процессе труда и за счет присвоения, эксплуатации владельцем капитала прибавочного труда рабочего.

Историческими предпосылками превращения денег в капитал являются, во-первых, накопление известной достаточной денежной суммы в руках капиталистов при высоком уровне развития товарного производства, во-вторых, наличность «свободного» от средств производства рабочего, которому приходится продавать свою рабочую силу владельцу средств труда.

Далее Маркс рассматривает отношения между капиталистом и рабочим, возникающие по поводу прибавочной стоимости. Отношение прибавочной стоимости к стоимости рабочей силы определяет норму прибавочной стоимости (норму эксплуатации). Увеличение прибавочной стоимости возможно двумя путями: 1. производство абсолютной прибавочной стоимости (увеличение рабочего дня), 2. производство относительной прибавочной стоимости (путем сокращения необходимого рабочего времени, т.е. стоимости рабочей силы). Последний способ прошел три стадии развития: 1. простейшая кооперация труда, 2. разделение труда - мануфактура, 3. машины и крупная промышленность.

Раскрыв тайну капитала, Маркс не ограничился этим и подверг исследованию процесс воспроизводства капитала, т.е. его накопления, и

закономерности этого процесса. Это накопление нужно отличать от первоначального накопления, создавшего предпосылки собственно капиталистического производства. Накопление капитала есть превращение части прибавочной стоимости в капитал, вкладываемый в расширение производства. При этом часть прибавочной стоимости идет на переменный капитал, а часть на постоянный. Постоянный капитал — часть капитала, которая используется для покупки средств производства — оборудования, сырья, материалов, но без рабочей силы (без зарплаты). В процессе производства постоянный капитал лишь полностью переносит свою стоимость на результат производства, но не изменяет своей совокупной величины (эта величина остаётся постоянной). При таком переносе меняется лишь его физическая форма — исчезает сырьё, материалы, разрушается оборудование, а взамен появляется продукция, в стоимость которой полностью включена стоимость сырья, материалов и амортизация оборудования. Никаких изменений в величине стоимости при этом не происходит, перенесённая стоимость не изменяется, остаётся постоянной. Переменный капитал — часть капитала, которая используется для покупки рабочей силы («чистая» зарплата, получаемая на руки, без налогов).

Превышение стоимости товара над величиной постоянного капитала Маркс объяснял особой ролью затрат на покупку рабочей силы (заработную плату, переменного капитала). Отношение переменного капитала к постоянному Маркс называет органическим строением капитала. Т.о. формула стоимости по Марксу такова: $K=c+v+m$. Здесь c — постоянный капитал, v — стоимость рабочей силы (стоимость затрат капиталиста на рабочую силу), m — прибавочная стоимость (стоимость неоплаченного прибавочного труда рабочего).

3.3.Динамика капитализма

По мере развития капиталистических средств производства, техники и промышленности доля постоянного капитала возрастает по сравнению с долей переменного капитала. Эта объективная тенденция накопления капитала ведет к росту безработицы, с одной стороны, и с другой стороны, к кризисам перепроизводства, в результате которых идет централизация и укрупнение капитала и производства. Именно отсюда из объективной закономерности накопления капитала Маркс выводит закономерность неизбежной экспроприации капитала рабочим классом. «Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более широких,

крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств производства в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущение рабочего класса, который обучается, объединяется, и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспортируют.» [32, С.771-773]

Исследовав производство капитала, Маркс далее исследует весь процесс или всю систему общественного воспроизводства капитала, т.е. общественный процесс обращения капитала в рамках всего общества, т.е. обращение, и воспроизводство всего общественного капитала. При этом он выделяет две формы общественного производства: производство средств производства и производство предметов потребления и анализирует специфику обращения капитала в этих формах как при простом воспроизводстве общественного капитала, так и при расширенном воспроизводстве его, т.е. накоплении.

Прибавочная стоимость в процессе общественного оборота капитала превращается в прибыль - отношение прибавочной стоимости к издержкам производства (т.е. ко всему вложенному в предприятие капиталу). Норма прибавочной стоимости превращается в норму прибыли. Маркс также исследует, какие экономические факторы и каким образом влияют на норму прибыли. Здесь исследуются такие факторы, как оборот капитала, экономия на постоянном капитале, влияние колебаний цен на рынке.

Маркс исследует, далее, как в общественном обороте капитала образуется средняя норма прибыли, и какие факторы на нее влияют. Главным фактором, определяющим норму прибыли является органическое строение капитала. Капитал высокого органического строения (с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего

общественного) дает нормы прибыли ниже среднего. Капитал с низким органическим строением дает нормы прибыли выше средней.

Средняя норма прибыли формируется в условиях капиталистического товарного производства в результате конкуренции и свободного движения капиталов из одной сферы производства в другую. Но процесс ее стихийного формирования сопровождается колебаниями цен, отклонениями их от стоимости на разных предприятиях и в разных отраслях производства.

Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен всех товаров, но на отдельных предприятиях и в отдельных отраслях производства товары под влиянием конкуренции продаются не по их стоимостям, а по цене производства (которые равны затраченному капиталу плюс средняя прибыль).

В обществе разрозненных производителей сведение общественной стоимости к индивидуальным ценам, т.е. закономерность средней прибыли, проявляется как средняя, общественная, массовая закономерность, при взаимном погашении индивидуальных отклонений в ту и другую сторону.

Исследовав процесс образования средней прибыли и средней нормы прибыли, Маркс анализирует тенденции ее развития и обнаруживает «закон тенденции нормы прибыли к понижению». Он вытекает из того, что повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным капиталом. А так как прибавочную стоимость дает лишь переменный капитал, то норма прибыли: отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу имеет тенденцию к падению. Спротивляться этой тенденции капиталист может разными способами: повышение степени эксплуатации, понижение зарплат на рабочую силу ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, увеличение акционерного капитала. Однако, все эти способы не дают радикального лечения от падения нормы прибыли, а выступают лишь как временные оттяжки, ухудшающие болезнь.

Из действия этого закона Маркс выводит фундаментальные противоречия, принципиально не разрешимые при сохранении капиталистических производственных отношений: между расширением производства и увеличением его стоимости, между избытком капитала и избытком населения.

И этим не заканчивается экономическая теория Маркса. Он рассматривает основные формы капитала и особенности его движения, оборота: товарный, денежный, товарно-денежный, товарно-торговый, и

соответствующие этим формам капитала формы прибыли: предпринимательский доход, ростовщический процент, земельная рента.

Всецело и исключительно из экономического закона движения современного капиталистического общества Маркс выводит неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое. Но специально на экономическом обосновании коммунизма мы остановимся ниже.

3.4. Развитие экономической теории К.Маркса

Описанный К. Марксом классический капитализм XIX века, претерпел в ходе истории множество метаморфоз. Поэтому марксистская философско-экономическая мысль творчески развивала и обогащала экономическое учение марксизма, следуя принципу: не факты должны согласовываться с теорией, а теория с фактами. Существенный вклад в развитие экономической теории К. Маркса внес В.И. Ленин, обосновавший концепцию империализма как новой по сравнению с XIX веком, высшей и последней стадии капитализма.

Ленин аргументированно, опираясь на факты, выделяет пять основных признаков новой стадии развития капитализма: 1. формирования монополий, превращение конкуренции в монополию, 2. слияние банкового капитала с промышленным и образование финансового капитала, 3. преобладание вывоза капитала над вывозом товаров. 4. раздел мира между монополистическими союзами капиталистов, 5. борьба между «великими державами» за передел уже поделённого мира.

Империализм Ленин рассматривает как прямое продолжение и развитие капитализма. «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определённой, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями.» [24, С.385]

Ленин считал, что империализм является паразитическим и загнивающим. «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — всё

это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Всё более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живёт всё более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растёт, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).» [24, С.422]

Ленин утверждал, что империализм «приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм.» [24, С.422]

Однако, предположение Ленина о том, что империализм есть последняя и переходная к социализму стадия капитализма оказалось опровергнутым историей. Капитализм нашел новые резервы самосохранения. В середине XX века капитализм трансформировался в новую форму - **«государственно-монополистический капитализм»**. **Государственно-монополистический капитализм (ГМК)** — монополистический капитализм, для которого характерно соединение силы капиталистических монополий с силой государства в единый механизм в целях обеспечения монопольных сверхприбылей, укрепления и расширения господства финансового капитала, подавления рабочего и демократического движения, национально-освободительной борьбы угнетенных народов, экономической, политической и идеологической борьбы против мировой социалистической системы, осуществления агрессивной внешней политики.

Основными признаками государственно-монополистического капитализма являются: 1.сращивание крупнейших монополий, финансового капитала с буржуазным государственным аппаратом, 2.государственное регулирование капиталистической экономики в различных формах (от образования государственного сектора экономики до попыток индикативного планирования и управления экономикой с помощью ее экономического стимулирования, 3.ожесточенная конкуренция между монополистическими группировками за преимущественное влияние на те или иные звенья государственного аппарата, за достижение при помощи государственных учреждений своих узкокорыстных целей в ущерб другим монополиям, 4.перераспределение национального дохода в интересах монополистической

буржуазии через государственный сектор в экономике, 5. усиленное развитие при помощи государства военно-промышленного комплекса, 6. интернационализация производства и капитала, развитие международных форм государственно-монополистического капитала, конкурирующих за мировые рынки сбыта.

С точки зрения политической экономии социализма, государственно-монополистический капитализм является попыткой современного капитализма стабилизировать этот строй, но достигается это путем усиления эксплуатации, что ведет к новому обострению основного противоречия капитализма. Получается, что, с одной стороны, государственно-монополистический капитализм в принципе не способен эффективно разрешить основные противоречия капитализма: между общественным характером производства и частной собственностью, между трудом и капиталом. С другой стороны, он представляет собой крупный шаг в процессе обобществления производства и формирования отдельных элементов централизованного руководства хозяйством. Т.о. государственно-монополистический капитализм, обостряя противоречия капитализма, в то же время создает материальные предпосылки к переходу к социализму.

Концепция государственно-монополистического капитализма, констатируя некоторые характерные особенности современного капитализма, оказалась не состоятельной в ее критической части, явно недооценив его способности преодолевать трудности и противоречия в своем развитии. Кроме того, эта концепция в основном акцентировала внимание на негативных сторонах современного капитализма, недооценивая его конструктивные моменты и конструктивный потенциал. Наконец, эта концепция не вполне корректно оценивает отношения государства и монополий и не замечает особой роли транснациональных монополий.

На рубеже XX-XXI веков капитализм перешел в очередную форму - **транснациональный или глобальный капитализм**. Современный капитализм развитых стран Запада может быть охарактеризован как финансовый, государственный и транснациональный капитализм.

Одной из главных особенностей современного капитализма, как доминирующей экономической системы, является господство финансового капитала, сосредоточенного в руках небольшого количества банковских групп. Концентрация в банках огромных денежных средств сделала банки ведущими агентами современной капиталистической экономики. Они стали универсальными кредитными комплексами, представляющими кредиты частным фирмам, частным лицам и целым государствам. Банковский ссудный процент стал одним из главных источников их доходов. Вторым

источником стала игра на фондовой бирже- покупка и продажа акций предприятий. Третий способ слияние с промышленным капиталом через участие в акциях промышленных фирм, прямое слияние промышленных компаний с банками через систему долгосрочных деловых связей банков с теми или иными фирмами. Банки образуют финансовые группы. Но ведущую роль играет узкий круг самых богатых банков, которые называют финансовой олигархией. Основным инструментом могущества банков это управление контрольными пакетами акций капиталистических фирм.

Другой особенностью современного капитализма является активное участие государства в регулировании экономики и экономических отношений. Целью такого участия является сохранение основ капитализма, но при этом государство ограничивает в известной степени деятельность частных предпринимателей, подчиняя ее общегосударственным интересам и общим интересам сохранения капиталистической системы. Государственное участие в экономической жизни выражается в следующих основных формах; 1.развитие государственных предприятий, в основном в тех отраслях, где высоки издержки и низки прибыли, 2.законодательное регулирование правил экономического поведения бизнесменов, а также отношений наемных работников и работодателей, 3.индикативное планирование всего национального производства, 4.регулирование экономической деятельности капиталистических предприятий через систему налогов и кредитных ставок, 5.регулирование кредитно-денежной сферы через государственный банк, который активно участвует в деятельности фондовой биржи, монополично выпускает деньги и государственные ценные бумаги, 6.регулирование внешнеэкономических связей, 7.законодательное формирование правил экономического поведения участников капиталистической экономики.

Основным инструментом экономической политики государства является государственный бюджет, с помощью которого государство перераспределяет часть национального дохода и финансирует социальную сферу, образование, военные расходы, инфраструктуру (связь, транспорт, дороги, медицину, науку).Разумеется, капиталистическое государство финансирует все это, во-первых, в ограниченном объеме, во-вторых, в такой форме, чтобы большую часть прибыли от государственных расходов получали частные фирмы-исполнители государственного заказа. Это особенно касается военного бюджета.

Основным инструментом перераспределения доходов являются высокие налоги на прибыль, которые в ведущих странах Запада достигают 50% доходов частных лиц и предприятий и выше.

Одной из главных черт современного капитализма является развитие транснациональных корпораций (ТНК) многопрофильных крупнейших фирм, имеющих свои подразделения в десятках стран. Развиваются ТНК двумя способами: 1. прямые инвестиции капитала с целью создания за границей предприятий-филиалов или 2. кредиты национальным фирмам и совместные предприятия. Система ТНК стремится монополизировать мировое производство определенного вида продукта, товара и контролировать рынки его сбыта, оперативно регулировать распределение финансовых и производственных ресурсов в связи с мировой рыночной конъюнктурой, планировать производство, сбыт и гарантировано получать монопольные сверхприбыли, за счет эксплуатации осваиваемых стран. ТНК возникает и базируется обычно на определенной национальной почве и является результатом проникновения монополии из страны-родителя в другие страны. ТНК в случае необходимости прибегают к помощи и защите исходного национального государства, но когда их интересы вступают в противоречия с национальными интересами, они вступают в борьбу с национальным исходным государством, преследуя свои узкокорыстные интересы. Тем более равнодушно ТНК относится к интересам страны освоения. ТНК как межнациональные производственные комплексы стремятся оплести своими филиалами весь мир.

Транснациональный капитализм в условиях развернувшейся в конце XX века глобализации как глобальной экспансии капитализма, переводит капиталистические отношения на транснациональный уровень. Глобальными международными владельцами мировых средств производства становится узкий круг мировой финансовой олигархии, наиболее развитые страны запада во главе с США. Глобальными пролетариями и объектами транснациональной эксплуатации становятся также целые страны и географические регионы, такие, как Африка, Латинская Америка, ряд стран Азии.

Трансформации исторических форм капитализма не опровергают, а подтверждают продуктивность экономической теории К. Маркса и его метода. Основные противоречия и ключевые черты капитализма сохраняются на всех его стадиях. Исторические метаморфозы капитализма демонстрируют его закономерную эволюцию.

ГЛАВА 4. УЧЕНИЕ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ И СОЦИАЛИЗМЕ

4.1. Классы и классовая борьба в истории

Учение о классах и классовой борьбе составляет важнейшую часть социальной философии марксизма. Оно непосредственно вытекает из материалистического понимания истории. Поскольку экономическая общественная формация основана на частной собственности на средства производства, постольку общество здесь неизбежно разделяется на классы с противоположными экономическими интересами. Классическое определение классов дал В.И. Ленин: «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». [19, С.388]

На основе ленинского определения классов выделяют пять основных признаков класса: 1. место в системе общественного производства; 2. отношение к средствам производства; 3. роль в общественной организации труда; 4. способ получения доли общественного богатства; 5. размер получения доли общественного богатства.

При всем разнообразии исторических типов способов производства экономической общественной формации (рабовладение, феодализм, капитализм, азиатский способ производства), общество разделяется на два основных класса: класс собственников средств производства и класс эксплуатируемых ими различными способами трудящихся. Там, где есть классы, неизбежно присутствует эксплуатация, как присвоение эксплуататорами - собственниками средств производства прибавочного труда трудящихся.

Именно поэтому, марксизм рассматривает историю всех обществ, сложившихся после распада первобытно-общинных отношений, как историю борьбы классов. «История всех до сих пор существовавших обществ² была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия,- целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века - феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов - еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса - буржуазию и пролетариат.» [36, С.424-425]

Согласно марксизму, классовые противоречия принципиально непримиримы и поэтому между классами идет постоянная классовая борьба. Следует отметить, что марксизм далек от приписываемой ему абсурдной абсолютизации классовой борьбы. В определенные исторические моменты в разных странах на почве эпизодического совпадения или близости интересов, между антагонистическими классами возможно временное и ограниченное сотрудничество.

Впрочем, существование классов и классовой борьбы не является открытием Маркса. Маркс обосновал социально-экономическую основу классовой борьбы. А, главное, он разработал концепцию преодоления классового деления общества и классовой борьбы в результате социалистического преобразования общества. «Что касается меня, — писал Маркс Вейдемейеру 5 марта 1852 г., — то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». [30, С.426-427]

Важное место в учении марксизма о классах и классовой борьбе занимает вопрос о формах этой борьбы. Согласно марксизму существует три основных форма классовой борьбы: 1.экономическая, 2.идеологическая и 3.политическая. Экономической называют борьбу за улучшение условий

жизни и труда рабочих: за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д. Наиболее распространенный метод экономической борьбы — предъявление рабочими своих требований и, если они не удовлетворяются, проведение забастовок. Отстаивая экономические интересы, рабочий класс создает профсоюзы, кассы взаимопомощи и другие организации. Во-первых, экономическая борьба дает известные возможности улучшить положение рабочего класса уже в условиях капитализма. Об этом свидетельствует опыт многих стран, где рабочие вырвали у буржуазии важные уступки. Во-вторых, борьба за экономические требования, как наиболее доступная и понятная массам, втягивает в движение самые широкие слои рабочих, служит для них необходимой школой антикапиталистической борьбы, воспитания классового самосознания. Значит, от нее во многом зависит успех *более* высоких форм рабочего движения.

Однако экономической борьбе присуща и определенная ограниченность: не затрагивая основ капиталистического строя, она не может обеспечить удовлетворения коренного экономического интереса рабочих — освободить их от эксплуатации. Кроме того, успехи экономической борьбы, если они не подкреплены политическими завоеваниями, не могут быть сколько-нибудь прочными. Буржуазия использует любые возможности, чтобы взять назад свои уступки, перейти в наступление на экономические интересы рабочего класса.

Крайне важна идеологическая борьба за сознание трудящихся. Она направлена на формирование аутентичного классовому статусу и классовым интересам самосознания трудящихся классов. Марксизм понимает этот процесс как внедрение революционной классовой идеологии в массовое сознание трудящихся, потому, что идеология становится силой, лишь когда она овладеет сознанием масс. Но, прежде, чем революционная идеология внедрится в сознание масс, она должна быть разработана прогрессивными социальными учеными и распространена усилиями идеологических работников и пропагандистов революционной партии. В борьбе за сознание масс, приходится сталкиваться с господствующей буржуазной идеологией, которая внедряется в сознание масс всеми средствами и через все институты общественного сознания господствующими эксплуатирующими классами. Идеологическая борьба пролетариата включает в себя прежде всего выработку мировоззрения, научной теории, которая освещает рабочему классу путь к освобождению.

Высшей формой классовой борьбы трудящихся является политическая борьба, т.е. борьба за политическую власть и политические права.

Политическая борьба ведется рабочим классом в соответствии с требованиями обстановки самыми разнообразными методами, начиная от демонстраций, политических забастовок (т. е. забастовок в защиту тех или иных политических требований), борьбы на выборах и в парламентах и кончая вооруженным восстанием. Цели и методы политической борьбы требуют иных, более высоких форм организации рабочего класса, прежде всего создания политической партии пролетариата. Как показал опыт, возникновение такой партии представляет собой закономерное явление в истории рабочего движения. Политическая борьба требует также не только общенационального, но и международного объединения усилий рабочего класса и всех трудящихся.

Высшей формой политической борьбы трудящихся классов является социально-политическая революция, т.е. захват политической власти и уничтожение частной собственности. Социалистическую революцию рабочего класса отличает от всех предшествовавших социальных революций ряд важных особенностей. Главная из них заключается в том, что все прежние революции вели только к замене одной формы эксплуатации другой, в то время как социалистическая революция кладет конец всякой эксплуатации и в конце концов приводит к уничтожению классов. Она представляет собой самое глубокое из преобразований, известных истории, полную перестройку общественных отношений снизу доверху. Социалистическая революция знаменует собой конец тысячелетней истории эксплуататорского классового общества, освобождение общества от всех видов гнета, начало эпохи подлинного братства и равенства людей, установления вечного мира на земле, полного социального оздоровления человечества. В этом громадное общечеловеческое содержание пролетарской революции. Она представляет собой важнейший рубеж в развитии человечества.

Эпоха социалистических революций — это целый этап в развитии человечества. В различных странах пролетарские революции принимают своеобразные формы в зависимости от конкретно-исторических условий, национальных особенностей и традиций. Но социалистические революции во всех странах подчиняются общим закономерностям, которые открыты марксистско-ленинской теорией.

С середины XX века западная социальная наука пытается доказать, что классы в современном обществе исчезли, что классовое деление общества сменилось иной системой социальной стратификации, и, следовательно, ушла в прошлое классовая борьба. Однако, эти «доказательства» не убедительны. Конечно, социальная структура современного общества более

сложна и дифференцирована, чем структура времени жизни К. Маркса. Характеристики современных классов также существенно трансформировались. Однако, пока сохраняется частная собственность и деление общества на имущих и неимущих, до тех пор сохраняются классы и классовая борьба, вытекающая из противоположности их экономических интересов. Формы современной классовой борьбы и ее методы с переходом к информационным технологиям постиндустриальной экономики, трансформируются, но напряженность этой борьбы лишь нарастает. Глобальный характер современного капитализма делает также глобальными все формы классовой борьбы. История подтверждает, что классы и классовая борьба прекратятся лишь с исчезновением частной собственности и эксплуатации, неизбежно ей порождаемой.

4.2. Научный социализм

Рассматривать марксизм без коммунистической теории его, которая является ядром и вершиной социальной философии марксизма, было бы не только научно некорректно, но и грубым извращением ее сути. С другой стороны, смешивать марксистскую коммунистическую теорию с теориями предшествующего утопического социализма, а также с грубыми искажениями коммунизма со стороны его идеологических противников было бы равно некорректно и недопустимо.

Прежде, чем мы перейдем к коммунистической теории марксизма, нужно несколько слов сказать о коммунистической идее вообще. Она есть идеал общества неограниченного гуманизма, являющийся необходимым духовным продуктом антигуманного общества, основанного на различных формах частной собственности и эксплуатации. Соответственно, стадиям развития общества частной собственности, этот идеал принимал те или иные исторически ограниченные формы выражения, всегда, при этом, представляя чаяния угнетенных классов, их мечты о справедливом, совершенном обществе.

Коммунистическая идея выступала в духовной истории человечества в двух взаимосвязанных формах. Во-первых, она выступала как идеал-цель, т.е. как абстрактное описание принципов совершенного общества (обычно это описание делалось по принципу антитезы с существующим обществом, т.е. коммунистический идеал выражал черты противоположные существующему несовершенному обществу). Во-вторых, она выступала как идеал-средство, т.е. как подробное описание конкретных организационных экономических, политических и духовных форм совершенного общества.

Причем, чем более детальным было это описание, тем оно оказывалось и утопичнее.

Марксистская коммунистическая теория должна рассматриваться (и рассматривалась самим марксизмом) как стадия развития коммунистической идеи, соответствующая и порожденная буржуазными экономическими отношениями на таком этапе их развития, когда она уже созрела для их реального революционного преобразования в коммунистические. Т.е. коммунистическая теория марксизма есть такая стадия развития коммунистической идеи, когда она перестала быть абстрактным неосуществимым идеалом, а стала насущной практической задачей исторической деятельности, т.к. в недрах современного Марксу капитализма сложились материальные предпосылки для коммунистического преобразования общества. Только благодаря этому Маркс смог поставить коммунистическую идею (идеал) на научную почву. Что это значит?

Это превращение социализма из утопии в науку означает, во-первых, рассмотрение коммунизма (взятого не только как абстрактная теория, но и как реальная революционная борьба) как продукта современного капиталистического общества, корни которого лежат глубоко в материальных экономических фактах. Во-вторых, в развитии коммунизма марксизм выделил два этапа. Первый этап - утопический социализм, как продукт и отражение незрелых капиталистических экономических отношений, а второй этап - научный социализм как продукт и отражение зрелых, созревших для коммунистического преобразования капиталистического общества, экономических отношений. В чем между ними принципиальная разница? А также в чем и родство между ними?

Разберем вначале различия. Утопический социализм не исследовал историческую закономерность коммунистического преобразования общества, не разрабатывал учение о революционной борьбе, как реальном пути коммунистического преобразования общества, не опирался на пролетариат как реальную социальную силу коммунистического преобразования. Зато утопический социализм подробно описывал организацию коммунистического общества путем умозрительного конструирования, фантазии, рассматривал коммунизм лишь как теорию совершенного общества, а не как практику революционной борьбы и теорию, программу этой борьбы, не понимал не изучал историческую обусловленность самой коммунистической теории. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали незрелые теории. Решение общественных задач еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из

головой. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше она разрабатывались в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии.» [67, С.194]

Научный социализм, в отличие от утопического, изучает историческую закономерность коммунистического преобразования и общества, т.е. подводит под коммунистический идеал историческое и экономическое научное обоснование. Во-вторых, научный социализм разрабатывает теорию и программу революционной борьбы пролетариата за коммунистическое преобразование общества, в-третьих, он рассматривает коммунизм не как чисто умозрительную философскую теорию, гениальный проект философа, а как реально историческое движение, борьбу пролетариата за коммунистическое преобразование общества. В-четвертых, научный социализм не занимается абстрактным и беспочвенным конструированием организационных форм будущего общества, а исследует реальные проблемы, революционной борьбы, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата, т.е. акцентируется на разработке теории коммунистической революции.

Общим в научном и утопическом социализме является сам социалистический идеал-цель, т.е. система общих принципов, на которых должно быть построено коммунистическое общество, хотя, если утопический социализм выводит их путем фантазии, научный коммунизм выводит их из объективной экономической закономерности развития и преобразования капитализма. «Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата» [66, С.322] - так определяет его суть Энгельс.

Итак, научный социализм состоит из трех частей, последовательно опирающихся друг на друга: 1.обоснование закономерности коммунистического преобразования общества, 2.теория революционной борьбы пролетариата (теория социалистической революции), 3.описание выведенных из исторической закономерности преобразования капитализма общих принципов коммунистической организации общества, а также двух фаз в его развитии. Остановимся на этих частях.

В основе обоснования закономерности коммунистического преобразования общества марксизм лежит 1)материалистическое понимание истории, открывающее объективную закономерность развития истории, и ее

объективную основу- развитие способа производства, а также 2) теория прибавочной стоимости, вскрывающая сущность и противоречия капиталистического способа производства.

Исследуя возникновение, развитие и сущность экономической системы капитализма как закономерный исторический процесс, марксизм фиксирует основные экономические противоречия капитализма: между общественным характером производства и частной формой присвоения, между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией производства во всем обществе. Далее, он констатирует, что эти противоречия не разрешимы при капитализме. Затем марксизм приходит к выводу о том, что эти противоречия достигли достаточной зрелости, т. е. что капиталистические производственные отношения стали оковами развития производственных сил, пришли с ним в непримиримый конфликт. Свидетельством этой зрелости являются периодические и неустранимые при капитализме кризисы производства, а также абсолютное и относительное обнищание пролетариата, все возрастающее социальное расслоение, рост армии безработных.

Т. о. обоснована объективная экономическая необходимость коммунистического преобразования производственных отношений. Но этим марксизм не ограничивается. Он обосновывает и объективную возможность коммунистического преобразования, которая состоит в том, что развивая общественные производственные силы, капитализм, с одной стороны, подготавливает материальные предпосылки коммунизма, с другой же стороны, воспитывает ту социальную силу, которая осуществит коммунистическую революцию – пролетариат, класс, который по своему объективному положению в капиталистическом обществе заинтересован в борьбе за уничтожение капиталистического способа производства.

Т. о. мы видим, что развитие капитализма порождает конфликт между производительными силами и производственными отношениями, и одновременно создает объективные материальные предпосылки для его разрешения.

И необходимость, и возможность коммунистического преобразования общества не реализуются автоматически, а лишь посредством сознательного исторического действия революционного класса. Поэтому обоснованию подготовки пролетариата к совершению своей исторической миссии, марксизм должен уделить сугубо особое внимание. Здесь можно выделить три момента. Во-первых, объективное положение пролетариата, делающее именно этот класс могильщиком буржуазии. Во-вторых, классовая борьба, в которую неизбежно вовлекается пролетариат, проходящая в трех основных

формах: экономической, политической и идеологической, ведет к политической организации пролетариата и росту его классового сознания. В-третьих, формирование революционного сознания пролетариата происходит через усвоение им разработанной и внесенной революционными пролетарскими идеологами и пропагандистами научной коммунистической идеологии.

В «Манифесте коммунистической партии» делается акцент на первые два момента. Почему именно пролетариат – могильщик капитализма? Потому, что пролетариату не имеют частной собственности и могут освободить себя от эксплуатации лишь уничтожив существующий капиталистический способ присвоения в целом. Потому, что пролетариат есть самый нижний слой современного общества и не может подняться, не взломав все это общество. Потому, что положение рабочего при капитализме не улучшается, а ухудшается по мере роста производительных сил: «Рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство.» [36, С.435] Потому, что пролетариат составляет большинство общества.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс обращает внимание на организацию пролетариев в класс и затем в политическую партию, осознание ими своих интересов и защиту их в политической борьбе, рост единства и сплоченности рабочего движения.

Что касается третьего момента, то эта задача возлагается на передовую часть буржуазной интеллигенции, сознательно переходящую на позиции пролетариата, что происходит «...в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри старого общества принимает бурный, резкий характер.» [36, С.433] Передовая пролетарская интеллигенция должна внести свой важный вклад в подготовку пролетариата к осуществлению им своей исторической миссии. «Исследовать исторические условия, а вместе с тем и саму природу этого переворота и таким образом объяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.» [67, С.230] Т. о. эта интеллигенция должна создать теорию научного социализма и внести ее в массы пролетариата в качестве революционной идеологии и программы революционного действия.

Теперь мы переходим ко второй части научного социализма. Мы рассмотрим марксову теорию социалистической революции и революционной борьбы пролетариата, т. е. стратегию и тактику

коммунистического преобразования общества. Теория стратегии и тактики революционной борьбы – это та часть коммунистической теории марксизма, которая делает его полноценным, действенным учением. Одним из основных недостатков старого, домарковского материализма было то, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности. Без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным.

4.2. Стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата

Стратегическая цель классовой борьбы пролетариата сформулирована еще в «Манифесте коммунистической партии» и не пересматривалась, а лишь уточнялась в последующем. Эта задача - формирование пролетариата как класса в политически организованную, созидательную, самостоятельную силу, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти. Другими словами, эта задача – установление диктатуры пролетариата и использование политической власти в качестве инструмента коммунистического преобразования общества.

Основные тактические принципы революционной борьбы таковы:

- 1.Объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества, и учет отношений между ним и другими обществами. Причем все классы и все страны рассматриваются в динамике, и не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего;
- 2.Гибкость форм и методов борьбы;
- 3.Подчинение текущей борьбы стратегическим целям: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время отстаивают и будущность движения.» [36, С.458];
- 4.Пролетарский интернационализм – «в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата.» [36, С.437];
- 5.Политические тактические союзы с другими революционными классами при сохранении цельности своей идеологии и стратегических целей. («коммунисты поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя.» [36, С.459])

4.4. Социалистическая революция и диктатура пролетариата

Теория социалистической революции марксизма определяет способ решения первой ближайшей задачи – захвата власти, а также содержание социальных преобразований, осуществленных силой государственной власти победившим пролетариатом как его второй стратегической задачи.

Что касается первой задачи, то Маркс исходит из того, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу, и что они всегда являются следствием обстоятельств, которые совершенно не зависят от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Время и форма революции зависят от объективных и во многом случайных исторических обстоятельств. Мирная форма революции однако, менее вероятна, чем вооруженное восстание. Причем в силу образования мирового рынка и уравнивания экономического развития европейских цивилизованных стран, коммунистическая революция произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, хотя быстрее осуществится в странах более экономически развитых. Политическая власть для пролетариата – не самоцель, а лишь средство. «Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если не воспользоваться ею немедленно как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата.» [66, С.332]

Захватив политическую власть «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства, в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.» [36, С.446]

Маркс и Энгельс попытались описать основные мероприятия победившего, завоевавшего политическую власть пролетариата по уничтожению капиталистических производственных отношений.

В «Манифесте Коммунистической партии» дается список из десяти мероприятий (общих для передовых стран). При этом признается их административный характер, однако они необходимы и в дальнейшем перерастут самих себя. Вот этот список: 1.экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов; 2.введение высокого прогрессивного налога; 3.отмена права наследования частной собственности; 4.конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников; 5.централизация кредита в руках государства посредством национального банка и с государственным капиталом и

исключительной монополией; 6. централизация всего транспорта в руках государства; 7. увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану; 8. одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, особенно для земледелия; 9. соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней; 10. общественное и бесплатное воспитание всех детей, устранение фабричного труда детей, соединение воспитания с материальным производством.

В работе «Принципы коммунизма» Энгельс практически повторяет этот список, более подробно его расшифровывая. В любом случае на этом этапе коммунистического преобразования не предусматривается национализация всей промышленности и предполагается в течение определенного переходного периода сохранение частных промышленных предприятий наряду с государственными, но под финансовым контролем и прогрессивным налогообложением пролетарского государства. Здесь ни Энгельс, ни Маркс не уточняют, какой именно должна быть политическая организация диктатуры пролетариата, которая равняется демократии.

Однако, обобщая опыт революций XIX века и особенно Парижской коммуны, Маркс касается и этого вопроса – как должна быть организована диктатура пролетариата? Конкретной формой политической организации диктатуры пролетариата не может быть буржуазное государство (парламентская республика). Поэтому пролетариат должен сломать буржуазное государство и построить государство нового типа, отвечающее задачам и природе политического господства пролетариата. Опыт Парижской Коммуны позволил уточнить черты этого государства: 1. уничтожение постоянной армии (замена ее вооруженным народом); 2. полная выборность и сменяемость в любое время всех должностных лиц; 3. сведение зарплаты чиновников до уровня средней зарплаты рабочего, никаких привилегий; 4. соединение законодательной и исполнительной власти в одном органе; 5. подчинение деятельности чиновников контролю трудящихся, превращение их в наемных работников управленцев, ответственных перед трудящимся и сменяемых по требованию трудящихся.

Анализ второй части коммунистической теории марксизма подводит нас к третьей его части – описанию общих принципов коммунистического общества. Маркс выделил две фазы коммунистического общества. Первая фаза - общество переходного периода или коммунистическое общество, вышедшее из капиталистического общества и потому несущее еще на себе многие его родовые пятна. На этой фазе будет происходить постепенное

преодоление неизбежных для этой фазы остатков капитализма, постепенное построение коммунистических экономических отношений.

Вторая фаза – коммунизм уже свободный от отдельных черт капитализма, возникший уже на своей собственной основе, т.е. полный коммунизм.

Периодизация коммунистического общества Маркса подверглась позже вульгаризации, согласно которой в ней выделяют не два, а три этапа в развитии коммунизма: 1.переходный период, 2.социализма (который отделяется от переходного периода) и 3.коммунизм. Термин «социализм» к первой фазе коммунизма применил Ленин в работе «Государство и революция» и оттуда он вошел в схоластический марксизм. Дело в том, что Маркс и Энгельс уже в Манифесте Коммунистической партии отказались от термина «социализм» и в «Предисловии к немецкому его изданию 1890 г.» Энгельс объясняет почему. Потому, что термин «социализм» был тесно связан со взглядами утопических социалистов, а также с т.н. буржуазным социализмом. Чтобы от них отмежеваться и был выбран термин «коммунизм», как характеризующий именно рабочее революционное движение.

О переходном периоде, как особой фазе коммунизма не говорится нигде у классиков, но зато везде у них говорится о том, что полный коммунизм, вторая фаза коммунизма, будет построен не сразу после победы революции, а потребуются длительный переходный период, т.е. первая фаза коммунизма, на которой он еще будет отягчен элементами буржуазного общества, которые можно изжить только с развитием производительных сил и постепенным преобразованием производственных отношений.

Черты этих двух фаз Маркс описал в «Критике «Готской программы»». Описание черт коммунизма без четкого разделения его на две фазы можно найти также в работах Ф. Энгельса: ранней работе «Принципы коммунизма» и поздней работе «Развитие социализма от утопии к науке».

Итак, принципы или черты первой фазы коммунизма таковы: 1.государственная собственность на средства производства; 2.плановое общественное регулирование производства сообразно потребностям общества и каждой отдельной личности; 3.распределение по труду, которое регулируется государством на основе нормы буржуазного права: равная плата за равный труд; 4.всеобщая обязанность трудиться, труд еще остается средством к жизни; 5.строжайший учет и контроль со стороны общества и со стороны государства за мерой труда и мерой потребления. Это добавление Ленина из его работы «Государство и революция». Ленин же поясняет, как будет организован этот учет и контроль. «Учет и контроль – вот главное, что

требуется для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы и получали поровну... Все общество будет одной конторой с равенством труда и равенством оплаты.» [21, С.101] Правда, Ленин оговаривается, что эта «фабричная» дисциплина, которую победивший пролетариат распространит на все общество, никаким образом не является ни идеалом, ни конечной целью, а лишь ступенькой, необходимой для дальнейшего движения вперед; 6.сохраняется разделение труда (умственного и физического, различие между городом и деревней), и, значит, классы. 7.государство диктатуры пролетариата равно неограниченной демократии трудящихся; 8.крупная промышленность развитая выше капиталистической, но не дающая изобилия.

Принципы или черты второй фазы коммунизма: 1.прямое общественное присвоение средств производства и продуктов труда; 2.неимоверный рост промышленности, создающий материальное изобилие; 3.избыток производства, превышающий потребности, по закону роста потребностей будет стимулировать дальнейший рост производства; 4.труд является потребностью, качественно меняется его характер, он становится творческим, интеллектуальным; 5.всестороннее развитие индивидов, свободный выбор и смена видов труда; 6.нет разделения труда, исчезли различия и противоположности между умственным и физическим трудом, городом и деревней, нет классов; 7.распределение общественного богатства по принципу: каждый по способности, каждому по потребностям; 8.исчезло государство, вместо него общественное самоуправление: на место управления лицами ставится управление вещами, руководство производственными процессами.

Общие признаки для обеих фаз коммунизма: 1.нет частной собственности (хотя на первой фазе она какое-то время еще сохраняется); 2.нет эксплуатации (хотя, пока сохраняется частная собственность и разделение труда, ее элементы в смягченной форме ещё имеются или по крайней мере возможны); 3.нет товарно-денежных отношений и рынка, а вместо этого плановое общественное регулирование производства; 4.нет эксплуататорских классов (хотя на первой фазе они ещё какое-то время есть, и, пока есть общественное разделение труда, один из классов может, используя своё положение в обществе, эксплуатировать другие классы, хотя и в смягченной, урезанной, замаскированной форме. Речь идет о профессиональных государственных чиновниках-управленцах, чьей

функцией является учёт, контроль, распределение и организация общественного производства).

Рассмотрев коммунистическую теорию марксизма в её оригинальном смысле, нельзя не обратить внимание на её характерные особенности. Первая особенность состоит в том, что обоснованию пролетарской революции уделяется гораздо больше внимания, чем описанию коммунистического общества. И это делается принципиально. Вторая особенность в том, что описание коммунизма есть описание его общих принципов, а не конкретных организационных форм. То есть это больше идеал-цель, чем идеал-средство. Третья особенность в том, что в этом описании не анализируются противоречия и негативные стороны коммунизма. Маркс намеренно не занимался вопросами конкретных организационных форм коммунистического общества, в отличие от утопистов. И это кажется странным, если по его же словам пролетарская революция – дело ближайшего будущего. Как же строить новое общество, не имея обоснованного детального проекта его организационных форм, а имея лишь общие принципы его?

В заключение дадим общую оценку философии марксизма. Марксизм целен, но не вполне. Его две первые части (материалистическое понимание истории и экономическая теория) не вполне согласуются с третьей частью («научным коммунизмом»). Кроме того марксизм не избежал общей участи всех философских концепций: отставание от исторического общественного процесса. Реальность изменяется быстрее, чем ее теоретическое отражение. Марксизм, чтобы сохранить свою действенность должен быть не догматическим, а творческим, динамичным, и тем самым переходить в свое диалектическое отрицание. Как политическая идеология и как научная социальная философия марксизм имел разную судьбу и две эти части в нем часто плохо сочетались. Научная методология приносилась в жертву идеологии, а догматизм замещал творческий марксизм.

ГЛАВА 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА МАРКСИЗМА

5.1. Марксизм и история

Судьбу социального учения нужно рассматривать конкретно-исторически. Ведь, судьба семени зависит от почвы, на которую оно попадает. Соответственно, мы рассмотрим судьбу марксизма в истории и духовной культуре современного человечества. Социальная философия марксизма - необычная теоретическая конструкция и ее историческая судьба необычна. Однако, не только необычность сама по себе заставляет нас обращаться к анализу ее судьбы, но и ее огромная роль в духовной и материальной истории человечества, а также потребность продуктивного ее преодоления, т.е. действительного научного развития. Анализ исторической судьбы марксизма необходим не только потому, что позволяет понять его структуру и сущность, но и потому, что историческая судьба марксизма есть его важнейшая часть. Другими словами в марксизме можно выделить его оригинальную теорию (теоретический потенциал) и его историю как реализацию теоретико-практического потенциала, развитие его в духовной и материальной истории человечества. Причем история и теория марксизма являются единством противоположностей и основанием для критики друг друга в своей односторонности.

Когда речь заходит о научном изучении исторической судьбы какого-либо социального учения (особенно такого целостного и глобального, каким является марксизм), следует, во-первых, определить основные факторы, определяющие эту судьбу, во-вторых, на основе анализа этих факторов установить критерии анализа и оценки исторической судьбы этого учения, в-третьих, реализовать эти критерии в содержательном анализе основных направлений развития учения, определяемых этими критериями. Три основных фактора определяют судьбу социального учения: 1.его собственное качество, т.е. его познавательная ценность и творческий потенциал, а также его идеологическое содержание; 2.духовная ситуация в обществе, в котором распространилось и существует данное учение, взятая в ее историческом развитии; 3.реальное историческое развитие общества, на почве которого возникло данное социальное учение.

Рассмотрим вначале первый фактор. В любом социальном учении можно выделить методологически-познавательный и мировоззренческо-идеологический аспекты, которые определяют содержательное осмысление социальной конкретной реальности в данном учении. В зависимости от

преобладания того или другого можно выделить три типа социальных учений: 1. социальная теория (преобладание методологически-познавательного момента), 2. социальная идеология (преобладание мировоззренчески-идеологического момента), 3. практическая теория (синтез теории и идеологии). Судьба социальной теории оценивается критерием теоретической плодотворности, тем, вошла ли она в духовную культуру человечества и тем, стала ли она моментом развития социального познания человечества, тем, насколько адекватно и глубоко она позволяет познать социальную реальность. Здесь уместен также критерий адекватности отражения в этой теории современной ей социальной реальности.

Судьба идеологии оценивается критерием идеологической эффективности, т.е. тем, насколько эффективно она защищает интересы определенной социальной группы, насколько адекватно она выражает интересы и идеалы определенной социальной группы. Также уместен критерий гуманизма.

Судьба практической теории оценивается, кроме критериев, относящихся в частности к теории и идеологии, также дополнительными синтетическими критериями: 1. органичность синтеза теории и идеологии, 2. практическая эффективность – насколько полно и адекватно реализована в действительность идеологическая программа (насколько идеологическая практика оказалась адекватна самой себе и объективной исторической закономерности).

Партийность социального знания, а также статус социального учения марксизма как практической теории определил сложность и неоднозначность его восприятия в духовной среде своего времени и в последующей духовной ситуации XX века. Здесь правомерно поставить? прежде всего? следующий вопрос: 1. Какие социальные группы и каким образом восприняли марксизм позитивно? Соответственно, развивая эту тему: мы должны выяснить какое действительное развитие получил марксизм и каким догматическим толкованиям и ревизионистским искажениям он подвергся? Второй вопрос: Какой критике был подвергнут марксизм со стороны социальных групп, принципиально не принявших социальное учение марксизма? Насколько эффективной и конструктивной была эта критика?

Историческое изменение социальной реальности, как третий фактор, определяющий судьбу социального учения, применительно к марксизму требует поставить вопросы: 1. подтвердило ли действительное развитие общества объективные закономерности, описанные в социальной теории марксизма и в какой степени, т.е. шла ли действительная история в соответствии с описанными Марксом закономерностями? 2. как марксизм

повлиял на действительную историю, в какой мере и каким образом он изменил социальную реальность?

5.2. Марксизм в западной культуре

Анализ исторической судьбы марксизма в западной культуре следует начать с уяснения статуса этого духовного образования и его места в духовной культуре западного общества. Марксизм сам неоднократно характеризовал свой статус как научной, революционной, идеологии пролетариата. Как идеология он есть целостная система взглядов на общество, учение о принципах «правильной» (справедливой) организации общества и правилах, нормах, образцах социального поведения и оценки социальных явлений (это нормативная часть идеологии). Как революционная идеология он включает в себя критическую часть - критику современного буржуазного общества и модель нового общества, устанавливаемого на смену буржуазному. Поскольку марксизм претендует на научность это означает, что мировоззренческая часть его идеологии основана на объективной научной социальной теории, что нормативная часть идеологии непосредственно опирается на теоретическую часть, что критика буржуазного общества ведется на основе выявления объективных закономерностей развития капитализма, и что программа революционного преобразования общества должна исходить из учета этих объективных закономерностей и конкретных условий революционной борьбы.

Оставив пока в стороне вопрос о совместимости науки и идеологии, рассмотрим вопрос о происхождении и судьбе идеологии вообще. Идеология является духовным продуктом общества, выражая представления и интересы определенных социальных групп и сил, т.е. взглядом этих групп и сил на социальную реальность и самих себя и на свое место в данной социальной реальности. Массы (социальные классы) нуждаются в идеологии, но сами способны выработать лишь эмпирическое сознание. Воспроизводством идеологии на уровне систематического, теоретического мышления занимаются теоретики-идеологи (философы). Когда идеология выражена теоретиками-идеологами, перед ней встает задача овладения массами, чтобы реализовать себя в жизнь, т.е. устроить общество в соответствии со своими нормативными представлениями и интересами. Внесением идеологии в массы занимаются практики-идеологи, пропагандисты. На их же долю ложится и теоретическая, идеологическая борьба с другими, враждебными идеологами. Борьба эта ведется за влияние на сознание масс. В обществе, разделенном на антагонистические классы, идет борьба классовых

идеологий. Ставкой в этой борьбе является стабильность или революционное преобразование существующего общества. Поскольку идеология является регулятором массового экономического и политического сознания и поведения, именно на господстве определенной идеологии держится стабильность того или иного строя.

В обществе, разделенном на антагонистические классы, идет борьба классовых идеологий. Ставкой в этой борьбе является стабильность или революционное преобразование общества существующего. Поскольку идеология является регулятором массового экономического и политического сознания и поведения, именно на господстве определенной идеологии держится стабильность того или иного строя.

Исходя, из всего этого мы должны рассматривать марксизм как необходимый духовный продукт буржуазного общества и важный элемент его духовной культуры. Анализ его судьбы, как «научной идеологии» в западной культуре состоит из двух аспектов: 1. выяснение того, кто, каким образом и насколько успешно вносил марксистскую идеологию в массы, и каким образом развивал эту идеологию в связи с изменением социальной реальности и 2. выяснение того, кто и каким образом критиковал марксизм.

Рассмотрим первый аспект. Какую судьбу имел марксизм в лице своих западных адептов? Марксизм был воспринят прежде всего как революционная идеология передовой интеллигенций и выходцами из рабочего класса. В качестве идеологической основы программы политической борьбы социал-демократических партий он утвердился после борьбы с другими, родственными лишь в критическом отношении к капитализму идейными течениями или разновидностями коммунизма: мелкобуржуазными, анархическими и другими.

Причем немалую роль в этом сыграла пропагандистская и организаторская деятельность самих К.Маркса и Ф.Энгельса. Перед социал-демократическим движением, взявшим марксизм в качестве идейного оружия в своей политической борьбе, встали задачи: 1. внесения марксистской (коммунистической) идеологии в массы трудящихся, и 2. защиты марксизма от искажений недалекими «марксистами» и от критики принципиальных идейных противников – буржуазных идеологов. Третья задача была наиболее трудной: развитие марксизма с целью его согласования с изменяющейся социальной действительностью. Ведь основоположники марксизма не дали и не могли дать ответов на вопросы, которые поставила изменившаяся социальная реальность. Кроме того, многие конкретные прогнозы, а особенно тактические и стратегические установки марксизма не оправдались. Наконец, само развитие западного общества пошло по пути, во многом не

совпадающему с марксовыми прогнозами. Стали накапливаться факты, противоречащие оригинальному марксизму.

Рассмотрим, как и насколько успешно решались эти задачи. Предпосылкой внесения марксизма в массы трудящихся является усвоение его самими пропагандистами. Уже на этом этапе марксизм подвергся определенным упрощениям. При пропаганде марксизма он должен был быть приспособлен к возможностям восприятия простыми, малограмотными рабочими и, следовательно, здесь он подвергся дальнейшему упрощению, вульгаризации. В основном только в своей идеологической части марксизм был воспринят частью рабочего класса. Причем при этом нередко происходило смешение марксистской идеологии с элементами буржуазного эмпирического сознания и буржуазной идеологии в сознании даже передовых рабочих. Однако, даже, или, лучше сказать, именно такой упрощенный смешанный и идеологизированный марксизм, позволил социал-демократам завоевать значительную часть рабочего класса и соответствующее политическое влияние. Защита марксизма в его чистоте и теоретической стройности и глубине плохо совмещалась с задачами практической пропаганды. Особенно трудно было отстаивать марксизм в его оригинальном виде в связи с изменением социальной реальности, на котором играли буржуазные противники марксизма.

Особенно уязвимой частью марксизма оказалась конкретная стратегия и тактика революционной борьбы. Не случайно именно с нее и началось то, что можно назвать развитием марксизма в новых исторических условиях. Перед западными марксистами встал выбор способа развития марксизма в связи с необходимостью теоретического осмысления новых исторических фактов и выработки новой стратегии и тактики политической революционной борьбы. Линия ортодоксального догматизма была неприменима и бесперспективна. Оставалось либо творчески развивать марксизм, либо ревизовать его.

Творческое развитие означает теоретическое осмысление новой социальной реальности с методологических и мировоззренческих позиций марксизма с сохранением его идеологического ядра, т.е. осмысление с позиции парадигмы марксизма новой социальной реальности и практики революционной борьбы. Ревизия же означает пересмотр бывшими марксистами важнейших основ марксизма и подмену их чуждыми теоретическими и идеологическими элементами. Общей почвой и для развития и для ревизии марксизма является сложность его концепции и структуры, которая допускает различные толкования. Почвой ревизионизма было политическое перерождение вождей социал-демократии, а, во-вторых,

модернизация капитализма, вынуждаемая не только логикой экономического развития, но и классовой борьбой.

Почвой развития революционного, ортодоксального марксизма были социальные конфликты и классовые битвы первой половины XX века, мировые войны, первый глобальный кризис мирового капитализма начала 30-х г.г., Русские революции начала века и т.п. Опыт русской революции и социалистического строительства стал одним из главных объектов борьбы ревизионизма и революционного марксизма.

Адекватен ли русский социализм марксистскому или он есть его извращение? Соответственно, необходимо ли западной социал-демократии его брать за образец, или он должен быть отвергнут? Доказывает ли он или опровергает жизненность и силу марксизма? Все эти вопросы поставила жизнь как перед правоверными марксистами, так и перед ревизионистами. Первая волна ревизионизма в марксизме связана с началом XX века. Одним из ее основоположников был Бернштейн. Затем с началом Первой мировой войны ревизионизм захватил большую часть вождей европейской социал-демократии. В 20-е-30-е г.г. усилиями таких западных марксистов, как Лабриолла, А. Грамши А., Г. Лукач были предприняты попытки защитить марксизм от ревизионизма и проанализировать новые исторические явления с позиции марксизма, т.е. творчески его развить. С периодом стабилизации западного капитализма в 60-е -70-е г.г., XX века а также под влиянием критики сталинизма, западный марксизм был окончательно поглощен второй волной ревизионизма, и слился с буржуазной идеологией в облике «еврокоммунизма».

Итак, на Западе марксизм как революционная идеология смог реализовать себя как революционная идеология лишь частично, не достигнув главной цели – уничтожения основ капитализма, однако став мощнейшим идеологическим фактором, приведшим к ряду серьезнейших реформ классического капитализма и уступок рабочему классу, привитию капиталистическому обществу отдельных черт социализма. По мере смягчения капитализма, его реформирования в социалистическом плане, революционный марксизм на западе все более утрачивал свою революционность и превращался в разновидность буржуазной идеологии, т.е. перерождался. Сегодня на Западе марксизм как революционная идеология политических партий практически не существует и воспринимается как факт истории.

5.3. Марксизм и Россия в XX веке

Проблему судьбы марксизма в России и влияния марксизма на судьбу России в XX веке в нашей стране трудно не только решить, но и поставить в научно-нейтральной, объективной, правильной форме. Этому препятствует целый ряд обстоятельств. Во-первых, то, что именно в России марксизм был реализован как революционная теория коммунистического преобразования общества. Во-вторых, то, что в России марксизм долгое время был господствующей, официальной, государственной идеологией. В-третьих, то, что опыт российского коммунистического строительства оказал огромное воздействие на всемирную историю XX века. Но именно эти же обстоятельства настоятельно требуют научного, объективного решения данной проблемы, ибо то или иной ответ определяет не только оценку прошлого, но и влияющую на будущее оценку настоящего нашей страны и определение стратегии развития России в XXI веке и перспектив всей мировой цивилизации в XXI веке.

Объективность здесь может выражаться в сознательном определении партийности, как мировоззренческой позиции, определяющей постановку и решение проблемы, а также в сознательном выборе гуманистической партийности как основы выбора, постановки и последующего анализа этой проблемы.

Примитивная, вульгарная, но популярная сегодня, постановка проблемы сводится к вопросу вины марксизма, ответственности его за то, что произошло с Россией в XX веке. Виноват ли марксизм в трагической судьбе России и насколько? Так ставят вопрос те, кто рассматривает советскую систему и советскую историю как страшное время уродливого отклонения от нормального буржуазного пути развития общества в России. Утвердительный ответ – виноват на 100% - заложен в самой постановке вопроса.

Другой подход к проблеме «вины» марксизма таков: насколько именно марксизм обеспечил национальное спасение и процветание России в XX веке? Так ставят вопрос апологеты советской системы. И утверждение позитивной роли марксизма само собой разумеется при этом. Между этими крайностями есть средняя позиция: она исходит из противоречивости советского коммунизма, в котором признаются и отрицательные и положительные стороны.

И тогда вопрос ставится так: за какие стороны несет ответственность марксизм, а за какие стороны несут ответственность его толкователи и практические реализаторы?

При первых двух подходах фактически отождествляются три понятия: оригинальный марксизм, русская его трактовка и советский строй, а ответственность за ход истории возлагается непосредственно на философскую теорию, а не на людей, которые толковали и воплощали ее по своему разумению. Также при этих двух подходах русский советский строй рассматривается как адекватное воплощение в жизнь марксизма.

При третьем подходе вопрос усложняется: ответственность с самой теории переносится на людей, толкующих и реализующих теорию, различается оригинальный марксизм, его русское толкование, а также реальный советский строй. И «вина» или ответственность здесь должна распределяться между этими тремя сторонами русского марксизма.

Традиционный и заложенный в самой постановке проблемы ход состоит здесь в том, чтобы оправдать гуманистический смысл оригинального марксизма (причем ленинизм здесь одни исследователи относят к истинному марксизму, другие нет), а вину за его извращения в процессе реализации возложить на объективные и особенно субъективные условия его практической реализации, т.е. на недобросовестных толкователей и практических реализаторов марксистской программы, которые извратили не только его теоретическую суть, но и замаскировали марксистской идеологией совершенно чуждый духу и сути коммунизма строй или если не совсем чуждый, то с серьезными извращениями.

При всех различиях, роднит все три позиции то, что у них есть общая идеалистическая предпосылка: они явно или неявно исходят из того, что ход истории определяется волей гениальных ученых, создающих свои проекты общества и гениальных практиков-вождей, реализующих эти проекты в реальности. Одни эту волю считают злой, другие доброй, но сходятся в том, что именно воля Сталина, Ленина и ум Маркса создали советское общество.

Примером примитивной идеологической постановки проблемы роли марксизма в судьбе России является нашумевшая, в свое время и ставшая программой для современных антикоммунистов книга З. Бжезинского «Большой провал. Агония коммунизма». Русский марксизм, Бжезинский, не отличая его принципиально от оригинального марксизма и не различая теорию и практику марксизма, рассматривает как неудачный, провалившийся, но стоивший многих жертв России (50 млн.) эксперимент: «В сущности своей это была западная доктрина, разработанная в читальном зале Британского музея одним интеллектуалом, немецким евреем. Зачем это чужеземное растение было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма – пересажено одним автором брошюрок, русским революционером, выступавшим в роли хирурга

истории.» [3, С.256] Как констатирует Бжезинский, созданный в России в результате революции 1917 года командно-административный, тоталитарный режим власти Коммунистической партии и ее идеологической диктатуры оказался во всех смыслах (экономическом, политическом и идейном) несостоятельным, проиграл соревнование западной демократии и к концу XX века потерпит неминуемый крах. Бжезинский дает несколько вариантов, как будет происходить конец коммунистического режима в СССР. Он же и участвовал в подготовке этого краха и разработке его сценариев, как член президентских администраций в США.

Односторонне подтасовывая факты, давая им нужную одностороннюю интерпретацию, Бжезинский подкрепляет ими свои тезисы о крахе коммунизма во всех областях. И делает заключение: «Обернувшаяся катастрофой встреча человечества в XX веке с коммунизмом дала болезненный, но крайне важный урок: утопическая социальная инженерия находится в фундаментальном противоречии со сложностью человеческого бытия, а социальное творчество лучше всего расцветает, когда политическая власть ограничена. Этот фундаментальный урок делает тем более вероятной возможность, что XXI век будет веком демократии, а не коммунизма». [3, С.277]

Спустя тридцать лет после написания книги Бжезинского мы можем, имея горький опыт «капитализации страны», приобщения России к «демократии», констатировать, что не социализм, при всех его издержках и извращениях, а именно слом советского строя привел СССР и Россию на грань национальной катастрофы – физического вымирания народа и поглощения страны западными странами-хищниками.

Мы можем, кроме того сослаться на заключения современных западных исследователей глобальных проблем о том, что капитализм ведет все человечество к скорому и глобальному краху, гибели. Бжезинский неправоммерно отождествил крах советского социализма, спровоцированный извне и изнутри искусственно, с крахом коммунистической идеи и марксизма вообще. Итак, мы отвергаем как поверхностные и не состоятельные подходы, трактующие вопрос о роли марксизма в судьбе России с позиций «вины», в любом смысле его за так или иначе оцененную советскую историю со всеми ее плюсами и минусами.

Адекватное решение этой проблемы можно получить при адекватной научной постановке проблемы, включая вопрос о роли марксизма в судьбе России в XX веке как подчиненный в более глобальную проблему: Закономерен ли был русский коммунизм (как общественный строй) и какую роль сыграла теория и идеология марксизма в его становлении? Здесь уже мы

исходим из того, что марксизм, как и любая идеология – не произвольная выдумка отдельных мыслителей, а необходимый духовный продукт определенного типа общества в определенный период его развития, и не только продукт, но и действующая сила, определяющая в той или иной степени ход общественного развития. Здесь мы исходим из того, что в истории существует закономерность, которая проявляется в исторически случайной форме, во взаимодействии объективных и субъективных, материальных и духовных сторон общественной системы.

Однако, признавая объективную закономерность русского коммунизма, мы можем толковать ее идеалистически и материалистически. Рассмотрим обе трактовки.

Идеалистическую трактовку закономерности русского коммунизма мы находим у Н. Бердяева, причем с большими элементами материализма. По Н. Бердяеву, коммунизм оказался неотвратимой судьбой России в XX веке потому, что был «...наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России 1917 г. и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилем.» [2, С.93] Для победы коммунизма в России сложились благоприятные объективные материальные и, главное, духовные предпосылки. К материальным, не решающим, а лишь внешним, дополняющим главные духовные предпосылки Бердяев отнес: политический кризис правящего класса, разложение русского государства и армии в результате мировой войны, социальное возмущение крестьян и вообще широких масс народа, отчуждение власти от интеллигенции и от народа, идущее от Петра I. К духовным предпосылкам относится склад русской души, которая восприняла марксизм в форме извращенной религии мессианства: «Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом.» [2, С.88-89] Душа большевизма, согласно Бердяеву, по своей структуре - это та же русская душа – искание царства социальной правды и справедливости, жертвенность, аскетическое отношение к культуре, целостное тоталитарное отношение к жизни, определяемое главной целью – осуществлением социализма. Склад ума русской интеллигенции, воспитанной в революционном духе, – это вторая духовная предпосылка русского коммунизма. Третья духовная предпосылка – крушение патриархальной религиозной веры в сознании массы крестьян.

Но главной причиной победы коммунизма и движущей силой этого процесса была, по Бердяеву, демоническая личность Ленина. Правда Ленин,

да и вообще вся русская революция, в конечном счете, у Бердяева являются исполнителями божественного суда над русской историей. Т.о. мы видим, что элементы трезвого исторического анализа у Бердяева обесцениваются в сочетании с провиденциалистским идеалистическим истолкованием истории вообще, и русской, в частности. Бердяев, рассматривая роль марксизма в русской истории, считает, что русский народ и его вожди восприняли лишь ненаучную, религиозно-мессианскую сторону марксизма.

На примере Бердяева мы видим, что провести идею закономерности русского коммунизма и на этой основе точно уяснить роль марксизма в его становлении и развитии, последовательно не удается.

Материалистическая трактовка закономерности русского коммунизма исходит из того, чтобы вывести советский социализм из конкретно-исторического анализа взаимодействия всех экономических, политических и духовных процессов, происходивших в русском обществе в их взаимном влиянии, рассматривая политико-экономические процессы, как в конечном счете решающие. Под последними имеется в виду не безличное действие исторических законов, а реальная борьба социальных и политических сил за свои экономические и социально-политические интересы в конкретной исторической обстановке.

Говоря о судьбе марксизма в России в XX веке, мы и должны конкретно ставить вопрос, какую роль в этой борьбе и развитии советского строя сыграл марксизм и какие при этом он претерпел изменения?

На разных стадиях русской истории эта роль, сам статус и трактовка марксизма в России, и особенно в его духовной культуре существенно изменялись, и в зависимости от этого менялось его конкретное воздействие на русскую историю. Мы можем выделить четыре стадии развития марксизма как духовного явления (образования) на русской почве. Первая стадия – конец XIX века – стадия усвоения марксизма русской революционной интеллигенцией. Вторая стадия – от начала века до 1917 г. – стадия творческого развития марксизма как идеологического орудия революционной партии в политической борьбе за власть, сопряженное идеологической борьбой против оппортунистов-ревизионистов и идеологии политических классовых противников.

Третья стадия – от 1917 г. до 1985 г. – стадия марксизма как официальной государственной идеологии и теоретической концепции построения и совершенствования социализма и идеологического орудия стабилизации советского строя. На этой стадии марксизм претерпел целый ряд метаморфоз, связанных с противоречивостью его статуса и сменой политической конъюнктуры и типа режима в течение советской истории.

Основные стадии этих метаморфоз таковы: – марксизм периода военного коммунизма, - ленинский марксизм периода НЭПа – сталинский марксизм (30-50-е гг.), - постсталинский марксизм в 60-80-хх гг.

Четвертая стадия марксизма в России – марксизм периода разрушения социализма и советского государства в результате т.н. «демократических реформ». Для этого этапа характерно изменение статуса марксизма: из государственной идеологии он превратился в отверженную теорию и исчез даже из учебных курсов университетов, а не только из СМИ. Он стал теорией и идеологией новой коммунистической оппозиции, и одним из социальных учений, вроде бы сохранившим лишь историко-философское значение. Эта стадия характеризуется глобальной психологической и идеологической критикой марксизма и коммунизма, направленной на освобождение массового сознания от марксистской коммунистической идеологии. Борьба с марксизмом и коммунистической идеологией ведется в основном не в области теоретических научных споров, а методами психотропной обработки массового сознания с помощью электронных СМИ.

Остановимся теперь на этих стадиях и выясним, какие трансформации претерпел оригинальный марксизм на каждой из них и в какой степени адекватно он реализовался в русской истории как теория революционного преобразования общества. После этого мы коснемся неизбежного вопроса о причинах современного краха марксизма в России и его исторических перспективах.

Итак, первая стадия – усвоение марксизма на русской почве. До появления марксизма в русском революционном движении лидировала идеология народничества, включающая в себя элементы утопического социализма (крестьянского общинного социализма), который был отражением и выражением незрелости экономических отношений капитализма в России и вообще специфики российских аграрных отношений. Народническая теория была неудовлетворительной идеологией революционной борьбы. Русские революционеры нуждались в более развитой и научно обоснованной революционной теории, которая при этом была бы близка русскому коммунистическому духу (интеллигенции и масс простого народа). Марксизм оказался как раз такой теорией и появился в нужное время и в том месте, где для его восприятия революционной интеллигенцией была очень благоприятная почва. Марксизм научно обосновывал закономерность революции, указывая реальную социальную силу, которая способна осуществить ее, открывал социалистический идеал, как конечную цель революционной борьбы. Потому-то он и был легко и органично воспринят наиболее радикальными русскими революционерами.

Русские первые марксисты (Г. Плеханов), кроме распространения марксизма в кругах интеллигенции и сознательных рабочих должны были решить еще три важнейших идеологических задачи: 1. Применить марксову концепцию общественного познания и экономическую теорию к анализу современной им российской действительности; 2. На основе этого уточнить стратегию и тактику революционной борьбы применительно к конкретным российским условиям; 3. Заняться критикой идеологических конкурентов внутри и вне революционного лагеря. И прежде всего идеологически размежеваться с народниками.

Русский марксизм на этой стадии был инструментом анализа российской действительности для выработки революционной программы и идеологии в руках его первых русских адептов. Русский марксизм пришел к выводам о том, что успехи революции в России связаны с развитием капитализма и ростом пролетариата, что вначале должна произойти буржуазная революция, которая покончила бы с остатками феодализма и что в этой революции пролетариат должен быть союзником буржуазии.

Задача революционных сил состояла в организации партии рабочего класса не столько по составу, сколько по политической направленности, пропаганде марксизма среди рабочих и организации их для политической борьбы. В принципе такая трактовка марксизма применительно к России была совершенно марксистской и вполне соответствовала его ведущим идеям. Из работ Ленина, посвященных борьбе с народничеством нужно указать следующие - «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», а также «Развитие капитализма в России». Однако на первой стадии по мере практической пропагандистской и организационной работы, предпринятой Плехановым и Лениным в рабочих кружках - прообразе будущей партии, выяснилось, что, во-первых, экономическая отсталость России не позволяет говорить о социалистической революции как реальной и близкой перспективе, во-вторых, внесение революционной идеологии в массы пролетариата и организация его на политическую борьбу, а тем более революцию в широком масштабе – почти нереальная задача для кружков пропагандистов марксизма.

Эти горькие уроки нужно было осмыслить. И их осмысление привело к расколу русского марксизма на три лагеря: 1. большевиков, 2. меньшевиков, 3. легальных марксистов. Вообще в этой ситуации у марксистов был выбор из трех альтернатив: 1. пересмотреть свой анализ российской социальной реальности и свою стратегию и тактику, 2. сохранить верность анализу и тактике, 3. отказаться от революционного потенциала и содержания марксизма.

Легальные марксисты, типа Струве вообще отказались от революции, выступая за всемерное развитие капитализма и совершенствование его путем реформ т.е. отказались от марксизма. Меньшевики сделали ставку на то, чтобы дожидаться зрелости капитализма в России, а пока ограничиться содействием буржуазии в ее борьбе с пережитками феодализма и пропагандистско-организаторской работой среди рабочих и борьбой за экономические и политические реформы.

Лишь большевики сохранили верность тактике активной революционной деятельности, сознательного ускорения хода истории. Если экономические условия не созрели для социалистической революции, если пролетариат составляет меньшинство населения, то марксистское учение о социалистической революции следовало творчески развить применительно к специфическим русским условиям. Таким развитием стала ленинская теория социалистической революции. Она, во-первых, была основной формой русского марксизма в дооктябрьский период, во-вторых, разрабатывалась и применялась как оружие идеологической борьбы и руководство к революционному действию. Акцент в ней делался на вопросе о захвате власти, а не на основных действиях после победы революции. Поэтому, кстати, первые шаги по строительству русского социализма делались наугад. Захватив власть большевики, сами твердо не знали, что и как делать дальше.

Каковы же основные идеи этой теории? Во-первых, это идея о том, что в отличие от предыдущих революций, когда политическая революция завершала переход от одной формации к другой, оформляя уже свершившуюся экономическую победу новой формации, социалистическая революция только начинается с захвата власти. Ибо преобразование капиталистических экономических отношений в социалистические в недрах капитализма, при политической власти буржуазии просто невозможно. Поэтому основной вопрос социалистической революции – вопрос о власти, как условии и средстве преобразования экономических отношений.

Во-вторых, (что вытекает из первого) для захвата власти необходима мощная организованная политическая сила – революционная партия, которая и призвана вести борьбу за власть и организовать трудящиеся массы на революцию. Она является фактическим руководителем революционного движения и главным революционным деятелем. Чтобы быть на высоте своей миссии и быть в силах решить свои задачи партия должна отвечать множеству условий. Ленинское учение о партии, основы которого он заложил в работе «Что делать» развивалось одновременно с формированием и деятельностью самой партии. Здесь мы видим в действии принцип марксизма: единство теории и практики.

Итак, революционная партия есть авангард пролетариата, состоящий из его лучших, наиболее сознательных представителей и революционной интеллигенции. Она должна быть вооружена единственно верной, единой научной идеологией. Она должна быть четко организована и боеспособна, что обеспечивал принцип демократического централизма. Она должна поддерживать тесную связь с массами, умело увязывая свои текущие политические, тактические лозунги с запросами и чаяниями, настроениями масс, в то же время, ведя в них постоянную широкую революционно-пропагандистскую работу. Она должна быть гибкой в выборе форм и методов борьбы с учетом конкретной политической ситуации, но гибкость в тактических приемах должна сочетаться с незыблемой верностью стратегической цели – социалистической революции. Именно такую партию Ленину и удалось в очень долгой и трудной борьбе создать. Такую боеспособную партию сформировал сам опыт революционной борьбы большевиков.

Однако, зрелость субъективного фактора революции ничего не дает, если нет зрелости ее объективных предпосылок. И для обоснования этой зрелости Ленин развивает экономическую теорию Маркса. В работе «Империализм как высшая и последняя стадия капитализма» он характеризует новую стадию развития капитализма, как последнюю, непосредственно предшествующую социализму, как полную материальную подготовку социализма. «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами, и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.» [24, С.387]

Далее Ленин продолжает адаптировать марксизм к условиям России, выдвигая закон неравномерного развития капитализма в разных странах. Для капитализма, по его мысли, характерна неравномерность развития отдельных стран и значит неодинаковое время созревания экономических предпосылок революции. Следовательно, революция и победа социализма возможна первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой стране.¹ Однако, все это еще никак не доказывало, что Россия экономически созрела для революции. Поэтому, Ленин дополняет это учение новыми идеями. Во-первых, это идея о том, что для социалистической революции достаточен не обязательно высший уровень экономического развития, но определенный

¹ См. работы Ленина В.И. «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (т.26) и «Военная программа пролетарской революции» (т.30).

минимальный уровень. Вот только, как определить меру его Ленин не указал, но постулировал, что в России он имеется. Во-вторых, это идея о том, что социалистическая революция произойдет сначала в слабом звене в цепи империализма, которым является Россия.

Т.е. Ленин доказал самому себе и своей партии, что социалистическая революция объективно (экономически) назрела, и больше всего в России, в силу ряда исторических обстоятельств. Важной частью ленинской теории социалистической революции является учение о революционной ситуации, как одной из объективных предпосылок непосредственного политического выступления революционной партии с целью тем или иным путем захватить власть. Выделенные Лениным признаки революционной ситуации стали классическими: 1.Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде своё господство. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется ещё, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. Иными словами, революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса; 2.Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетённых классов. Это обострение может быть вызвано ухудшением экономического положения широких слоев населения, социальным бесправием и обездоленностью масс, резким углублением социальных антагонизмов. Взрыв массового недовольства может быть вызван и резким несоответствием между реальными возможностями экономического, социального, культурного прогресса и теми практическими результатами, которые получают от него широкие массы народа; 3.Значительное повышение активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению. Боевые настроения стремительно нарастают, массы буквально рвутся к политике. [26, С.218]

Выбор пути, или способа захвата власти зависит от исторических обстоятельств и расклада классовых и политических сил. Ленин допускал как мирный, так и вооруженный путь.

Наконец, в ленинской теории социалистической революции учитывались особенности России, соответственно которым революция рассматривалась как состоящая из двух этапов: 1.буржуазно-демократическая революция, в которой пролетариат должен играть ведущую роль и создать политические предпосылки для перерастания буржуазной революции в социалистическую. Кроме того, для России как крестьянской страны, безусловно, необходим союз пролетариата с крестьянством,

особенно беднейшим и 2. собственно социалистическая революция, в которой пролетариат во главе с марксистской революционной партией и в союзе с крестьянством приходит к власти и проводит уже собственно социалистические преобразования общества.

И последнее. Ленин, хотя и обосновал возможность социалистической революции в России, но не отказался от марксистского тезиса о том, что революция может победить только одновременно во всех развитых странах. Он лишь уточнил его: революция начнется в одной, не самой развитой, но зрелой по остроте социальных противоречий стране, и даст толчок мировой революции. И в этом состоит шанс на успешное построение социализма в такой все-таки экономически отсталой стране, как Россия. Ибо победа социализма в развитых странах Запада гарантирует помощь России в проведении социалистических преобразований, компенсирующую ее экономическую отсталость. Только этот расчет и подвинул партию большевиков, самого Ленина, прежде всего, на захват власти в Октябре 1917 года.

Как оценить этот ленинский марксизм, в котором пересматриваются некоторые важнейшие положения оригинальной марксовой теории социалистической революции: как ревизионизм или как творческое развитие марксизма? И как оценить марксизм меньшевиков? Меньшевики хранили верность букве марксизма, сохраняя в новых исторических условиях верность стратегии и тактике революционной борьбы, разработанной Марксом, исходя из условий середины XIX века. Тем самым она предавали, ревизовали творческий дух и революционную практическую направленность марксизма, были догматиками.

Ленинизм (большевизм) пересматривал некоторые важнейшие положения массовой теории социалистической революции, сохраняя верность творческому, живому, революционному духу марксизма, который требовал согласовывать не факты с теориями, а теориями с фактами, не ограничиваться познанием действительности, а преобразовывать ее. Изменение частных положений теории марксизма в соответствии с новыми историческими явлениями, творческое применение марксистской социальной философии к познанию российской социальной реальности, безусловно, должно рассматриваться не как ревизионизм, а как действительное творческое развитие марксизма. Тем более, что и сами его основоположники не держались за те свои теоретические положения, которые приходили в противоречие с действительностью, особенно в вопросах стратегии и тактики революционной борьбы. Маркс по этому поводу в одном из писем, заметил, что он не «марксист», т.е. не догматик своего собственного учения.

Продуктивность и творческий потенциал ленинской теории социалистической революции подтвердил успех Октябрьской революции, хотя он, конечно, не является абсолютным доказательством ее непротиворечивости и абсолютной истинности. Напротив, успех захвата власти обнажил слабые места этой теории. История никогда не подтверждает и не опровергает абсолютно ни одно социальное учение, но всегда вскрывает их историческую ограниченность.

Третья стадия в развитии русского марксизма началась после победы Октябрьской революции. Захватив власть, большевики не имели конкретного плана преобразований и конкретной модели общественной системы, которую намеревались строить. Вот красноречивые признания В. Ленина: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, - мы этого не знаем, этого сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то сделать хотим, это мы знаем, мы скажем... Но чтобы мы сейчас знали как будет выглядеть законченный социализм мы этого не знаем.» [20, С.65] «Мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем.» [23, С.499]

Шокирующие заявления, которые можно интерпретировать как свидетельство политической смелости и творческой открытости, или же как свидетельства редкостной наивности и авантюризма в истории и политике. Социализм как абстрактное описание его общих принципов, как программная цель партии, безусловно, был известен Ленину и его партии и был воспринят в неизменном виде из оригинального марксизма. Но его нужно отличать от социализма как средства, т.е от конкретной теории экономической и политической организации, описывающей всю эту систему, конкретный хозяйственный и политический механизм социалистического общества.

Этого ни в оригинальном марксизме не было, ни в ленинской теории социалистической революции. Как же проводить реальную политику, строить новую экономическую и политическую систему, преобразуя старую, не имея ни реальной программы, ни практических навыков организационной государственной работы? Ни одна партия власть не отдает добровольно. Тем более это затруднение не могло остановить революционную партию большевиков. Ей пришлось одновременно разрабатывать модель экономической организации социализма и проводить преобразования на ее основе, пытаясь при этом сочетать идеальные представления о социализме (социалистический идеализм) с конкретными условиями политической борьбы за удержание власти (политическим прагматизмом). Партия

большевиков победила в революции, завоевала массы обещаниями удовлетворить их насущные чаяния: земля - крестьянам, мир - народам, власть – трудящимся. Но были ли устремления масс социалистическими? Вряд ли. Они были прагматическими, экономическими, прежде всего. А партия была ли действительным выразителем интересов пролетариата, или же политической организацией, стремящейся к власти в своих интересах - осуществления социалистического переустройства общества?

На революцию как видим большевики и поддерживающие их массы возлагали отнюдь не одинаковые надежды. Чтобы удержаться у власти и в то же время реализовать свои социалистические планы, которые как оказалось совершенно абстрактны, партии приходилось маневрировать. Острее всего у нее была нужда именно в теории социалистического строительства, переустройства общества, причем конкретизированной к местным российским и общим международным условиям, которые отнюдь не были благоприятны: - экономическая отсталость, усугубленная вызванной мировой войной и революцией разрухой, интервенция, гражданская война, преобладание крестьянского частного мелкотоварного сектора в экономике. Условия были до того неблагоприятны, что главный расчет на мировую революцию и помощь западных социалистических стран не оправдался. Рождающаяся революционная теория социалистического строительства (конкретной социалистической организации общества) и практика революционной организаторской хозяйственной деятельности шли руку об руку, вырастая друг из друга.

Как революционная практика, так и революционная теория для своего успеха должны были быть едины, а также удовлетворять следующим критериям исторической успешности: 1. новая экономическая и политическая система должны быть эффективными, 2. проводимые реформы должны быть обеспечены политической поддержкой (или хотя бы нейтралитетом) трудящихся масс, 3. учитывать реальные условия. Как социалистическая теория и практика, она должна была при этом соответствовать идеям социализма.

Гармонического сочетания социалистического идеализма и политического прагматизма не получилось и не могло получиться. Первая теоретическая и практическая модель реального социализма - военный коммунизм - характеризовалась явным преобладанием социалистического идеализма, который в чрезвычайно неблагоприятных исторических внутренних и внешних условиях выступил, естественно, в уродливом и извращенном виде. Как говорится, первый блин вышел комом, и потому, что печь была плохая, и тесто плохое, и пекарь плохо знал, что и как нужно печь.

Итак, в первые годы советской власти была создана новая форма русского марксизма – первая ленинская теория или программа социалистического строительства, описывавшая конкретный экономический и политический механизм социализма. Эта программа делится на две части: 1. модель социальной организации и 2. способ ее реализации в тех конкретных исторических условиях.

Первая модель «коммунизма» как форма социалистической хозяйственной системы представляет собой «единый в масштабах своей страны производственно-потребительский кооператив с единой общенародной собственностью (в форме государственной собственности) на все средства производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, с единым государственным планом, регламентирующим все производство и распределение, основанным на строжайшем учете и контроле меры труда и потребления. Это единый кооператив, объединяющий тысячи производственно-потребительских коммун и выступающий как общество без классов, без товарно-денежных отношений, с прямым продуктообменом, управляемым сливающимися воедино Советами профсоюзами и кооперативами.» [28, С.125]

Средством реализации этой модели является диктатура пролетариата в союзе трудовым крестьянством при нейтралитете середняков. Реализовать такой план в тех условиях можно было лишь при условии жесткой диктатуры пролетариата, т.е. диктатуры партии, использующей государственную власть для силового утверждения социализма сверху чисто административно-принудительными методами.

Первая модель социалистической организации общества реализовалась на практике в крайне не подходящих российских условиях гражданской войны и разрухи в уродливой форме военного коммунизма, для которого были характерны: тотальная национализация промышленных предприятий и передача их под контроль государства, свертывание товарно-денежных отношений, замена их нищенским пайком и уравнильным административным распределением предметов потребления, продразверстка в деревне, грубое физическое подавление всех политических противников, трудовое принуждение. При этом партия большевиков, как главный субъект социалистического строительства, по мере «социалистических» преобразований посредством государственного принуждения превращалась в специфический привилегированный класс российского общества со своими интересами, монополизировавший государственную власть и сделавший государственное управление своим средством к существованию.

В результате реальность военного коммунизма существенно расходилась с предполагаемой первой моделью социалистической организации общества.

Военный коммунизм, временно частично оправданный в экстремальных условиях гражданской войны, очень быстро выявил свою нежизнеспособность, поскольку слишком резко противоречил реальным экономическим условиям и потребностям масс не только рабочих, но, главное, крестьян, не мог стимулировать восстановление разрушенной экономики. Военный коммунизм, в определенной степени сам по себе обусловил остроту гражданской войны и во же время был способом организации победы большевиков в этой войне.

Но для мирного времени и конструктивного социалистического строительства военный коммунизм совершенно не годился. Победа большевиков в гражданской войне оказалась «Пирровой победой», поскольку невыносимый для массы рабочих и крестьян режим военного коммунизма создавал реальную угрозу теперь уже массового восстания против большевиков.

Пришлось Коммунистической партии во главе с Лениным пересматривать взгляд на социализм в России, причем, в корне. Новый поворот в строительстве социализма в России успел осуществить В. Ленин в 1921 году. Эта новая модель социалистической организации, новый план социалистического строительства делал крен в сторону политического прагматизма и политического реализма и удовлетворял основным критериям исторической успешности. Он предусматривал упор не на силовые, а на экономические методы в построении социализма. Хотя и в этом плане основным условием и средством его реализации считалась диктатура пролетариата, т.е., фактически, диктатура партии или власть нового сложившегося класса, партийно-государственной номенклатуры.

Основные черты этой модели: государственные промышленные предприятия с централизованной государственной системой планирования, производства, кооперация индивидуальных крестьянских хозяйств, сохранение товарного производства и товарного обращения, денег и рынка как экономических регуляторов производства, но при подчинении их интересам социалистического строительства и ограничении стихийности этих механизмов. Допускалось на определенный период сохранение в мелкой и средней промышленности частных капиталистических предприятий, но под жестким контролем и ограничением со стороны государства. Эта вторая модель предполагала государственно управляемый социалистический рынок и товарно-денежные отношения, принцип социалистического хозрасчета и

материального стимулирования труда, распределение по количеству и качеству труда. Очень важной чертой этой модели был принцип реального контроля трудящихся над деятельностью государственного аппарата, т.е. действительной демократии трудящихся при сочетании с руководящей ролью партии в обществе. Руководящая роль партии предполагала единство партийного, идеологического и хозяйственного руководства.

В качестве методов реализации этой модели предполагалась хозяйственно-организаторская, культурно-пропагандистская работа партии, а также налоговая и финансовая политика. Сроки социалистического строительства удлинялись, методы смягчались, но зато результат обеспечивался верней.

Эта вторая модель, в общих чертах появившаяся несколько позже реального изменения политики - перехода от военного коммунизма к НЭПу, делала крен в сторону реализма и прагматизма. Однако, она не тождественна политике НЭПа, которая рассматривалась В. Лениным как временная уступка, вынужденная отсталостью крестьянства и экономической разрухой.

Общей чертой первой и второй ленинских моделей строительства социализма в России является, как мы видим руководящая роль Коммунистической партии, реализующей «диктатуру пролетариата». Еще накануне Октябрьской революции Ленин в работе «Государство и революция», опираясь на труды Маркса и опыт Парижской коммуны и Первой русской революции, старается решить два важнейших вопроса: 1.Т.к. государство является основным орудием социалистического строительства, то каким оно должно быть после победы революции? 2.Что делать со старым, буржуазным государственным аппаратом?

Ленин пришел к выводам о необходимости слома, уничтожения старого государственного аппарата ввиду его полной непригодности для целей революционного преобразования общества, и о необходимости замены его новым пролетарским государством – государством диктатуры пролетариата, которая является гораздо более демократичным типом государства, чем любая буржуазная демократия. Конкретной формой этого государства диктатуры пролетариата по Ленину должны стать Советы депутатов трудящихся.

Однако практика государственного строительства после захвата власти большевиками показала, что без создания еще более централизованного государственного аппарата социализм не построить, что власть Советов реально оказывается властью партии, и трудящиеся не могут быть допущены к реальному высшему управлению в силу своей недостаточной грамотности и сознательности, что, ломая старый аппарат, и строя новую партия

вынуждена учиться у старой бюрократии, и при этом она перенимает не только ее организационный опыт, но и все самые отрицательные стороны русской бюрократии, с добавлением, однако, нового элемента - принципа идеологической лояльности, как необходимого условия доступа к управлению. Обнаружилось, что партийные деятели, осваивая науку управления, склонны к нравственному перерождению, к которому ведет любая неограниченная и никем не контролируемая власть. В силу всего этого советское государство как основной инструмент социалистического строительства в России, изначально сложилось не как реальная власть трудящихся, а как орган диктатуры партии над обществом, что и способствовало превращению партии в привилегированную касту-класс управленцев.

Успешная реализация политики НЭПа очень быстро обнажила фундаментальное противоречие между быстро и эффективно растущими элементами капитализма в промышленности и, особенно, в сельском хозяйстве, и ленинским планом мирного, не принудительного социалистического строительства. Кроме того, и главное, именно экономические успехи политики НЭПа показывали, что она подрывает принципы социализма и создает угрозу монополии партийной номенклатуры на власть, что эта политика не благоприятствует, а, напротив, препятствует реализации второго ленинского мирного плана социалистического строительства, что НЭП вообще потенциально может вести к реставрации капитализма, что НЭП вступает в противоречие с уже сложившейся советской командно-административной системой (государственно-номенклатурным социализмом) и интересами класса партийной номенклатуры.

В результате партийных дискуссий и борьбы в середине 20-х годов решилась судьба едва родившегося советского социализма: будет ли он постепенно превращен в капитализм или будет укреплен и развит именно как государственно-номенклатурный социализм. Вторая альтернатива победила, и практика и теория социализма были откорректированы в соответствие с интересами партийной номенклатуры и построенной ей командно-административной системой. Сталинская модель социализма и была этой корректировкой. Марксистская революционная теория пришла наконец в соответствие с революционной практикой именно потому, что марксизм в его сталинской версии стал отражением и апологией сталинской системы.

Началась четвертая стадия в развитии русского марксизма, связанная с тем, что он получил новый статус: официальной государственной идеологии с функцией идеологической стабилизации существующего советского

сталинского социализма. Превращение марксизма из орудия революционного преобразования общества в идеологию партийно-номенклатурного государства привело к целому ряду последствий для него: догматизации, вульгаризации, монополии в духовной жизни общества и в сознании масс населения.

Марксизм в его сталинском толковании, ибо монополию на толкование и развитие марксизма естественно получили лишь партийные вожди и их идеологическая армия, ставшая важной частью государственного механизма, стал толковаться, как единственное верное, непогрешимое учение. Это привело к его к ограниченности и идеологической агрессивности. Все это способствовало фактически свертыванию всякой возможности для творческого развития марксизма и реализации его познавательного, научного и критического революционного потенциала.

Государственная идеология становится нетерпимой к свободному научному мышлению и чуждым идеологиям, глухой к фактам и движению жизни. Противоречие фактам и изменение общества проходят мимо нее и никак ее не колеблют, ибо ее сила не в истинности, а в мощном пропагандистском аппарате, который занят ее внедрением, и в незыблемой святости. Идеология прочна до тех пор, пока стабилен политический режим, который она обслуживает и стабильно положение в обществе.

Советский марксизм в качестве официальной и единственной государственной идеологии прошел ряд стадий модификации вместе с системой государственного партийно-номенклатурного социализма. Всякие модификации его теории инициировались исключительно очередными партийными вождями и служили прагматическим политическим целям. Все это подавалась как творческое развитие марксизма.

Вместе с загниванием партийно-номенклатурного социализма происходило постепенное загнивание и советского марксизма как его идеологии. Причина краха марксизма в России в конце XX века не в нем самом, и не внутри самой его идеологической формы, которую он принял в советском марксизме, а в крахе, кризисе партийно-номенклатурного социализма, точнее в его внутреннем закономерном перерождении в криминально-номенклатурный капитализм. Только, когда переродившаяся партия решила отказаться от ставшей для нее тягостной внешней формы социализма, когда она позволила и даже организовала критику марксизма и коммунизма внутри страны и открыла двери для пропаганды в нашей стране западной идеологии, только тогда и только поэтому коммунистическая идея потерпела крах в сознании масс, а марксизм из государственной идеологии и обязательного учебного предмета, основного содержания советской науки,

стал не только не модным, но и шельмуемым бывшими его пропагандистами и приверженцами учением. И т.о. вступил в новую пятую стадию своего развития в России. Но именно в этой стадии, став вновь оппозиционным учением, гонимым новой идеологией, марксизм в России приобрел новые шансы на жизнь, возрождение его творческого и революционного потенциала, возрождение его подлинного гуманистического духа.

В чем этот шанс и имеет ли марксизм в современной России, и в мире в-целом, возможность нового Возрождения, мы рассмотрим подробнее позже. Здесь же заметим, что марксизм в России показал себя как эффективное идейное оружие революционного преобразования общества до тех пор и поскольку сохранял живой, творческий, критический дух объективного научного познания, стремящегося к гуманистическому преобразованию общества. Он показал себя как вполне эффективная государственная идеология, поскольку истреблял в себе живой творческий дух и использовался в целях идеологической стабилизации советского общества.

Российский социализм XX века, который строился по предварительному идеологическому, теоретическому плану оказался началом перехода человечества к новой эре - идеологическому, информационному обществу, первым опытом такого общества, в котором социальная теория и гуманистическая идеология моделируют социальные отношения, т.е. являются предпосылкой и теоретической основой создания общественной системы, в котором политическая власть является основным инструментом реализации идеологического проекта. Этот опыт показал, что при этом власть стремится стать из средства самоцелью, что строители нового общества могут использовать свое положение в узкокорыстных целях, что реализация самой привлекательной социальной модели неизбежно выявляет ее ограниченность и нередко приводит к ее извращениям. Эти уроки необходимо осмыслить при второй попытке построения нового идеологического гуманитарного общества в России и в мире, чтобы избежать этих негативных последствий. При этом осмыслении нельзя, конечно же, обойти вопрос об причинах неудач и негативных результатов опыта социалистического строительства в России. Лежат ли эти причины в несовершенстве советского проекта или же они лежат в несовершенстве самого коммунистического социального идеала, или же в несовершенстве исполнителей, или же в недостаточной зрелости общества для реализации самого прекрасного проекта?

Чтобы ответить на эти вопросы первым делом нужно обратиться к критическому анализу коммунистической теории или идеи, как главной

идеологической основы проекта коммунистического общества. Это тем более важно, как показывают уроки истории XX века, что чем выше экономическое развитие общества, тем выше степень свободы (и связанной с ней ответственности и риска) сознательных исторических деятелей, носителей власти, тем выше роль социальных теоретических проектов и их идеологической базы в определении судеб современного и будущего общества.

ГЛАВА 6. КРИТИКА МАРКСИЗМА

6.1. Западная критика марксизма

Теперь мы рассмотрим, каким образом боролись буржуазные идеологические противники с марксизмом, как идеологией и социальной философией. Когда речь шла о борьбе с марксистской идеологией в массовом сознании буржуазные практические идеологи всегда эффективно использовали две тактики. Первая тактика - клевета, очернительство именно на уровне массовой психологии, а вторая тактика - умолчание. Но буржуазные идеологи-теоретики должны были действовать иначе - их призвание было в том, чтобы развенчать теоретические основы марксистской идеологии, разрушить ее научные основы. И в этом «благородном» деле упражнялись очень многие крупнейшие западные социальные ученые.

Сложилась традиционная схема отношения этих ученых к марксизму, состоящая из трех элементов: 1. абстрактные реверансы марксизму, персонально К. Марксу, высокая оценка его теоретического достоинства; 2. разоблачение «ограниченности» и несостоятельности марксизма как социальной теории (полной или частичной); 3. доказательство «устарелости» марксизма, его несоответствия реальной исторической действительности XX века. Занимаясь, разоблачением несостоятельности социальной философии марксизма, западные мыслители выбирают один из двух типовых или логически возможных для них путей. Первый путь - тотальная критика с позиции буржуазного мировоззрения или идеологии (идеологическая или мировоззренческая критика). Относительно этого пути можно сказать, что, во-первых, действительная продуктивная критика теории марксизма возможна только изнутри и при условии, что критик разделяет мировоззренческие позиции марксизма. Во-вторых, тотальная критика сводится к противопоставлению марксовой социальной философии различных теоретических концепций идеалистического, кантовского, или прагматически эмпирического толка, которые не выдерживают

теоретического сравнения с социальной философией марксизма. Это означает, что предлагаемые теоретические альтернативы марксизму не выдерживают марксистской критики, а их критика марксизма оказывается неубедительной. В-третьих, фактически вместо действительной внутренней, содержательной критики марксизма в данном случае мы видим простую перестановку ценностных знаков с марксистской идеологии действительного гуманизма на буржуазную идеологию ограниченного абстрактного гуманизма. Марксизму бездоказательно или с помощью софистических трюков наклеиваются ярлыки: ненаучности, логической и методологической прочности, непродуктивности, утопичности, антигуманности. Противопоставляемым марксизму теоретическим альтернативам приписываются противоположные ярлыки: научности, гуманности, реалистичности.

Второй путь разоблачения несостоятельности марксизма - попытка его ассимиляции, поглощения в рамках альтернативной, более широкой и глубокой интерпретации, включение марксизма в иную концептуальную систему, с уточнением, развитием отдельных идей. Поскольку это делается обычно на основе возрождаемых в новом виде, преодоленных марксизмом теоретико-методологических систем объективного или субъективного идеализма, в лучшем случае неокантианства, постольку эта ассимиляция не может рассматриваться ни как преодоление, ни как действительное развитие марксизма.

Приведем примеры высоких оценок марксизма западными философами. Ж.-П. Сартр, например, пишет: «Лишь марксизм имеет действительную теоретическую основу: он объемлет всю человеческую деятельность... Марксизм есть аутентичная философия современной эпохи... Каким бы ни были наши мысли, они могут развиваться лишь на этой основе; они должны развиваться в рамках, очерченных марксизмом, или же деградировать, исчезнуть в пустоте. ...Совершенно ясно, что эпохи философского созидания редки. На мой взгляд, между XVII и XX вв. есть только три эпохи: эпоха Декарта и Локка, эпоха Канта и Гегеля и, наконец, эпоха Маркса. Эти три философские эпохи представляют собой по очереди почву всякой необыкновенной мысли и горизонт всякой культуры. И они будут непреодолимы до тех пор, пока исторический момент, выражением которого они являются, не будет преодолен. Я часто подчеркивал, что «антимарксистский» аргумент есть не что иное, как явное возрождение домарксистской мысли. Так называемое «преодоление» марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем случае -

возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотели «преодолеть».» [70, С.16-17]

К.Поппер, один из самых яростных и фундаментальных критиков марксизма заявляет: «Маркс предпринял честную попытку применить рациональные методы к наиболее насущным проблемам общественной жизни. Ценность этой попытки не снижается тем фактом, что, как я постараюсь показать в дальнейшем, она в основном была безуспешной. Наука прогрессирует путем проб и ошибок. И Маркс действительно все время стремился осуществить те или иные пробы и, - хотя он заблуждался в основных своих теориях – его труды не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домаркситской общественной науке уже немыслимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают.

Чтобы справедливо судить о марксизме, следует признать его искренность. Широта кругозора, чувство фактов, недоверие к пустой и особенно морализующей болтовне, сделали Маркса одним из наиболее влиятельных в мире борцов против лицемерия и фарисейства. У него было пылкое желание помочь угнетенным, и он полностью осознавал необходимость показать себя в деле, а не только на словах. Его главные таланты проявились в области теории. Он затратил гигантские усилия, для того, чтобы выковать, так сказать, научное оружие для борьбы за улучшение доли громадного большинства людей». [54, С.98-99]

М. Вебер, один из лучших буржуазных ассимиляторов марксизма, в беседе с О. Шпенглером на его замечание о том, что марксовы прогнозы не оправдались, эмоционально возразил, что собственные прогнозы Шпенглера ничего не стоят, «А вот у Маркса, которого вы так ругали совсем иначе. Встань он из гроба сегодня и взгляни вокруг себя, он, несмотря на некоторые важные отклонения от его пророчеств, - имел бы все основания сказать – «Воистину это плоть от плоти моей, кость от кости моей.» [68, С.554]

Что касается доказательств устарелости марксизма и несоответствия его социальной реальности, развитию истории в XX веке, то она сводится к двум главным тезисам. Первый тезис состоит в том, что исторические прогнозы Маркса не сбылись, а второй тезис в том, что Маркс не объяснил новых фактов в истории XX века. Что касается первого, нельзя не заметить слабости этого тезиса. Во-первых, Маркс, как ученый не делал прогнозов, а изучал объективную закономерность развития капитализма, подчеркивая, что способ и конкретная форма ее реализации исторически случайна и зависит от сочетания множества конкретных исторических обстоятельств.

Как человек, Маркс, естественно, имел свои прогнозы по поводу сроков и формы реализации закономерного преобразования буржуазного общества в новый тип общества. Но эти человеческие прогнозы нельзя отождествлять с его научными взглядами, хотя связь между ними и есть. Поэтому, то, что эти прогнозы частично не сбылись или сбылись не в том виде, как предполагал Маркс, никак не доказывает научной несостоятельности его социальной философии. Правильно нужно ставить вопрос по-другому: реализовывались ли в истории закономерности, выявленные Марксом и в какой форме, и почему именно в такой форме, а не подменять его пустым вопросом о том, насколько точно Маркс сумел предвидеть конкретный ход событий.

Когда доказывают устарелость марксизма, его несоответствие фактам, современной социальной реальности, то обычно делается соответствующая произвольная, предвзятая подборка фактов, «подтверждающих» данный тезис, при игнорировании фактов, противоречащих этому тезису. Кроме того, говорить о том, что марксизм не объяснил современных фактов, современное общество совершенно не корректно, просто глупо. Как бы он мог объяснить то, чего еще не было в его время. Вопрос нужно ставить по-другому: позволяет ли марксова методология социального познания теоретически верно и глубоко постичь суть изменившейся социальной реальности, сохраняет ли она познавательную продуктивность? Таким образом, мы видим, что доказательства устарелости марксизма основаны на произвольном толковании фактов и подмене правильной постановки проблемы отношения марксизма к современной реальности, ложной, искаженной, с заранее известным и желательным для критиков марксизма ответом.

Яркими представителями тотальной критики марксизма являются К.Поппер и А.Камю. Крупнейшим представителем ассимиляции марксизма является М. Вебер. По середине между буржуазными критиками марксизма, западными марксистами и самим Марксом стоит западный неомарксизм, в лице франкфуртской школы, а также теорий постиндустриального общества, которые предприняли действительные, хотя и ограниченные попытки применить марксистскую методологию к познанию современного общества. Ограниченность этих попыток носит принципиальный мировоззренческий характер, и связана с попыткой отделить марксову концепцию истории от ее идеологической базы и вершины – коммунистической теории.

6.2. Российская критика коммунизма и марксизма

В современной России критикой коммунизма и советского социализма занимаются все, кому не лень. Это стало определенным стандартным ходом общественной мысли.

Советский социализм в официальном общественном мнении давно развенчан как позорное прошлое, как неэффективная социальная система, которая неизбежно была обречена на историческое поражение. Весь советский период истории России рассматривается в официальном общественном мнении как некая историческая ошибка, досадное отклонение с магистрального общечеловеческого движения по пути капиталистической рыночной экономики и либерализма.

Современная критика советского социализма проводится на двух уровнях: на уровне массовой общественной психологии и на уровне научно-теоретическом. Причем преобладает примитивная и научно некорректная критика именно на уровне массовой психологии, которая ведется методами манипуляции массовым сознанием. Суть ее сводится к простому очернительству всего что связано с советской историей, к навешиванию негативных отрицательных ярлыков на все стороны советского общества. Естественно, манипулятивно-психологическая критика основана на противоречии историческим фактам, но именно в этом ее «сила», опирающаяся на весь потенциал современных СМИ. «СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации. Главное в их сообщениях — идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой.» [13, С.811]

Кара-Мурза детально анализирует весь порочный арсенал средств манипулирования массовым сознанием через СМИ, с помощью которого в этом массовом сознании формируется негативное отношение к советскому социализму и всей советской истории: 1.«птичий язык» из малопонятных слов, 2.апелляция к эмоциям, 3.сенсационность и срочность, 4.повторение и дробление, 5.изъятие из контекста, 6.смещение информации и мнения, 7.тоталитаризм источника информации, 8.тоталитаризм решения, 9.прикрытие авторитетом, 10.активизация стереотипов и др. [13]

В научном плане, критика советского общества ведется разными способами. Один из наиболее распространенных - это такой сомнительный полемический прием, как «фигура умолчания». Т.е. тема советского социализма отодвигается на периферию научного дискурса, как не актуальная и никому не интересная. Этот прием, по сути, есть страусиный способ решать проблемы.

Если же говорить о содержательной научной критике советского социализма, то ее можно разделить на два направления: 1. критика справа со стороны буржуазных либералов и оголтелых антикоммунистов, 2. критика слева со стороны современных адептов и сторонников коммунистической идеи. Между ними стоят те, кто пытается занять позицию нейтрального судьи и дать взвешенную оценку.

Е. Гайдар в работе «Государство и эволюция» с позиций либерализма дает научный диагноз советской истории В XX веке, по его мнению, «русское общество описало огромный и трагический круг, «красное колесо»: почти нормальная рыночная экономика (с начала века до 1914 г.) — милитаризованная государственно-капиталистическая экономика с рынком и доминирующей частной собственностью (1914-1917) - военный коммунизм (1918-1921) - государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами рынка и частной собственности (1921-1929) — тоталитарная экономика, элиминировавшая рынок и частную собственность (1929-1953).

Так совершилось восхождение на пик коммунизма. Затем началась вторая половина века, спуск с этих страшных вершин. Этот спуск был почти симметричен подъему: государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами полускрытого рынка и теневой частной собственности (1953-1985) — государственно-капиталистическая экономика, сперва в форме «лжегосударственной», с постепенным переходом к открытой частной собственности и легитимизации бюрократического рынка (1985-1991)...С 1992 года начался переход к «нормальному» рынку и легитимной частной собственности. Но в центре этого круга всегда был мощнейший магнит бюрократического государства. Именно его силовое поле определяло траекторию российской истории. Государство страшно исказило черты новейшей истории. Опыт показал: государство самоедское разрушает общество, подминая его под себя, разрушаясь в конечном счете и само.» [6, С.166]

Т.е. главным пороком советского социализма, по мнению Гайдара, являлось тоталитарная власть государства и чиновников, пресловутая «командно-административная» система. Отсюда и главный рецепт Гайдара для современной России. «Чтобы сохранить наше государство, мы обязаны его радикально преобразовать, собрать всю свою политическую волю для решения этой задачи. Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному — самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна —

корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией.» [6, С.168]

Представляет интерес заочный диалог о советском социализме известного теоретика российского либерализма Г.Х. Попова и современного защитника советского социализма, его однофамильца Е.Б. Попова.

Либерал Г. Попов свою «научную» критику советского социализма ведет в духе навешивания негативных ярлыков, акцентуации и гиперболизации реально имевших место ошибок и недостатков строительства социализма в СССР. Главный объект критики Г. Попова - неэффективная командно-административная система управления, сложившаяся в СССР со времен сталинизма. Он пытается, тем не менее, дать взвешенную оценку ее результативности. «На что были направлены усилия административно-командной системы в первые десятилетия? Все ресурсы вкладывались прежде всего в тяжелую промышленность, особенно в те ее звенья, которые имели оборонное значение. Строительство тяжелой индустрии велось высокими темпами. К этим основным результатам следует отнести и выполнение культурной программы, достижение всеобщей грамотности, рост числа выпускаемых специалистов, развитие науки.

В годы строительства тяжелой индустрии была ликвидирована безработица в городах. Росло материальное благосостояние городских жителей. Заметно изменилась индустриальная география: в экономически отсталых национальных районах появились предприятия. В итоге страна из аграрно-индустриальной стала индустриально-аграрной. Но плата за эти успехи была огромной и размеры ее еще не изучены в полной мере.

Прежде всего само строительство тяжелой промышленности велось зачастую некомплексно, с крупными ошибками. Многие заводы годами не могли достичь запланированной производственной мощности. Качество изделий легкой и других отраслей промышленности, непосредственно удовлетворяющих потребности населения, порой было даже ниже, чем в двадцатые годы.

Сельское хозяйство оказалось в плачевном состоянии: снижались урожаи, поголовье скота в первые годы коллективизации катастрофически упало. Надо учесть отсутствие надежной статистической информации и об успехах, и о потерях. Успехи статистика раздувала, потери скрывала. Ряд ученых считают, что доля промышленности в совокупном общественном продукте превысила долю сельского хозяйства только в конце сороковых годов, а темпы роста определялись ошибочно и заведомо преувеличивались. Нарращивание основных производственных фондов сопровождалось гигантскими потерями людских ресурсов. Репрессиям подвергались

руководители, специалисты, рядовые рабочие и колхозники. Главное «наследство» административного управления в экономике — появление механизма торможения.» [52, С.449-450]

Одним из ключевых пороков Административной системы, по Г. Попову является деградация правящей партийно-государственной касты чиновничества (партийно-хозяйственной номенклатуры). «В Административной Системе качество решений зависит не просто от центра, а от его персонального состава, от личностей руководителей. Особенно от первого лица. А в этом механизме заключена как возможность блестящих, опережающих время решений, так и опасность крупнейших просчетов (достаточно ярко эту опасность описал М. Булгаков еще в двадцатые годы в рассказе «Роковые яйца»). Вместо объективных параметров, заданных социально-экономическим строем социализма, выступают личные способности руководителей. Вопрос об адекватности их представлений и действий объективным законам социализма в рамках самой системы объективно разрешить невозможно.

Пока среди хозяйственного руководства преобладали люди, выросшие в условиях подполья, революции, гражданской войны, воодушевленные идеями революции, — экономические решения в центре были более творческими, самостоятельными.

Но постепенно в Административной Системе ответственные посты занимались кадрами, которые выросли уже при ней и ничего, кроме нее, не видели. Нормативы поведения им «задавала» сама система. Она требовала от нижестоящих руководителей прежде всего исполнительности, приучала не обсуждать решения «верха», а выполнять их. В соответствии с законами Административной Системы нельзя лезть в дела «верха», надо делать то, что приказано. Важнее продемонстрировать свою стандартность, чем специфику, — больше шансов уцелеть. Но чем идеальнее такие люди на своих местах, тем менее они отвечают интересам дела и тем менее пригодны для более высокого поста.» [52, С. 452]

Е.Б. Попов, детально проанализировав исторические метаморфозы форм социализма в СССР, приходит к выводу о том, что советский социализм, несмотря на многочисленные недостатки, был вполне жизнеспособным социальным механизмом и его гибель не была неизбежной и закономерной. Более того, в истории СССР был шанс построить современный эффективный социализм. Этот шанс, по мнению Е. Попова сохраняется и сейчас. [53] «По мере возможностей, автор пытается получить основные выводы на основе логики и оценки практики, т. е. с использованием научных методов, свойственных общественным наукам. При

этом выводы иногда получаются не очень приятными: например, о принципиально большей неустойчивости социалистического общества по сравнению с капиталистическим.

Однако такова действительность: этот вывод подтверждается практикой. Получается и вывод о возможности реформирования РФ к современному развитому капитализму. Он не очень приятен для коммунистов, а поэтому часто отвергается. Но, тем не менее, анализ положения в РФ и мирового опыта показывает, что такая возможность есть. Хотя она и является весьма маловероятной.» [53, С.7]

Взвешенный Кортунов С.В., проводит разницу между старевшим и исчерпавшим себя старым советским социализмом и судьбой коммунистической идеи в современном мире, и выносит «исторический» приговор: «Есть ли место коммунизму в XXI веке? В это поверить трудно. Сложно представить себе в XXI веке и массовое революционное коммунистическое движение, будь то в России или в какой-либо другой стране мира - а следовательно, и ортодоксального коммунизма большевистского типа, захватившего где бы то ни было государственную власть. Вряд ли коммунизм уже сможет претендовать и на роль новой религии. Вместе с тем едва ли верно и предположение о том, что «вбит последний гвоздь в гроб коммунизма». Последний имеет большие шансы на то, чтобы остаться в качестве идеологии угнетенных и обездоленных - особенно в тех странах, в которых не способны справиться со своими социально-экономическими проблемами и постоянно плодят нищету. В таких странах коммунизм, вероятно, даже необходим. В странах же процветающих и экономически благополучных ему места нет. Роль здоровой оппозиции там занимает, как правило, социал-демократия.» [15]

Критику советского социализма слева ведут современные коммунисты, пытаясь выяснить и преодолеть недостатки советского социализма и адаптировать социалистическую идею к современной российской реальности.

В современном российском марксизме существует множество течений. Л.В. Сморгунюв разделяет их на два основных направления: 1.критический марксизм (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов) и 2.эклектический марксизм (Г.А. Зюганов).

Критический марксизм, опираясь на диалектический метод марксизм стремится творчески применить его к анализу современных социально-экономических противоречий в контексте социалистической идеи социальной организации. Главная идея, которая разрабатывается в критическом марксизме - это идея перехода от «царства необходимости»

(капитализма» в «царство свободы» (коммунизм). В этом контексте критический марксизм доказывает, что в современном обществе сложились все предпосылки для такого перехода: (1) превращение творческого труда, новаторства в главный фактор прогресса; (2) на место рационального homo economicus приходит новый тип личности – homo creator, человек творческий, любящий и умеющий создавать новый мир; (3) из источника сырья биосфера превращается в культурную ценность, сохранение и воспроизводство которой становится важнейшей функцией общества и условием его прогресса; (4) культурное богатство, накопленное человечеством к концу второго тысячелетия. [4, С.9-11]

Основным противоречием современной эпохи критический марксизм считает противоречие между всеобщим творческим трудом и капиталистическим характером присвоения этого труда и его результатов. Слабым местом критического марксизма являются вопросы практической организации борьбы за переход от капитализма к коммунизму.

Эклектический марксизм «...пытается объединить ряд марксистских идей (сохранение верности марксизму) с идеологиями и идейными конструктами, слабо встраивающимися в логику марксизма или даже противоречащими ей. Здесь наблюдается приспособление прежних марксистских идей, с одной стороны, к новым процессам и явлениям в современном мире (глобализация, информатизация, демократизация), с другой стороны, к особенностям развития России в посткоммунистическое время.

Часто это объединение носит прагматический характер и рассчитано на расширение союзников коммунистической партии и ее социальной базы. В эклектическом марксизме присутствует попытка развить основные идеи Маркса, Энгельса, Ленина, учитывая новую ситуацию, в которой оказалось коммунистическое движение после краха «реального социализма.» [58, С.73]

Эклектический марксизм подчеркивает, что современный глобальный капитализм создает условия для перехода к социализму. «Капиталистическая глобализация несет в себе зародыш, материальную возможность перехода к новому, более справедливому общественному укладу. Но для того чтобы эта возможность превратилась в действительность, она должна быть освобождена от своей нынешней, капиталистической общественной оболочки.» [9, С.19]

Социальной силой, способной вывести мир из тупика глобального капитализма, эклектический марксизм считает новый рабочий класс XXI века.

Эклектический марксизм получил свое название за попытки соединить марксизм с другими идейными течениями, которые с трудом интегрируются с аутентичным марксизмом. По мнению Сморгунова, «Двумя важнейшими подходами, которыми пытаются обогатить марксизм современные российские коммунистические идеологи и политики, являются геополитика и теория цивилизаций.... Утверждение о приверженности марксизму (небеспочвенное, как было показано), сочетаемое с евразийским мировоззрением, представлением о соперничестве «океанской империи» (США) с «континентальной державой» (Россия), идеями соборности и государственничества, особенности русского цивилизационного пути, явно находится в состоянии несогласия между собой. Собранные вместе как результат «комплексного» подхода эти идеи образуют конструкцию довольно «постмодернистскую», в том самом «ругательном» смысле (как эклектика), с которым это понятие часто связывают (хотя и неправомерно).» [58, С.75-76]

Сморгунов упрекает «эклектический марксизм» в национализме. «Нельзя сбрасывать со счетов и своеобразный «национализм» эклектического марксизма, направленный против капиталистической глобализации как унификации и против «всечеловеков». [58, С.77]

Однако, по мнению самих «эклектических марксистов» это такой синтез марксизма с русской национальной идеей есть именно творческое развитие марксизма в конкретных исторических условиях современного российского общества. «Именно синтез ленинской методологии и наследия лучших отечественных мыслителей должен стать основой современного русского социализма и залогом возрождения нашей любимой Родины – великой социалистической державы.» [9, С.31]

Современный марксизм представленный лидером КПРФ Г. Зюгановым, конечно, противоречив, но последовательно опирается на базовые концепты аутентичного марксизма. И прежде всего, на концепт исторической обреченности капитализма. «Фундаментальные открытия Маркса и Энгельса доказали, что капитализм, тупиковой стадией которого является сегодняшняя глобализация, исторически обречён. Множа нищету и бедствия, он одновременно множит и число тех, в ком растёт протест против этой эксплуататорской, несправедливой системы. Протест, ведущий, в конечном счёте, к её крушению.» [10]

Важное место в современном марксизме занимает также тезис об исторической эффективности советского социализма, доказавшего преимущества социализма и правоту марксизма. «Нигде марксизм не был искажён и оклеветан так, как в постсоветской России, которую вынудили

пойти путём самого дикого, самого жестокого капитализма. Те, кто защищает систему, установившуюся в нашей стране после предательского разрушения СССР, стремятся оболгать не только научные выводы Маркса. Они стремятся заставить наш народ забыть о том, что именно Россия явила миру величайшее практическое воплощение марксизма, творчески обогащённого Лениным. И ставшего для него и его соратников научным фундаментом первого на планете государства рабочих и крестьян. Того государства, которое наглядно доказало историческую правоту Маркса, преимущества социалистической системы, дающей всем и каждому равные социальные права и подлинную социальную защищённость.» [10]

Третьим «слоном», на котором стоит современный марксизм Г. Зюганова, является тезис о неизбежности возвращения России к социализму. «Сегодняшняя Россия, переживающая глубокий социально-экономический кризис, тоже доказывает историческую правоту Маркса. Подтверждает, что отказ от социализма и разрушение СССР были не закономерностью, а противоестественным зигзагом истории, вызванным откровенным предательством тех, кто отступил от принципов марксизма-ленинизма. Тех, кто допустил, чтобы наша страна была отброшена назад, в прошлое дикого капитализма.

Массовое обнищание, кризис промышленности и социальной сферы, охватившие Россию и всё отчётливее проявляющиеся по всему миру, говорят о неизбежности нового левого поворота, возвращения к идеалам и принципам, провозглашённым Марксом и Лениным.» [10]

При всех различиях версий современного российского марксизма для него актуальной остается задача его творческого развития. «Создание современной теории социализма, отвечающей тенденциям развития мировой цивилизации в условиях растущей глобализации, выступает важнейшей задачей философии творческого марксизма. Ее создание предполагает тщательное, предельно объективное изучение особенностей семидесятилетней истории становления и гибели советского социализма.» [64]

6.3 Системная критика коммунизма

Ввиду громадности объема критики коммунистической идеи марксизма, мы ограничимся лишь обзором общих, главных линий нападения на коммунистическую теорию марксизма со стороны принципиальных идеологических оппонентов, отрицающих коммунистический идеал с позиций буржуазной идеологии.

Идеологическая критика коммунистической теории сводится к простому противопоставлению коммунистическому идеалу идеалов и ценностей буржуазного общества. И это все, на что способна любая идеологическая критика. Ее смысл сводится к утверждению, что общество может существовать только на основе капиталистических принципов организации.

Опыт строительства коммунизма в СССР в XX веке дал идеологическим противникам коммунизма главную почву и набор новых увесистых аргументов для критики коммунизма, уже не как теории, а как практики. А доказательство порочности, несостоятельности исторической практики коммунизма для них оказывается достаточным доказательством порочности самой теории. Хотя на самом деле, это не так. Ведь в процессе воплощения, в зависимости от случайных исторических местных обстоятельств, даже прекрасные теории могут быть искажены. Кроме того, сама их реализация неизбежно обнаруживает их ограниченность и необходимость практической и теоретической коррекции.

Буржуазная идеологическая критика коммунистической теории, а в основном практики коммунистического строительства в СССР стала главной и жизненно важной задачей буржуазной идеологии и приняла форму перманентной, очень хорошо финансируемой идеологической войны с советским социализмом, которая велась и на теоретическом и на психологическом уровне, методами «научной критики» и «массированной примитивной антикоммунистической пропаганды».

В этой войне мы выделим основные направления: 1.политическая критика; 2.экономическая критика; 3.историческая критика; 4.философская критика; 5.психологическая, пропагандистская война. Кратко рассмотрим каждое из них, основные аргументы и возможные возражения на них.

Начнем с **политической критики**. Каковы ее основные аргументы? Во-первых, политическая критика утверждает, что коммунизм есть диктатура партийной номенклатуры, которая держится на массовых репрессиях,

идеологической обработке населения, отстранении народа от реального участия во власти.

На эту критику можно возразить так: поскольку это действительно так, постольку режим не может именоваться коммунистически, а есть его извращение, хотя исторически обусловленное. Однако и капитализм основан на диктатуре буржуазии, лишь внешне маскируемой под демократию, и он не чурается массовых репрессий в случае нужды.

Во-вторых, политическая критика утверждает, что коммунизм подавляет основные права и свободы человека. Здесь уместно такое же возражение, как и в первом случае. Однако, при этом следует добавить, что при коммунизме, т.е. в СССР, все-таки, трудящимся было гарантировано гораздо больше прав и эти права были реально обеспечены, в особенности такие права, как право на труд, право на бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на социальное обеспечение и т.д.

В-третьих, антикоммунисты заявляют, что коммунизм (а именно, его воплощенная историческая форма – СССР) – это империя зла, агрессивный режим, стремящийся к мировой гегемонии.

Здесь валят с больной головы на здоровую. Принцип мирного сосуществования и конкуренции с капитализмом изначально лежал в основе внешней политики СССР. А распространение социализма на другие страны отнюдь не было связано с их эксплуатацией СССР. К мировой гегемонии всегда стремился и сегодня стремится как раз таки капитализм в лице ведущих развитых стран Запада во главе с США.

Вся эта политическая критика явно предвзята и одностороння, ибо преследует цель не найти истину, а опорочить политического противника, и основана на замалчивании Западом своих политических пороков и на смешении коммунистического идеала и его исторических искажений, имевших место в практике строительства социализма в СССР.

Экономическая критика коммунизма выступает с тремя основными аргументами. Первый аргумент состоит в том, что экономическая система коммунизма нерациональна, неэффективна. Интересны рассуждения М. Вебера на эту тему. В частности в своей работе «Теория социальной и экономической организации», которая задумывалась как буржуазная альтернатива «Капиталу» К. Маркса, М. Вебер критикует государственную собственность и плановую экономику. Вот набор его аргументов. Государственное директивное установление цен, вместо рыночного, приведет к экономическим диспропорциям и нарушению нормального функционирования экономики. Государственные чиновники, руководящие экономикой, могут использовать свое служебное положение в корыстных

целях. Плановое руководство сложным экономическим организмом, учет баланса интересов социальных групп невозможен. Обеспечение реального выполнения даже хорошего плана – это всегда почти неразрешимая проблема. Наконец, социалистическая экономика не имеет эффективных стимулов к труду.

Все эти аргументы, выдвинутые М. Вебером, верны лишь отчасти. С одной стороны они указывают возможные трудности социалистической экономики, с другой стороны, они говорят о возможных искажениях социалистической экономики. Однако, они т.о. относятся к искажениям коммунистической социально-экономической системы, и служат как бы предупреждением против этих искажений. Однако, все эти возражения не опровергают возможность рационально и эффективно разрешить возможные проблемы. И опыт СССР показывает реальность обеих возможностей, в реализации которых определяющую роль играет политический режим в государстве, степень его демократичности.

Второй аргумент экономической критики состоит в том, что коммунистическая, советская экономика проиграла экономическое соревнование Западу. В подтверждение приводятся статистические данные об уровне производства и потребления в ведущих Западных странах и в СССР, как абсолютные, так и на душу населения. При этом критики берут только выгодные для себя сравнения, игнорируя невыгодные. При этом, игнорируется неравенство стартовых условий экономического соревнования, игнорируется негативное влияние последствий двух мировых войн и постоянного военного давления Запада на СССР, гонки вооружений, навязанной нам Западу. Если же все это учесть, следует констатировать что, социалистическая советская экономика доказала свое потенциальное преимущество над капиталистической. И не случайно с 30-х годов XX века Запад перенял многие черты социалистической организации экономики, хотя и в ограниченном виде. И именно это спасло и спасает пока сам Запад от экономического краха. К тому же, оценивая соревнование двух систем, нельзя забывать о том, что Запад использует в этом соревновании не только свои национальные ресурсы, но мировые ресурсы, эксплуатируя слаборазвитые страны.

Третий аргумент экономической критики состоит в том, что коммунистическая, советская экономика пришла к неизбежному краху и развалилась. На самом деле она, во-первых, не сама развалилась, а была искусственно разрушена и до сих пор разрушается Западом через внутренних агентов, которыми стала бывшая партийная верхушка. Во-вторых, социалистическая экономика действительно столкнулась с кризисом в 80-е

годы XX века, но этот кризис, во-первых был разрешим на почве социализма, во-вторых, был вызван неэффективным управлением деградировавшей и идеологически переродившейся партийной номенклатуры, а не принципами социализма. В-третьих, причиной этого кризиса стала как раз устаревшая, недостаточно социалистическая система экономической организации.

Историческая критика заявляет, что советский коммунизм, и коммунизм вообще – это не неизбежная стадия исторического развития, а аномалия, отклонение от нормального хода истории. На Западе не было коммунизма, он реализовался как случайный и дорогостоящий неудачный эксперимент в экспериментальной стране мировой истории – России.

Что на это следует возразить. Во-первых, то, что на Западе не было коммунизма, не говорит о том, что его там не будет. Кроме того, Запад внедрил у себя многие элементы социализма, и только эта модернизация, позволила ему еще продержаться на определенный исторический промежуток. Во-вторых, очень многие серьезные западные ученые признают, что рыночная экономическая система, основанная на частной собственности и эксплуатации, при ее сохранении в условиях обостряющихся глобальных проблем и современного научно-технического развития приведет все человечество к глобальной катастрофе. (Сошлемся на известные исследования «Римского клуба»).

Далее, мы возразим критикам, что русский коммунизм в его советской форме – это вовсе не историческая аномалия. Он был закономерен именно в такой форме для России, но даже в этом искаженном и недоразвитом виде, он показал свой потенциал. Его нужно было совершенствовать, избавлять от исторически неизбежных, но уже отживших искажений и уродств, и главное от всевластия партийной номенклатуры. Но не нужно было его разрушать. Разрушение привело российский народ и его экономику к полному краху. Программа перестройки Горбачева, как это ни странно, была абсолютно верна по основным своим идеям, но она не была реализована, а использовалась как идеологическое прикрытие для противоположной политики – разрушения советского социализма во всех сферах.

Психологическая, обывательская критика наиболее эффективно внедряется через СМИ и наиболее мощно воздействует на массовое сознание. При этом ее аргументы не имеют ничего общего с логикой и научным мышлением, основаны на грубой лжи и подтасовке фактов. Ее сила в том, что она опиралась на мощный аппарат СМИ, и ориентировалась на общественную психологию, а не на разум публики.

Сводилась психологическая критика к простому очернению всего, что связано со словом коммунизм, «оплевыванию» до неузнаваемости и

подменой под эту сурдинку коммунистических идеалов и представлений масс иными – буржуазными идеалами и представлениями. Коммунизм, а не партийную номенклатуру, извращавшую коммунизм, обвинили во всех грехах и бедах, от массовых репрессий 30-х годов до пустых прилавков в эпоху перестройки (хотя этот дефицит был искусственно создан). Параллельно с преувеличенным смакованием реальных и вымышленных «пороков коммунизма», с наглой клеветой на коммунистическую теорию и практику, шла реклама западных ценностей и западного образа жизни, в которой, как и во всякой рекламе умалчивались все его негативные стороны. Доверчивость, политическая наивность народа, привычка верить СМИ, перевертывание, идеологическое перерождение официальных коммунистических идеологов и самой КПСС, - все способствовало успеху вытравливания коммунистической идеологии из сознания населения. Главное обвинение против коммунизма на обывательском уровне сводилось к тому, что дескать коммунизм привел людей к нищете, страну к развалу. Хотя на самом деле искажение коммунизма стало причиной краха, нищеты и бедствий населения, которые с построением капитализма в России стали беспрецедентными. Так при чем же здесь коммунизм?

Теперь разберем **философскую критику**. Ничтоже сумнящиеся сегодня наша «критически» мыслящая интеллигенция, бывшие верные идеологи коммунизма и творческие работники, занялись философской критикой коммунизма, как общественного идеала, и вообще коммунистической теории. Остановимся на типовых ее аргументах. Как пример можно взять статью писателя Тендрякова «Метаморфозы собственности.» [60] Ударившись в философию, этот писатель заявляет, что коммунистический идеал общественного устройства, предложенный Марксом, во-первых, абстрактен, во-вторых, порочен, в-третьих, не мог реализоваться иначе как в грубой форме партийно-номенклатурного казарменного коммунизма.

Итак, Маркс, дескать, лишь описал черты коммунизма, но не представлял себе его конкретную организационную форму и не знал реальных путей построения коммунизма. Тендряков торжествующе недоумеваает: портной, который не знает, что и как шить – странен.

Мы возразим по этому поводу следующее. Маркс обосновал объективную закономерность развития капиталистической общественно-экономической формации, и, понимая, что историческая закономерность реализуется через деятельность людей, создал теорию революционной борьбы пролетариата для современных ему условий. Т.к. решение задачи непосредственного строительства коммунистического общества не стояло на повестке дня, и т.к. определять его формы следовало, исходя из реальных

конкретных исторических условий, то Маркс принципиально не занимался гаданием и произвольным конструированием на эту тему. Однако, формулировка принципов коммунизма являлась достаточным руководством для решения этой задачи с учетом конкретных условий. История – не шитье штанов, где все происходит гладко и точно по задуманному проекту. Только тот проект реалистичен, который привязан к конкретным условиям и вместе с ними корректируется.

Тендряков громогласно вещает нам далее: сам коммунистический идеал порочен. На такие наглые заявления не решаются даже многие западные оголтелые антикоммунисты. Но Бог судья нашему смелому писателю-критику. В чем же Тендряков видит коренные пороки коммунистического идеала?

Во-первых, якобы в том, что общественная собственность противоречит природе человека, в которой заложено стремление к собственности, свободе и предприимчивость. Человек от рождения капиталист. Может быть, это стало открытием для Тендрякова на старости его лет, но подобные заявления выдвинули еще философы Нового времени, Т.Гоббс и Д. Локк.

По существу же возразить можно так: не абстрактная природа человека определяет экономические отношения, а напротив, экономические отношения определяют природу конкретного человека. Только капиталист может распространять свою природу на природу человека вообще.

Во-вторых, наш писатель, конечно же, не будучи первооткрывателем и в этой теме, заявляет, что всеобщее равенство несбыточный миф. Разделение труда, а, значит, социальное разделение общества не исчезнет никогда, ибо оно – синоним организации производства. Для того, чтобы отвергнуть эту нападку Тендрякова, нам придется вновь напомнить ему некоторые азы. Во-первых, не следует смешивать друг с другом два разных понятия: технологическое разделение трудовых функций и общественное разделение труда. Именно последнее, а не первое предполагает разделение людей на общественные классы, монополизирующие определенные виды труда, эксплуатирующие один другой. Первое остается, а второе будет уничтожено, и это не означает уничтожения вообще общественной организации труда. Просто она станет другой, более гуманной и справедливой.

Тендряков продолжает свою «критику»: превращение труда в потребность – утопическое благоупование, также, как и то, вместе со всесторонним развитием индивидов будет достигнуто материальное изобилие общества за счет роста производительных сил.

Объявить голословными декларациями черты коммунистического общества столь же доказательно, как объявить пустыми декларациями сами эти беспочвенные заявления. По крайней мере, современный рост производства создает все предпосылки для материального изобилия и превращения «качественно изменившегося» труда в потребность.

Но наш писатель упорен и методичен. Он далее утверждает, что реализовать принцип коммунизма: каждому по потребностям, а от каждого по способностям нельзя, потому что в смысле равенства способностей «люди всегда будут разными», а рост потребностей не ограничен. Все потребности никогда не удовлетворить.

Что же, возразим кое-что и на это. Если вести речь о потребностях материального накопления, власти и т.п. потребностях, порождаемых капитализмом, то они действительно неисчерпаемы. Если же говорить о потребностях коммунистического человека, то они имеют качественно иную структуру и природу. Их характеризует положительная, а не отрицательная бесконечность. Главными из этих гуманистических потребностей являются потребности в любви к людям, творчестве и познании.

Невозможность исчерпывающего удовлетворения этих, а не материальных потребностей будет стимулом роста коммунистического общества, а разумные материальные потребности там будут удовлетворены, что и откроет дорогу для подлинно человеческих творческих, духовных потребностей. Для их реализации человек получит возможность свободно развивать свои способности, а не истощать свои умственные и физические силы в принудительном, отчужденном труде.

Равенство при коммунизме не означает грубого уравниательства всех под единую мерку, как пытаются клеветнически утверждать все антикоммунисты. Оно означает, что при коммунизме каждый человек получит возможность свободного развития всех своих способностей, каковы бы они не были, на благо общества. Различие же людей по природным способностям коммунизм никогда не собирался отменять. Он лишь хочет отменить социальное неравенство, препятствующее развитию каждой личности.

Тендряков в своей критике обращается от абстрактных философских аргументов к историческим аргументам. Он, опять-таки, не первый и не последний, твердит нам, что попытка реализовать коммунистический идеал на практике в России в XX веке раскрыла его абсолютную нереалистичность.

Как считает наш писатель, общественная способность на средства производства практически невозможна. Общественная значит ничья конкретно. Т.е. распоряжаться ей будут все-таки отдельные лица, хотя и от

лица общества. Отобрать чужую собственность и объявить народ ее хозяином - не значит реально сделать всех собственниками. Он мягко намекает на присвоение и корыстное использование государственной собственности недобросовестными управленцами в лице номенклатуры КПСС.

Действительно, подобные факты имели место в советской истории, но, в основном государственная собственность в СССР служила интересам всего трудящегося населения. Криминальные отклонения от принципов социализма и злоупотребление КПСС своей властью в целях корыстного обогащения также безусловно имели место. Но, во-первых, это были именно отклонения от социализма. Во-вторых, именно эти отклонения говорят о том, что для утверждения полноценной государственной общественной собственности на средства производства необходимо, чтобы трудящиеся реально контролировали своих властных представителей, управленцев и постепенно приобщались к реальному распоряжению общественной собственностью. А это вполне возможно, особенно сегодня с развитием Интернет-технологий голосования.

Тендряков бичует и политическую систему советского общества, указывая на ее пороки, как на решающий аргумент невозможности построения социализма. Социалистическая революция в России привела к установлению диктатуры партии, фактически монополизирующей государственную власть и право распоряжения общественной собственностью, что превратило рабочих в бесправных наемных служащих государства, которое вынуждено было прибегать к уравниловке, принуждению к труду и т.п. Конечно, фактически Тендряков прав в том, что в России опыт социалистического строительства изначально проходил в условиях жесткой политической монополии КПСС на власть при формальных маскировках ее под общенародную демократию. Однако, это искажение принципов социализма также мало доказывает невозможность построения подлинной социалистической демократии, как и предыдущие возражения Тендрякова против невозможности реальной общественной собственности на средства производства.

Короче говоря, Тендряков объявляет исторически обусловленные искажения коммунизма в России всеобщими и обязательными условиями попытки реализовать коммунистический идеал. И потому сам этот идеал отвергается. Общий вывод нашего критика-писателя удивительно тривиален: коммунизм – это красивая, но несбыточная мечта. Этот аргумент сотни лет скандируют антикоммунисты всех сортов и мастей. И Тендряков стал в эти миллионные ряды, присоединился к этому унылому хору.

По этому поводу заметим, что о несбыточности коммунистических идеалов говорят те, у кого иные идеалы или те кто не хочет за них бороться или не знает как за них бороться. Во всяком случае, это самый гуманный идеал и он должен выполнять свою функцию – стимулировать борьбу за действительную гуманизацию общества, разработку и развитие конкретной теории и практики организации гуманного коммунистического общества. Он несбыточен, если не заниматься работой по его воплощению в жизнь, и только в ходе такой работы он превращается в реальность.

Теперь мы переходим к конструктивной критике коммунистической идеи, ибо только эта критика может быть корректной и теоретически плодотворной. Более того, именно такая критика является потребностью современной социологии и истории.

Примером непоследовательной конструктивной критики является анархическая критика теории революционной борьбы пролетариата, при разделении анархизмом самого коммунистического идеала. Анархисты отвергают политическую борьбу пролетариата и необходимость государства диктатуры пролетариата, которое, по их мнению, привело бы не к коммунизму, а к диктатуре партии на основе государственной собственности. Взамен марксова пути, они предлагали анархическую версию революционной борьбы и построения коммунизма без государства диктатуры пролетариата, абсолютно утопическую.

Вторым примером непоследовательной, хотя и конструктивной критики была критика русского коммунизма 20-30-х гг. со стороны западных социал-демократов и коммунистов. (Каутский, Р. Люксембург, Ю. Мартов, Г. Плеханов). Они указали на извращения коммунистической теории в русском опыте, но не исследовали достаточно глубоко их историческую обусловленность, тенденции развития, а также возможные пути исправления. К. Каутский, как ортодоксальный марксист бы убежден, что нельзя строить социализм, пока для этого не созреют необходимые экономические предпосылки. Однако, большевики, по утверждению Каутского, решились строить социализм в отсталой стране с помощью угнетения, насилия и террора. Нищета масс, отсталость пролетариата, одичание, вызванное войной, все эти условия привели к тому, что социализм в России превратился в свою противоположность. Вожди русской революции построили варварскую диктатуру нового класса чиновников – партийных бюрократов, и казарменный социализм.

Р. Люксембург: также критиковала русский социализм за террористическую диктатуру, которая фактически отстраняла трудящихся от власти и лишала их политических свобод. Если же нет контроля над

аппаратом власти со стороны масс, то господствующим классом становится бюрократия, и диктатура пролетариата вырождается в диктатуру клики политических вождей. Социализм можно строить, только опираясь на широкую и реальную демократию, живое творчество масс, а не с помощью партийных директив и насилия со стороны правящей партии, уничтожившей политические свободы.

Те же упреки бросали большевикам и Мартов и Плеханов, указывая Ленину на противоречие его методов построения социализма ортодоксальным марксистским идеям. Однако, эта критика не указывала конструктивных путей преодоления возможных извращений социализма в русском опыте и не исследовала закономерность русского коммунизма и тенденции его развития.

ГЛАВА 7. МАРКСИЗМ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

7.1. Конструктивная критика марксизма

Конструктивная критика - это выявление слабостей, недостатков, исторической ограниченности теории марксизма с целью ее развития, сохранения и укрепления, при принципиальном принятии критиком общих гуманистических идеалов марксизма. Эта конструктивная критика, в зависимости от классовых позиций, с которых она ведется, может быть трех видов.

Первый вид - это критика предложенной Марксом стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата и всех трудящихся против капитализма, противопоставление им иного обоснования и иных путей к коммунизму, дополняемая несколько иным толкованием и самого коммунистического идеала. Такая критика характерна для анархистов и представителей мелкобуржуазной идеологии. Как пример ее можно взять М.Бакунина, с которым сам Маркс вел острую идеологическую борьбу за влияние на рабочее движение.

Второй вид – это критика теории и практики построения социализма с позиции исторических фактов, на основе чего выясняется их внутренняя непоследовательность, но без предложения конкретных поправок критикуемых частей. Она характерна для многих западных коммунистов начала XX века, которые опирались на анализ опыта Октябрьской революции. Незрелость российского коммунизма и вообще западного общества к коммунизму не позволяла им конструктивно исправить обнаруженные слабости коммунистической теории.

Критика всех частей марксизма и марксистской коммунистической теории с высоты исторического опыта XX века, но не для того, чтобы ее отвергнуть, а чтобы изменить ее, сохранив общий гуманистический идеал, в соответствие с современной исторической реальностью, преодолеть ее слабости и непоследовательности, абстрактность и дать ей новую жизнь и новые шансы для практической реализации.

Наиболее конструктивным подходом является критика марксизма изнутри. Рассмотрим критику изнутри коммунистической идеи К. Маркса. Маркс постоянно подчеркивает, что коммунизм для него – не идеал, с которым должна соотнобразовываться действительность, а «действительное движение», «энергетический принцип ближайшего будущего». Способ его обоснования этого тезиса включает в себя две линии доказательств. Во-первых, исходя из концепции социальной революции как результата

конфликта производительных сил и производственных отношений, Маркс пытается доказать, что капиталистические производственные отношения, современные ему, уже становятся оковами для развития производительных сил, и, следовательно, должны быть неизбежно сменены новыми, коммунистическими, которые характеризуются по принципу антитезы с капиталистическими.

Система доказательств этого сводится к трем основным пунктам. Во-первых, современные производительные силы создали все материальные предпосылки для материального изобилия и общественной собственности на средства производства, ибо приобрели общественный характер, не совместимый далее с частной собственностью. Во-вторых, современные производительные силы, создав мировое разделение труда и мировой рынок, создали т.о. почву для универсального развития производительных сил и форм общения. В-третьих, капиталистические производственные отношения изжили себя, ибо тормозят дальнейшее развитие производительных сил.

В качестве одного из главных доказательств зрелости современного ему общества для перехода к коммунизму Маркс приводит кризисы перепроизводства. Но мы сегодня можем истолковать эти кризисы иначе: как естественные болезни роста молодого капиталистического общества. Второе доказательство неизбежности гибели социализма в виде тенденции абсолютного и относительного обнищания пролетариата, как показал исторический опыт, тоже себя не оправдало.

Но возьмем еще более скользкую субъективную сторону коммунистического переворота. Следуя духу своей концепции, Маркс понимал, что даже зрелость объективных материальных предпосылок коммунистического преобразования общества не приводит автоматически к этому преобразованию. Поэтому, большое внимание было им уделено второй линии обоснования необходимости и неизбежности коммунизма - подготовке субъективного фактора исторического процесса, т.е. революционного класса.

Объективно капиталистический способ производства организует крупные промышленные армии, объективно эксплуатация толкает рабочих на классовую борьбу. Объективно, пролетариат, как класс, не имеющий частной собственности, является главной революционной силой. Единственное, что еще необходимо пролетариату для полной готовности к свершению своей всемирно-исторической миссии - это революционное сознание. Это сознание, научную теорию классовой борьбы и коммунистической революции должны внести в пролетариат теоретики и организаторы этого класса - профессиональные революционеры.

Вот в этих двух словах «должны внести» и есть главная слабость обоснования неизбежности коммунизма. Если теоретики и организаторы «должны», то это еще не значит, что они обязательно внесут. А кто внесет революционное сознание и научную теорию в них? А кто установят научность этой теории? Кто проверит верность понимания этой теорий профессиональными революционерами? И самое главное - как это технически сделать - внести сознание революционной теории в пролетариат? Объективное положение рабочего, как показала история XX века, вопреки Марксу, не толкает его автоматически к марксизму и коммунизму, а толкает его гораздо чаще к т.н. оппортунизму, экономизму. Борьба за сознание - это скользкая и трудная борьба, где много объективных и субъективных, не поддающихся сознательному регулированию моментов. Все эти и еще многие другие вопросы, которые можно поднять, подрывают главную часть субъективного обоснования коммунистической революции, или, по крайней мере, путей, которые намечал для нее Маркс.

История многовариантна, поэтому, предсказать ее конкретное развитие невозможно. Также невозможно безусловно доказать, что именно пролетариат является главной революционной силой при переходе к коммунизму. Невозможно и предвидеть все необходимые материальные и субъективные предпосылки этого перехода. То, что реально осуществится в истории, невозможно предвидеть не только в деталях, но и в общем виде. Ирония истории имеет отношение и к коммунистическому преобразованию общества.

Итак, можно констатировать, что обе линии «научного» обоснования Марксом коммунизма, как действительного движения, нельзя признать достаточно убедительными на уровне общесоциологической концепции. Может быть, дело в том, что Маркс методически неверно поставил саму задачу обоснования коммунизма в рамках общесоциологической теории. Ему не удастся решить эту задачу потому, что любой идеал принципиально недоказуем теоретически, не вписывается в теоретические конструкция объективного познания.

Маркс изменяет сам себе, когда ставит вопрос о коммунистическом преобразовании в принципиальную зависимость от субъективных факторов, под которые пытается подвести односторонне объективную основу. Он не видит альтернативных объективных и субъективных факторов, которые могли бы направить историю по другому руслу, абсолютизирует одну из возможных потенций исторического процесса.

Сама история внесла множество поправок в марксово обоснование коммунистической революции, но это опровергает не общесоциологическую

концепцию Маркса и не диалектико-материалистическую методологию социального познания, а попытку совместить эту методологию с обоснованием коммунистического идеала.

Революционной теории трудно соединиться с массами, рост организации рабочих может и не приводить их к победе, к захвату власти, если борьба ограничивается экономическими требованиями, а буржуазии хватает ума для уступок в малом, ради сохранения главного. Революционная теория вообще не может овладеть массами. Массы потому и массы, что они поверхностны, импульсивны, непосредственны, ухватывают лишь вершки теории, лишь простые лозунги. А научные руководители масс, дорвавшись до власти, забывают об этих массах и руководят только в своих корыстных интересах.

Победа коммунизма неизбежна - хочет доказать Маркс, но чувствуя недостаточность общесоциологического обоснования, он и на уровне политэкономии пытается решить эту задачу, установить неизбежность коммунизма как закономерный результат развития капиталистического общества.

Последовательная конструктивная критика марксизма должна поставить и более глубокий вопрос. Насколько эффективен метод политической экономии капитализма, разработанный К. Марксом? Парадигма социального познания марксизма на этапе конкретно-социологического экономического исследования, являясь конкретизацией и развитием ее первичных элементов, наполняется реальным содержательным знанием о реальности, выступает в методологической роли и проявляет свои познавательные потенции. Дает ли она объективное знание социальной реальности? Способна ли она воспроизвести объективную реальность на уровне понятий?

Идея органического развития капиталистического способа производства является ключевой идеей «Капитала» Маркса. Она же является главным принципом теоретического воспроизводства капиталистического способа производства.

Является ли действительно научным и продуктивным метод политической экономии Маркса? Сам Маркс определял свой метод как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Этот метод, по его мнению, «...есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно, поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой

действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления». [43, С.37]

В отличие от гегелевского метода в этом методе нет нечего мистического, как подчеркивает Маркс. Во-первых, действительным исходным пунктом для Маркса является реальное целое, действительный субъект, реальное общество как конкретное целое, как субъект. По выражению Маркса, этот реальный субъект должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка логического мысленного синтеза конкретного целого.

Метод политэкономии Маркса совершенно научен, поскольку капиталистический способ производства является органическим и развивающимся целым. Продуктивность метода подтверждается соответствием теоретической картины капитализма реальной картине, способностью экономической теории Маркса объяснить сущность и тенденции развития современного Марксу общества. Все это общепризнано.

Отметим, что Маркс сознательно создавал идеализированную общую конструкцию капитализма, а не теорию, отражающую конкретные особенности капитализма в конкретной стране. Его теория, поэтому выражает сущность капиталистических производственных отношений, но не выражает их специфику в какой-либо конкретной стране. Этим, с одной стороны, определяется, а с другой стороны, ограничивается познавательный статус марксовой конструкции в «Капитале». Очевидно, однако, что, опираясь на общую модель сущности капитализма, можно проникнуть в сущность конкретной национально-исторической формы капитализма в конкретной стране.

Но, если вопрос о том, дает ли политэкономия Маркса объективную истину о современном ему обществе, всеми решается положительно, то вопрос о том, дает ли марксова политэкономия объективную истину о будущем развитии общества, является весьма дискуссионным.

Говоря о прогностической функции марксизма нельзя не отметить определенной внутренней непоследовательности его экономической теории. С одной стороны, Маркс не делал предсказаний, как ученый он занимался изучением объективных тенденций развития капитализма, анализом его объективных противоречий и пытался проследить перспективы их разрешения. С другой стороны, он сформулировал принципиальные выходы из экономических противоречий как концепцию коммунистического преобразования общества, которая довольно спорна.

Хотя Маркс никогда не абсолютизировал свою экономическую теорию, и видел в ней лишь общую концепцию сущности капитализма, а не

конкретное описание капитализма в конкретной стране, он считал закономерным результатом развития его экономических противоречий переход к коммунизму.

В этой попытке дать конкретное экономическое обоснование коммунистическому идеалу, мировоззренческой позиции и состоит главная слабость экономической теории Маркса. Оценивая эту попытку, нельзя не признать, что коммунизм, как решение всех противоречий капитализма получает у него довольно слабое теоретическое обоснование. Марксу не достаточно корректно удается представить коммунизм как закономерный продукт развития капиталистических производственных отношений.

Сам коммунистический идеал и в рамках экономической теории остается довольно абстрактным философским идеалом. С одной стороны, логика мировоззренческой позиции Маркса заставляет его ставить задачу экономического обоснования коммунизма. А с другой стороны, эта задача заставляет Маркса изменять объективной логике своего строгого метода экономического исследования.

В результате происходит известная натяжка в экономической аргументации необходимости коммунистического преобразования общества. Пауперизация, кризисы перепроизводства и другие аргументы теоретически не выглядят убедительными. Тем более, что реальная история XX века показала их несостоятельность. Очевидно, мировоззренческая позиция ученого должна все-таки находиться вне его теоретически концепций, хотя она не может не влиять на них.

Марксова парадигма в-целом имеет такие основные достоинства, как внутреннюю цельность, целостность, органичность. Очень важна ее принципиальная установка на изменчивость ее вторичных элементов, т.е. конкретно-социологических концепций.

Не вина, а историческая беда марксизма была в том, что его парадигма толковалась догматически, вопреки ее творческой сути, и что потенциал объективного познания, заложенный в ней, оказался почти нереализованным. Марксова парадигма дает методологические основы объективного познания объективной социальной реальности. Слабость ее в попытке пристроить к строгим методологическим и теоретическим концепциям внешнюю конструкцию коммунистического идеала, которая явно не совместима с этими концепциями.

Нельзя не отметить определенную ограниченность общей гносеологической направленности парадигмы Маркса, состоящей в ориентации только на объективную истину, которая, хотя она и относительна и исторически изменчива, но только одна интересует Маркса. Однако, есть и

другие истины - религиозные, нравственные, эстетические, объективные и субъективные, которые для человека могут быть важнее и дороже гносеологической истины. Поэтому, кроме гносеологической ориентации на объективное познание возможны и другие гносеологические философские ориентации. Кроме мировоззренческой позиции, нацеленной на коммунистическое преобразование общества, возможны и другие достойные уважения позиции и это разнообразие гносеологических установок и мировоззренческих позиций способно дать нам многостороннюю картину мира.

Последовательная конструктивная критика коммунистической теории марксизма должна: 1) установить ограниченность коммунистической теории Маркса и внести в нее поправки с точки зрения новых исторических фактов, осмысленных в их внутренней связи и закономерности, 2) обосновать и изучить закономерность советского социализма и стадии его развития и кризисы, 3) создать новую, соответствующую современным условиям действительности теорию революционной борьбы за коммунистическое преобразование общества, 4) подвергнуть исторической критике и сам коммунистический идеал, особенно в части конкретной политической, экономической и духовной организации коммунистического общества. Собственно в решении этих задач и состоит действительное развитие коммунистической теории и преодоление ее в исторически ограниченной форме марксовой коммунистической теории.

Мы лишь наметим общие направления такого развития – преодоления. Исходить нужно из реальных исторических фактов. А факты таковы. Во-первых, экономическое обоснование Марксом социалистической революции оказалось недостаточным. Те факты, которые он приводил, как свидетельства зрелости капитализма для революции, не привели к гибели капитализма. Капитализм, пережив кризисы своих форм XIX – начала XX века, нашел новые резервы для выживания, модифицировался. Во-вторых, стратегия и тактика революционной борьбы, разработанная Марксом, не привела к социалистической революции и нуждается в серьезной корректировке. В-третьих, социалистическая революция в России была закономерна, но не неизбежна. В-четвертых, советский социализм, построенный сверху, директивно, был извращенным, но даже в таком виде показал свой гуманистический потенциал, причем по мере его развития, он постепенно гуманизировался, избавлялся от извращений. Он погиб, хотя и закономерно, но вовсе не необходимо, и не бесполезно, дав коммунистической теории множество ценных уроков на будущее, и серьезно изменив лицо современного мира. К тому же, он строился в России на недостаточной

экономической базе. В-пятых, коммунизм потерпел временное поражение, но в этом поражении залог возможности будущей победы, которая однако, не гарантирована без революционной борьбы и успешного коммунистического строительства общества.

7.2. Глобальный капитализм - светлое будущее, или закат всемирной истории?

Коммунизм – это неудачное прошлое человечества, или его перспективное будущее? Эта проблема поставлена современной всемирной историей в эпицентр внимания, но не как абстрактный теоретический вопрос, а как главный практический вопрос будущего человечества, как вопрос даже не столько о том, какое будущее ждет человечество, а о том, будет ли у человечества будущее? Может быть, многим такая постановка проблемы коммунизма покажется, неожиданной и не оправданной. Однако, в данном случае мы имеем дело с вопросом, который настойчиво задает сама современная история.

На поверхностный обывательский взгляд этой проблемы вообще не существует. Кажется, что история вынесла свои приговоры и они окончательны. Действительно, коммунизм, которому его адепты предрекали роль будущего человечества, с гибелью СССР канул в лету, Капитализм же, которому адепты коммунизма уже более ста лет предрекали скорый и окончательный крах торжествует, и, как кажется, не собирается уходить со сцены всемирной истории. Однако, если мы трезво оценим современную реальность, то придется расстаться с этим поверхностным взглядом.

Вряд ли найдется сегодня серьезный мыслитель, который стал бы оспаривать принципиальный тезис о глобальном кризисе, в котором находится все современное человечество, хотя интерпретация сущности этого кризиса и его причин может быть очень разнообразной. Поскольку доминирующей сегодня на планете социальной системой является современный капитализм, постольку мы имеем дело с кризисом этой системы. Рассмотрим вначале подробнее ее сущность.

Ю.И. Семенов определяет систему современного капитализма как «ортокапитализм»: «Ортокапитализм — первый в истории человечества основанный на эксплуатации человека человеком общественный строй, который на определенном этапе своего развития, а именно на третьей из названных выше стадий, обеспечил достаточно высокий жизненный уровень для людей, не принадлежащих к господствующему классу, включая

значительную часть (даже большинство) членов эксплуатируемого класса. Такого в истории цивилизованного общества раньше никогда не было...

С переходом к позднему ортокапитализму, возник огромный разряд обеспеченных людей, который не совпадал ни с одним из классов. В него входят члены различных классов и внеклассовых слоев: значительная часть рабочего класса, почти вся мелкая буржуазия, служащие и т.п. Наличие дохода, позволяющего вести более или менее достойное существование, объединяет всех этих людей и противопоставляет их остальным общественным группам. У этих людей возник общий интерес, который в известной степени оттеснил на задний план интересы, обусловленные их классовым положением. С возникновением такого разряда обеспеченных людей исчезло и совпадение разряда бедняков с рабочим классом». [56, С.514-515]

Однако, обратной стороной «ортокапитализма» является гигантская транснациональная эксплуатация развитыми странами остального мира: «Все это потребовало привлечения гигантского количества природных ресурсов, причем в значительной части импортируемых из стран периферии. Развитые страны, составляющие менее 20% всех государств Земли располагают 84,7% мирового ВВП, на их граждан приходится 84,2% мировой торговли, 84,5% сбережений на внутренних счетах. Эти страны потребляют 70 — 75% всей производимой на планете энергии, 79% добываемого ископаемого топлива, 85% мировой древесины, 75% обработанных металлов, в них производится 72% стали. Одни лишь США с населением в 260 млн. человек (4 — 5% жителей Земли) использует от 30 до 40% добываемых на планете ресурсов. Каждый американец потребляет столько же, сколько 8 среднестатистических жителей Земли или 20 жителей стран периферии, включая Россию. США потребляют около 1/3 мирового производства минерального сырья, из которого более половины импортируется.

Если в периферийных странах нарастает нищета и обездоленность, то в странах центра — безудержное паразитическое потребление продуктов и ресурсов. «...Наше бурное и беспокойное общество, — писал первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи (1908 —1984), — движимое, по-видимому, исключительно целями материального характера и готовое заплатить любую цену за намеченные достижения, развило в себе прямо-таки поразительную склонность к расточительству, и этот порок мешает ему воспользоваться плодами даже достигнутого ныне роста. И главными рассадниками этого зла явились сверхразвитые, перезрелые страны и регионы, породившие уродливое дитя, консьюмеризм — живое свидетельство их вырождения.» [56, С.517]

Сущность современного капитализма можно определить как «глобальный, или транснациональный, финансово-олигархический капитализм». Экономическая система этого капитализма имеет ряд особенностей. «Современному капитализму развитых стран Запада присущи три основных особенности, по которым он может быть охарактеризован как финансовый, государственный и транснациональный капитализм.

Одной из главных особенностей современного капитализма, как доминирующей экономической системы, является господство финансового капитала, сосредоточенного в руках небольшого количества банковских групп...

Другой особенностью современного капитализма является активное участие государства в регулировании экономики и экономических отношений. Целью такого участия является сохранение основ капитализма, но при этом государство ограничивает в известной степени деятельность частных предпринимателей, подчиняя ее общегосударственным интересам и общим интересам сохранения капиталистической системы.

Одной из главных черт современного капитализма является развитие транснациональных корпораций (ТНК) многопрофильных крупнейших фирм, имеющих свои подразделения в десятках стран... ТНК возникает и базируется обычно на определенной национальной почве и является результатом проникновения монополии из страны-родителя в другие страны. ТНК в случае необходимости прибегают к помощи и защите исходного национального государства, но когда их интересы вступают в противоречия с национальными интересами, они вступают в борьбу с национальным исходным государством, преследуя свои узкокорыстные интересы. Тем более равнодушно ТНК относится к интересам страны освоения. ТНК как межнациональные производственные комплексы стремятся оплести своими филиалами весь мир». [49, С.93-95]

Важной стороной глобального капитализма является мировой экономический порядок, сущность которого характеризует транснациональная глобальная социальная поляризация и связанная с ней глобальная эксплуатация и глобальный социальный паразитизм мировых стран-эксплуататоров. «Сущность современного мирового экономического порядка выражается, прежде всего, в разделении стран на богатые, эксплуатирующие страны (монополизировавшие высокие технологии и сконцентрировавшие мировой капитал) и бедные, эксплуатируемые страны (находящиеся в кабальной финансовой и технологической зависимости от богатых, развитых стран). Т.о. второй чертой этого порядка является

глобальная международная эксплуатация богатыми странами бедных». [49, С.95]

Политическая форма современного глобального капитализма – обветшавшая, давно ставшая пустой формой, неким симулякром или «перфомансом» для электората «демократия». «Внешняя форма политической системы в ведущих странах Запада – демократическая республика, предусматривающая широкие политические права граждан, их участие в управлении посредством представительной демократии, свободу политических организаций и равные условия их конкуренции в борьбе за власть. Однако, все эти демократические принципы остаются во многом формальными, на бумаге, т.к. избирательная кампания и деятельность политических организаций финансируется и контролируется финансовой олигархией. Посему, внутренней сутью этой политической системы является политическая биржа – покупка олигархами своих наемных политиков-слуг, маскируемая политическим балаганом для простого избирателя, которого обычно также подкупают предвыборной демагогией и подачками.

Олигархия контролирует обычно все политические организации и партии, формально конкурирующие в избирательной борьбе. Поэтому смена политических партий и лиц у власти не приводит к уходу власти из под контроля олигархов. Реальная единственная борьба идет между разными группами и объединениями капиталистов в борьбе за власть, которая рассматривается как инструмент реализации ими своих экономических интересов. В этом суть типичной двухпартийной системы.

Кроме того, международные олигархи, крупнейшие богачи мира объединяются в неформальные клубы, масонские ложи, на которых решают судьбы политиков, партий и правительств, причем в международном масштабе, принимают стратегические политические решения, которые затем реализуются посредством их финансовых и политических рычагов». [49, С.99-100]

Важнейшей характеристикой политической системы глобального капитализма является тотальное политическое, экономическое и военное доминирование мировых лидеров – стран Запада во главе с США, которое является основным инструментом обеспечения стабильности экономического господства этих стран.

Насколько хорош и справедлив этот глобальный капитализм – это вопрос риторический. Очевидно, что данная система устраивает лишь кучку мировой олигархии и сверхбогатые страны, но совершенно не устраивает весь остальной мир, обрекаемый глобальным капитализмом на роль вечно нищих и эксплуатируемых стран и народов.

Гораздо важнее другой вопрос: насколько стабилен и эффективен этот глобальный капитализм, каковы его исторические перспективы. Очевидно, что система глобального капитализма исторически бесперспективна, поскольку она находится в перманентном кризисе, который принимает все более острые формы.

Доказать, что современное человечество находится в историческом тупике глобального капитализма достаточно просто. Прежде всего, этот кризис признают сами лидеры и деятели мировой капиталистической олигархии и констатируют серьезные экономисты. Весьма показательна в этом плане, например, работа известного биржевого деятеля, одного из богатейших олигархов Дж. Сороса. [59] Он признает, что мировой капитализм исторически трансформирует свои формы и периодически попадает в более или менее острые глобальные кризисы, но при этом отмечает, что кризис современной формы капитализма не является обязательной закономерностью, хотя и имеет свои причины: «Я полагаю, ответ следует искать в противоречии между международными масштабами финансовых рынков и национальными границами политики. Ранее я представил мировую капиталистическую систему как гигантскую систему циркуляции, всасывающую капитал в центре и выталкивающую его на периферию. Суверенные государства выполняют в этой системе функции клапанов. Когда на мировых финансовых рынках наблюдается период экспансии, клапаны открываются, но когда деньги движутся в обратном направлении, клапаны преграждают им путь, вызывая сбой в системе». [59]

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2007 году и до конца еще не преодоленный в наше время, Сорос оценивает как серьезное испытание для мировой капиталистической системы: «Мировая капиталистическая система переживает теперь самое суровое испытание за время своего существования: Азиатский кризис и его последствия. Испытание — это третья фаза цикла подъем - спад. Как и в любом цикле подобного рода, трудно с достаточной степенью определенности предсказать, выдержит ли тенденция испытание или же она резко повернет вспять. В такой ситуации разумно предложить возможные сценарии как успешного, так и неудачного испытания». [59]

Сам Сорос склонен верить в успешный выход мирового капитализма из кризиса, причем за счет отсталых, эксплуатируемых стран и социальных групп. При этом мировая финансовая олигархия упрочит свои позиции и увеличит доходы. «Итак, если мировая капиталистическая система сумеет преодолеть нынешний экономический кризис и выйдет из него победительницей, то в мировой экономике можно предвидеть дальнейшее

усиление позиций многонациональных акционерных компаний. Острая конкуренция не позволит им уделять много внимания социальным проблемам. Разумеется, на словах они будут приветствовать такие достойные цели, как защита окружающей среды, особенно когда они имеют дело непосредственно с широкой общественностью, но они окажутся не в состоянии сохранять занятость в ущерб прибыли». [59]

Сам Дж. Сорос озабочен разработкой рецептов спасения мирового, транснационального финансового капитализма и верит в их эффективность. Но это его социально-классовая позиция.

На самом деле, если выйти за пределы узкого интереса финансовой олигархии, есть целый комплекс вполне убедительных аргументов в пользу тезиса об исторической бесперспективности, тупиковости глобального капитализма для человечества в целом.

Одним из самых убедительных аргументов является комплекс нерешаемых, а лишь обостряющихся и увеличивающихся в количестве глобальных проблем, несмотря на имеющиеся технические возможности их решения. Главным препятствием на пути их решения является глобальный капитализм, диктатура мировой финансовой олигархии. Именно такие выводы получили в своих исследованиях «За пределами роста: Глобальная катастрофа или стабильное будущее?» (1992) по заказу Римского клуба Д. Медоуз и Й. Рандерс. Справедливо в этом плане замечание Ю. Семенова: «Нельзя спасти человечество, если не поставить рынок под жесткий контроль общества. Свобода рынка в наше время с неизбежностью погубит не только людей, но и все живое на земле». [56, С.517]

Во-вторых, в системе глобального капитализма сложилось глобальное противоречие между мировыми эксплуататорами и эксплуатируемыми странами, чреватое глобальным взрывом по мере приближения к критическому уровню транснациональной поляризации. Представляет интерес критика современного глобального социального неравенства А. Печчи: «Иногда приходится слышать совсем уж нелепые утверждения, что сохранение и закрепление существующего неравенства между различными членами человеческого сообщества в распределении силы, власти, богатств, доходов, влияния и возможностей служит важным фактором разнообразия, гетерогенности всей системы в целом, а это в свою очередь способствует ее устойчивому развитию. Нет, для того чтобы действительно могли цвести сто цветов человечества, *необходимо прежде всего более равноправное общество на всех без исключения уровнях человеческой организации.*

Господствующие ныне законы и правила управления обществом — весьма близкие к законам джунглей — совершенно непригодны для того,

чтобы обеспечить развитие массового, и в то же время диверсифицированного, сообщества людей — как групп, так и отдельных личностей, — которое бы действительно позволяло им жить плечо к плечу, невзирая на расовые, идеологические и культурные различия, и оказывать все более активное воздействие на развитие событий. Сегодня это социальное и политическое неравенство — которое было, возможно, допустимо и в силу необходимости приемлемо в предшествующие эпохи — стало абсолютно нетерпимым, а завтра оно может сыграть роковую роль в развитии человечества». [47, С.185]

Совершенно прав А. Печчеи в том, что на современном технологическом уровне развития человечества социальное неравенство недопустимо. «Ведь в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, то без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием *sine qua non*' самого существования человеческого общества... Человечество оказалось сейчас перед острой дилеммой. И либо оно сможет обеспечить всем людям планеты этот весьма скромный, но абсолютно необходимый исходный уровень благосостояния и достойной жизни, либо оно рискует оказаться разорванным на части в результате не поддающихся контролю внутренних напряжений». [47, С.187-188]

В-третьих, по признанию самих адептов глобального капитализма, периодически, нарастающие по силе и объему глобальные кризисы выражают саму его природу и делом времени является крах столь нестабильной системы. Так, Дзарасов Р.С. отмечает: «Истоки отрыва финансового сектора от реального, а, следовательно, и современного мирового финансово-экономического кризиса, прослеживаются к самим основам глобального капитализма, к присущей ему специфической форме эксплуатации труда в виде неравноправных отношений центра и периферии». [8]

По мнению многих авторитетных экономистов попытки стабилизировать эту систему мировыми олигархами и одновременно сохранить свое доминирование и даже выиграть на кризисах, напоминают тушения пожара бензином и ведут к ужесточению самых неэффективных параметров глобального капитализма. «Думается, что рано говорить о преодолении мирового кризиса, ведь институциональная природа глобального капитализма никак не изменилась, а массивированное накачивание крупнейших экономик денежной наличностью еще более увеличило

задолженность развитых государств мира. Это означает, что кризис, скорее всего, развернется с новой силой после окончания нынешней передышки». [8]

В-четвертых, глобальный капитализм по своей сути не устраивает подавляющую часть населения планеты, обрекаемую им на нищету и постепенное исчезновение, как «лишнего и не нужного» олигархам элемента. И, естественно, глобальный капитализм неизбежно вызывает мощнейшую волну социального сопротивления, которое принимает разнообразный характер, в том числе характер транснациональных конфликтов и столкновений в перспективе ведущих к очередной мировой войне. Наступление на интересы трудящихся, увеличение социальной транснациональной поляризации является для глобального капитализма вообще основным способом выхода из экономических кризисов. Дж. Петрас отмечает: «Кризис капитализма» как таковой был преодолен и превращен в «кризис труда». Финансовый капитал, главный детонатор кризиса, сумел восстановиться, капиталистический класс в целом усилился и, что особенно важно, он сумел использовать созданные в ходе «кризиса» политические, социальные и идеологические условия для дальнейшей консолидации и укрепления своего господства и для усиления эксплуатации остального общества. Иными словами, «кризис капитала» был конвертирован в стратегическое преимущество. «Кризис» стал мощнейшим ресурсом для продвижения наиболее фундаментальных интересов капитала: увеличения прибылей, консолидации капиталистической власти, роста концентрации собственности, углубления неравенства между капиталом и трудом, а также создания огромных резервов рабочей силы, что опять же послужило дальнейшему росту прибыльности вложения капиталов». [46] Об этом же пишет и П.Н. Симоненко: «Приоритетом для политического истеблишмента стран Запада всегда были и остаются интересы крупного частного капитала. Именно поэтому основной груз экономических проблем элиты государств «золотого миллиарда» всегда пытались переложить на трудящиеся классы в своих странах и население государств капиталистической «периферии».

Для решения этой задачи в ход шел стандартный набор инструментов: помощь избранным олигополистическим группам за счет включения печатного станка, сокращение налогов, при одновременном и резком снижении социальных выплат, оптимизация производств и откровенный протекционизм». [57]

Абсолютно прав Дж. Петрас отмечая по сути циничную и антигуманную сущность современного глобального финансово-олигархического капитализма: «Произошел полный и окончательный разрыв

между общественным благосостоянием и деятельностью финансовых структур. Деятельность Уолл-Стрит не несет никакой пользы для общества, банкиры и финансовые спекулянты, обогащая себя, не дают ничего взамен. Капитализм убедительно и неоспоримо доказал, что он процветает благодаря деградации десятков миллионов рабочих и абсолютно глух к бесконечным мольбам о реформах и регулировании. Реально существующий капитализм не может и не желает поднимать уровень жизни простых людей, гарантировать их трудоустройство, предоставить им достойную жизнь без страха и унижений. Капитализм, как мы это наблюдаем всё последнее десятилетие, и как, очевидно, будет в обозримом будущем, находится в полярной оппозиции свободе, равенству, демократическому принятию решений и всеобщему благу. Рекордные прибыли капиталистов начисляются за счет грабежа общественной казны, отъема пенсий и введения в жизнь изуверского принципа «работай, пока не помрешь», за счет разорения большинства семей посредством платной медицины и образования. Более чем когда-либо в новейшей истории широкие слои трудящихся отвергают власть банкиров и корпораций. Неравенство между верхним 1% и остальными 99% населения достигло беспрецедентных размеров». [46]

В-пятых, экономическая паразитическая и нестабильная сущность глобального капитализма порождает такую черту глобальных международных отношений как нарастающая напряженность и несправедливость, неравенство этих отношений. «Американская внешняя политика все более активно прибегает к внеэкономическим методам международной конкуренции. Мы отмечали, что уже тогда в геополитическом арсенале ГосДепа прочно закрепилось стимулирование внутреннего сепаратизма, организация локальных конфликтов и так называемых «цветных революций» в ближайшем пограничье лидеров региона. Одна из основных целей — не допустить стабилизации политических режимов в этих государствах и политически ограничить рост их геоэкономического влияния». [57]

Однако, у современного лидера глобального капитализма - США, стремящегося сохранить глобальное геополитическое господство это плохо получается. В современном мире растут новые геополитические силовые центры, мир движется от «однополярной модели» доминирования Запада во главе с США к многополярной модели. «У мировой экономики появились новые локомотивы роста. Развивающиеся страны, которые не следовали ущербным теориям монетаристов и не увлекались строительством потребительских пирамид, оказались более устойчивы к кризису...

Наряду с укреплением экономических позиций растет и политическая субъектность развивающихся стран. Они все решительнее заявляют о необходимости глубокой реформы мировой политической и финансово-экономической системы, все более жестко ставят вопрос об усилении своих позиций в рамках ООН, МВФ, ВТО, увеличении роли в урегулировании международных конфликтов и противоречий... Незыблемое благополучие золотого миллиарда оказалось под угрозой. Проект Pax Americana, однополярного мира во главе с единственной сверхимперией США, вплотную приблизился к своему логическому завершению». [57]

Глобальное международное доминирование США, чем более они пытаются его сохранить, тем менее устраивает большинство стран современного мира. Несмотря на все усилия США и их союзников, это доминирование ослабевает. «Экономический кризис лишь ускорил этот процесс, кристаллизовал все накопившиеся проблемы и проявил полную неадекватность сложившейся мировой системы. Стало совершенно очевидно, что политическая и экономическая иерархия мира, основанная на абсолютном доминировании стран «золотого миллиарда» – США и их союзников, больше не отвечает реалиям современности». [57]

В-шестых, у современного глобального капитализма нет ни идеологических, ни социальных, ни политических ориентиров будущего, лишь стремление сохранить статус-кво, господство над миром и сверхприбыли. У кучки мировой финансовой олигархии нет позитивных, гуманистических и конструктивных моделей будущего, но есть «людоедские» неомальтузианские проекты общества технотронного рабства, глобального сокращения населения планеты, не афишируемые, но вполне реальные.

В-седьмых, глобальный капитализм превратил основные принципы капитализма в некие имитации, полностью выхолостив их сущность. Все капиталистические принципы и идеалы давно утратили свой оригинальный смысл и стали или симулякрами, или просто идеологическими мифами. Современный капитализм внутри стран эксплуататоров давно уже разбавлен значительной долей социализма, но используемого на сохранение и укрепление главного в капитализме: глобального доминирования кучки финансовой олигархии.

Подводя итог нашему обзору аргументов исторической несостоятельности глобального капитализма, следует отметить неизбежность его исторического «отрицания», как закономерность его собственного развития. ««Спираль отрицания» глобального капитализма только начинает раскручиваться и не может быть прервана в рамках современного капи-

тализма на основе неоклассических иллюзий. Необходимо обратиться к корню проблемы — специфической форме эксплуатации труда, вытекающей из центрально-периферических отношений и господства «денежного менеджера», т.е. финансового спекулянта». [8]

Историческое отрицание глобального капитализма неизбежно и является лишь вопросом времени и цены, которую заплатит за это человечество, ибо порождаемые этой последней формой капитализма глобальные и локальные противоречия в принципе неразрешимы при ее сохранении, а острота этих противоречий нарастает с критическим ускорением. «Второй глобальный кризис связан с противоречиями капиталистической системы, которые проявились на новом витке развития капитализма. Регулирование капиталистической системы, которое стало применяться государством после первого глобального кризиса, помогало справляться с циклическими кризисами, но для борьбы с глобальным кризисом его оказалось явно недостаточно. Причиной этого стало распространение капитализма на всю планету, что делает невозможным исправление его дисбалансов национальным государством. Кроме того капиталистическая система не может нормально функционировать без постоянного расширения рынков сбыта, которое невозможно, так как она уже расширилась до планетарных масштабов. Следовательно, выходом из второго глобального кризиса может быть либо развал всемирной капиталистической системы с сопутствующими социальными и военными катаклизмами, либо создание человечеством новой социально-экономической системы, которая позволит сделать новый шаг в обобществлении экономики». [45]

Глобальный капитализм никак не справляется с ролью «светлого будущего человечества», и даже с ролью стабильного мира устойчивого развития. Однако, современный глобальный капитализм, даже осознавая свой исторический крах и исчерпывая все, до самого последнего, ресурсы выживания, безусловно, сам собой не уйдет с исторической сцены. Он готов пойти на крайние меры, вплоть до разжигания глобальной войны, ради самосохранения. Локальные конфликты, разжигаемые лидером современного глобального капитализма – США, по всему миру – потенциальные очаги такой глобальной войны и демонстрация готовности глобального капитализма на самые крайние меры ради сохранения своего господства.

Предельно заостряет постановку проблемы роли современного социализма в истории Ю. Семенов: «На нынешнем этапе развития человечества дальнейшее существование капиталистических рыночных отношений с неизбежностью ставит под угрозу само бытие человека и

человеческого общества. Сейчас, в наше время перед мировым человеческим обществом встала альтернатива: либо исчезнет капитализм, но сохранится человечество, либо погибнет человечество и тем самым, конечно, и капитализм. В этом смысле капитализм обречен безусловно, а человечество – условно». [56, С.548]

О глобальном кризисе, в который вступила Западная цивилизация в XX веке, говорил еще П. Сорокин в контексте своей концепции социокультурной динамики. «Рассмотрим подробно диагноз, поставленный Сорокиным современной западной цивилизации.

Общая суть этого диагноза – распад чувственной социокультурной суперсистемы современного западного общества, дезинтеграция чувственной культуры и социальной системы, основанной на чувственной культуре. «Это - кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это – кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это- кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий.» У этого кризиса есть две стороны: 1. кризис ценностей чувственной западной культуры, 2. кризис социальных отношений западного общества. По Сорокину определяющей является первая сторона. Дезинтеграция, распад чувственной культуры, ее основных ценностей ведет к социальной дезинтеграции западного общества». [51, С.170-171]

7.3. Русский коммунизм - провальный эксперимент или прорыв в будущее?

Глобальный провал капитализма как перспективной модели будущего человечества, очевиден, как в идеологическом, так и в историческом плане. В связи с этим и встает вопрос о том, какая же глобальная модель организации общества может дать человечеству позитивную историческую перспективу? Ответ на этот вопрос очевиден: это коммунистическая модель. Ее общие принципы глубоко гуманистичны и воплощают в себе вековые идеалы человечества: социальное равенство, социальная справедливость, создание условий для действительно свободного и всестороннего развития каждой личности. В Третьей Программе КПСС дано следующее определение коммунизма: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним

развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа». [55]

Коммунизм – неистребимая вековая мечта всех угнетенных трудящихся. Однако, между прекрасным идеалом и его реальным воплощением может быть достаточно значительное различие. Поскольку мы говорим не об абстрактном идеале коммунизма, а о практическом опыте его реализации, невозможно обойти вопрос о российской, советской форме коммунизма в XX веке. В связи с этим выстраивается следующая цепочка принципиальных проблем: 1.насколько аутентичен был советский социализм собственно истинному коммунистическому проекту социальной организации (насколько адекватно в СССР были воплощены главные принципы коммунизма), 2.оказался ли эффективным советский социализм в глобальном историческом соревновании с мировым капитализмом? 3.почему советский социализм потерпел столь внезапный и тотальный крах в конце XX века?

Рассмотрим вначале вопрос об аутентичности советского социализма собственно истинному коммунистическому проекту социальной организации.

Основные принципы социализма в СССР на разных стадиях его развития были воплощены с различной степенью аутентичности: наиболее полно были реализованы они в сфере социально-экономической организации: перечислить преимущества социализма: соц. равенство, соц. справедливость, бесплатная медицина, образование, дешевый отдых, соц. мощная защита населения.

Гораздо хуже с их реализацией дело обстояло в области политической организации: вместо подлинной социалистической народной демократии, мы имели фактическую диктатуру партийно-административного аппарата, номенклатуры, создавшей себе на почве фактической монополизации власти массу социальных привилегий и возможностей для злоупотребления властью.

В области идеологической, несмотря на преувеличенную идеологизацию, советский социализм утверждал глубоко гуманистическую духовную культуру и нравственность.

Оказался ли эффективным советский социализм в глобальном историческом соревновании с мировым капитализмом? Он оказался совершенно эффективным во всех прямых столкновениях с мировым капитализмом. Советский социализм выстоял после Октябрьской революции в условиях разрухи и одержал победу в Гражданской войне. Затем за двадцать лет советский социализм создал из разрушенной отсталой страны мощнейшую геополитическую силу. Советский социализм победил в глобальном военном конфликте с фашизмом и спас не только Россию, но и все человечество от коричневой чумы.

Советский социализм сумел быстро восстановиться от военных потерь и разрушений СССР в Великой отечественной войне и добиться геополитического паритета с США, в науке и технологиях предотвратив новую мировую войну с использованием ядерного оружия. Он сумел создать мировую социалистическую систему государств, на альтернативных капиталистическому мировому порядку основах международных отношений: подлинно дружественных, социалистических и гуманистических.

Почему же советский социализм потерпел столь внезапный и тотальный крах в конце XX века? Это поражение даже для некоторых западных специалистов оказалось странным и неожиданным. «Так спокойно и бесшумно, как советская супердержава, не сходила с исторической сцены ещё ни одна мировая суперсила. При этом она не была ни побеждена, ни ликвидирована, и её коллапс произошёл в разгар внутренних реформ и внешней разрядки, в наиболее мирный для Европы и всего мира период 20-го столетия. Ещё летом 1989-го, когда в Польше прошли первые полусвободные выборы и беженцы из ГДР штурмовали границу Венгрии, никто из обществоведов и политиков не мог и предположить, что «супердержава Востока» и её союзники по «соцлагерю» через каких-то два года перестанут существовать». [14]

Тем не менее, сложились две основные версии о причинах внезапного глобального исторического краха советского социализма. Первая версия, наиболее популярная на Западе и среди современных российских либералов, считает, что принципиальная внутренняя порочность, противоречивость и неэффективность всей социальной системы советского социализма привела к проигрышу экономического соревнования с США и Западом, а затем последовал политический и идеологический крах. В этом смысле типичной является позиция, например, Й. Арнасона, который утверждает: «Советская модель предстает как иррациональная экономическая система, банкротство которой стало очевидным, когда были исчерпаны возможности отклонений от нее в экономической и политической сферах». [1] Внутренние

противоречия советской системы, связанные с попыткой соединить противоположные и несовместимые цивилизационные основы: западные и восточные, российские привела к краху СССР. Однако, затем, противоречая самому себе, Арнасон фактически признает решающую роль в крахе советского социализма ошибочной политики реформ правящей КПСС: «Самоликвидация советского имперского центра выглядела наиболее эффективно и имела решающее значение. В данном случае проект политических реформ, призванный рационализировать и цивилизовать имперские властные структуры, породил дезинтеграционный процесс, который вскоре вышел из-под контроля. Стратегия системной адаптации была подорвана невниманием к некоторым проблемам (как динамика наций и национализма) и непоследовательным подходом к другим (особенно в экономической сфере)». [1]

Доминирующую на Западе версию о неизбежном падении советского социализма некоторые западные же специалисты справедливо называют идеологическим мифом. «Падение коммунизма стало частью истории. Между тем становится ясно, что распространенная на Западе идея о неотвратимости победы над монолитным, неэффективным и деспотическим коммунизмом не более чем миф. В свое время сама внезапность и очевидная тотальность падения восточноевропейских режимов воспринималась многими как подтверждение того, что жизненно важные органы коммунистической системы оказались изъедены какими-то обширными язвами, приведшими к летальному исходу». [45]

Сам Марк Олмонд не без веских оснований указывает на негативную роль лидера КПСС М. Горбачева и на отчуждение КПСС не только от советского народа и общества, но и от социально-экономической и политической реальности: «Один из возможных ответов на вопрос, почему коммунисты не приняли жестких мер, состоит в том, что партия утратила ощущение своей легитимности. Это действительно так, но кто лишил членов партии их иллюзий? Уж конечно не горстка запуганных диссидентов. Ничего нового не было и в том, что миллионы членов партии оказались карьеристами, – они всегда были таковыми, по крайней мере в Центральной Европе. Нет, винить (или восхвалять) за то, что воля коммунистов к власти оказалась парализованной, нужно их верховного жреца. К крушению коммунизма привели горбачёвские гласность и перестройка... Настоящая тайна заключается в том, почему Горбачёв отказался от патента на власть, проверенного и испытанного во множестве разных стран по всему миру.

В результате действий Горбачёва большая часть коммунистов утратила веру в себя. Однако использование аналогии с религией для объяснения того,

почему коммунисты отдали богу душу, может ввести в заблуждение. В конце концов, Коммунистическая партия – это не культовое сообщество хиппи, основанное на преклонении перед харизматичным лидером, привлекательным для нескольких психологически незащищенных типов. Это – бюрократия, состоявшая из миллионов посредственностей, многие из которых занимали крепкие позиции. Тем не менее даже самой своекорыстной клике требуется некий скрепляющий ее идеологический цемент. Отказ от идеологии оказался крупной ошибкой Горбачёва. «Сближение» он сделал главной темой своих выступлений. Вспоминая недавнее 70-летие большевистской революции и приближавшуюся 200-летнюю годовщину взятия Бастилии, он заявил, выступая с трибуны ООН в декабре 1988 года, что мировая политика должна руководствоваться общечеловеческими ценностями.

На самом же деле стабильность системы требовала изолировать ее от контактов с Западом. Поверив, что система должна конкурировать на западных условиях и при этом пытаться в какой-то степени сохранить свое влияние, Горбачёв и КГБ совершили ряд катастрофических промахов и нарушили стабильность застоя, не принеся взамен никаких реальных преимуществ. Таким образом, затруднительные обстоятельства, в которых оказался Горбачёв, были созданы им самим». [45]

Вторая версия объяснения краха советского социализма считает, что этот крах был вызван сочетанием двух основных причин. Первая причина: многолетняя подрывная, холодная война Запада (начавшаяся сразу после Второй мировой войны в соответствии с «планом Даллеса»), направленная на перерождение и разложение правящей коммунистической бюрократии, которая увенчалась успехом к 70-м-80-м годам XX века (и именно переродившаяся коммунистическая бюрократия, подпавшее под прямое и косвенное влияние Запада, стала основным организатором демонтажа социализма в СССР).

Вторая причина – внутренняя управленческая деградация правящей коммунистической элиты, неспособность ее к совершенствованию социализма, накопление противоречий роста социализма и развитие ростков антисоциалистического уклада: криминальной теневой экономики, срастившей с партийной элитой. Все это и привело фактически к антикоммунистическому перевороту, проведенному предательски переродившейся партийной элитой. «Отсутствие реальной обратной связи с народом, полная бесконтрольность партийной номенклатуры вела к построению бюрократизированной системы власти, для которой характерны страшные системные пороки: - клановость, превращение партийных

чиновников в особую привилегированную касту, фактически монополизировавшую власть и превратившую ее в способ существования, - непомерная роль личности вождя, чреватая политическим волюнтаризмом, - выдвижение на вершины власти интеллектуальных ничтожеств и нравственных перерожденцев, - криминализация власти (использование партийными чиновниками власти для личного обогащения) и т.п. Все это в целом вело к умственной и нравственной деградации и перерождению правящей касты, монополизировавшей власть и превратившей политическую жизнь в грызню партийных чиновников за власть и привилегии. Нарастало лицемерие деградирующей и переродившейся партийной власти, углублялось противоречие между ее подлинными интересами и показными социалистическими ценностями и интересами страны и народа, а также противоречие между декоративной советской социалистической демократией и реальной циничной партийно-чиновничьей диктатурой.

Эти негативные процессы рано или поздно должны были достичь своей критической точки, на которой пороки бюрократической диктатуры партии должны были вступить в антагонистическое противоречие с интересами страны и народа. Перед правящей партией встал выбор: или внутреннее реформирование, реальная демократизация или смена политической системы в направлении ликвидации социализма и утверждения откровенной, но уже не партийной и не социалистической чиновничье-бюрократической номенклатурной диктатуры». [48, С.48]

Для СССР и российской цивилизации крах советского социализма и последующие разрушительные рыночные реформы оказались глобальной исторической катастрофой. Прежде всего реформы оказались разрушительными для российской экономики. «Реальными результатами экономических реформ стали: 1.глобальный кризис экономики и падение промышленного и сельскохозяйственного производства, 2.качественное падение уровня жизни и доходов населения при гигантском социальном расслоении, 3.выстроенная в итоге реформ экономическая система – это сырьевой придаток мировой капиталистической системы, с разрушенным внутренним высокотехнологическим промышленным производством, с неконкурентоспособным сельским хозяйством, 4.импортозависимость, 5.отсутствие продовольственной независимости и безопасности. В итоге реформ разрушены высокотехнологичные отрасли производства и легкая промышленность...

Наша экономика, усилиями реформаторов, вписанная в мировую капиталистическую систему на правах бедного родственника или эксплуатируемого сырьевого придатка, не может сегодня ни обеспечить

населению хотя бы минимальный достойный уровень жизни, ни обеспечить население промышленными и продуктовыми товарами. Разрушена значительная часть высокотехнологических производств и промышленного потенциала. Основные фонды и социальные инфраструктуры изношены до критического уровня. Мы живем только за счет цены на нефть. Ее обвал приведет к экономической катастрофе...

Нужно признать, что построение капитализма в России провалилось и привело экономику России к перманентному экономическому кризису и деградации. Ущерб, нанесенный экономике страны капиталистическими реформами, сопоставим с ущербом, понесенным в годы Великой отечественной войны. Никаких позитивных перспектив при сохранении нынешней криминализованной псевдорыночной, спекулятивной, коррупционной экономической системы у России нет». [48, С.222-223]

Особенно катастрофическими оказались итоги неудачного внедрения капитализма в России в области социальных отношений. «В социальной сфере вместо роста благосостояния всего населения страны, вместо количественного преобладания среднего класса, вместо государственных гарантий социальных прав трудящихся, реформы привели к прямо противоположным результатам. С одной стороны, мы имеем большую часть населения страны, живущую в беспросветной бедности и нищете, а с другой стороны – жирующих олигархов и коррупционеров-чиновников. С большим сожалением мы должны признать, что и сегодня в России остаются все признаки негативной социальной ситуации, порожденной и постоянно воспроизводимой современной капиталистической системой: 1.критическое социальное расслоение между богатыми и бедными (разрыв в доходах составляет даже по официальным оценкам 15-16 раз); 2.высокий процент безработных (сегодня это около 10%); 3.бесперспективная нищета или бедность значительной части населения (по разным оценкам от 30% и выше); 4.качественно ограниченные социальные права граждан и государственные гарантии этих прав. Система критического социального неравенства и сверхэксплуатации народа, существующая в современной России чревата социальным взрывом и крайне нестабильна». [48, С.223-224]

Демографические итоги реформ просто ужасают: «В области демографии фактическим итогом реформ стали депопуляция и падение физического здоровья населения. Факты демографической статистики говорят о том, что современные российские реформы, независимо от тайных и явных целей и обещаний реформаторов, нанесли России демографический ущерб, сопоставимый с потерями в Великой отечественной войне и привели страну в ситуацию систематической депопуляции». [48, С.225]

Наконец в области политической системы, капиталистические реформы не на один порядок увеличили степень отчуждения власти от народа, стимулировали дальнейшую интеллектуальную и нравственную деградацию управленческой элиты и ее социальный паразитизм. «Общий итог политических реформ в России за двадцать лет состоит в переходе от советской социалистической партийно-номенклатурной системы к буржуазной чиновничье-номенклатурной олигархической диктатуре, рядящейся в «демократию», но являющейся, по сути, политической системой, не отвечающей интересам народа и страны, ведущей страну в пропасть. Все бесконечные и непрерывные ее модернизации не смягчили, а лишь усугубили роковые критические пороки действующей политической системы криминально-бюрократической олигархической диктатуры: 1.антидемократизм, 2.полную социальную бесконтрольность и антинародность, 3.социальную пустоту, 4.тотальную и неискоренимую коррупцию, 5.деградацию качества чиновников и управления под разговоры о правительстве профессионалов, 6.отсутствие адекватных программ и планов социального развития, 7.чуждость интересам народа и страны, 8.паразитизм и плохое управление (ручное деструктивное управление). Эта система обслуживает свои собственные интересы и интересы кучки олигархов и держит народ в безысходной нищете». [48, С.224]

В свете исторического провала советского социализма, независимо от его причин, логично поставить вопросы: имеет ли перспективы коммунизм сегодня? Или же крах советского социализма и выстроенной им мировой социалистической системы стал окончательными похоронами самой идеи коммунизма и доказательством его неэффективности? Может ли стать коммунистическая реорганизация общества выходом для современного человечества из глобального исторического тупика?

Крах советского социализма был искусственным, но внутренне обусловленным его несовершенством, тем, что в нем недостаточно полно были реализованы принципы социализма, а не тем, что принципы социализма оказались порочными по сути. Именно искажение принципов социализма и привело советский социализм к краху. Но исторический опыт советского социализма показал, что только социализм может быть позитивной социальной перспективой человечества в XX веке, что именно социализм может дать эффективное решение всего комплекса глобальных проблем. В то же время, глобальное соревнование социализма и капитализма в XX веке, закончившееся после временного исторического поражения СССР, установлением глобального транснационального капитализма с временным и неэффективным доминированием США и мировой финансовой

олигархии, доказывает нам сегодня, что современный коммунизм может быть только глобальным и, что для окончательной победы над глобальным капитализмом он должен быть цельным, т.е. аутентичным воплощением всей системы принципов коммунистической социальной организации.

Вопреки заветной мечте современных мировых олигархов коммунизм отнюдь не умер. Идеи коммунизма актуальны в странах, находящихся в разряде современных мировых эксплуатируемых. Идеи коммунизма актуальны и в передовых социальных кругах стран «золотого миллиарда». «Марксистские идеи снова начинают проникать к нам с Запада. Оказывается, все это время они эволюционировали и вдохновляли разношерстных новых левых — от академических интеллектуалов до революционеров из народа, ведущих национально-освободительную борьбу в странах третьего мира. Студенты, бунтовавшие в 1968 году, стали профессорами и воспитывают новое поколение в духе своих идеалов. Сегодня быть правым стыдно и в европейской, и даже в американской интеллектуальной среде; умеренная левизна стала там нормой, хотя это и не всегда «настоящий» марксизм, что бы это ни значило.

Новейшие левые изучают Маркса, но гораздо больше они увлечены новейшими прогрессистскими идеями. На повестке дня у них — и прямая «электронная» демократия, и сетевая экономика, и «антикопирайт», и противостояние иерархической глобализации в интересах транснациональных корпораций, и безусловный основной доход для всех как средство спастись от безработицы и заняться свободным творческим трудом в наступающую эпоху роботизации. После кризиса 2008 года стало быстро расти и число сторонников большего контроля над банками и корпорациями, резкого повышения налогов на богатых, борьбы за сохранение социальных завоеваний в условиях вынужденного сворачивания социальных стандартов».

[18]

Идеи коммунизма актуальны и в России: их придерживается, правда, пока только на словах КПРФ. На них спекулируют буржуазные партии российского парламента – ЛДПР и «Справедливая Россия». Даже правящая партия «Единая Россия» использует в своей политической риторике некоторые идеи коммунизма.

Идеи глобального коммунизма как решение глобальных проблем человечества обнаруживаются в ранних исследованиях западных экспертов «Римского клуба». О коммунистических способах решения все более обостряющихся глобальных финансовых и экономических кризисов говорят многие серьезные западные эксперты и ученые.

В современном мировом коммунистическом движении множество проблем. Оно дезорганизовано и не монолитно. Оно слабо организовано и плохо обеспечено во всех отношениях. Оно находится в очевидном политическом кризисе. Однако, оно практически вездесуще, и любое резкое, критическое ухудшение глобальной ситуации в мире, или внутренней ситуации в его отдельных регионах, легко может запустить процессы его самоорганизации в эффективную политическую силу.

Главное условие для возрождения творческого социального потенциала коммунизма – разработка современной теории научного коммунизма на основе критического переосмысления теоретической и социальной истории коммунизма. Современный научный коммунизм должен разработать эффективную модель глобальной социальной организации общества на основе современных и перспективных технологий и принципов коммунизма. Эта теория станет знаменем прогрессивного человечества на пути к будущему, обретением нового смысла истории, возрождением исторического прогресса.

Однако, история многовариантна. Какие же альтернативы будущего дает нам начало XXI века? П. Сорокин говорил в свое время о двух альтернативах. «Сорокин заявляет, что ни одна культура не может бесконечно долго оставаться в состоянии дезинтеграции. Следовательно, современная дезинтеграция западной чувственной культуры должна смениться новой идеациональной интеграцией. Во-вторых, эклектическая социокультурная смесь Запада и Востока, возникающая в результате их взаимного влияния, не может существовать бесконечно долго и должна смениться новой социокультурной интеграцией. Сорокин заключает свой анализ позитивного прогноза мирового социокультурного развития общим выводом, содержащим главную историческую альтернативу нашего времени: «Если в настоящем и ближайшем будущем новый и великий объединенный социокультурный порядок не будет установлен на Востоке или на Западе, или среди человечества в целом, это будет означать конец творческой миссии человека на планете, деградацию и регресс всех «исторических народов» до уровня нетворческих «неисторических» человеческих орд, обреченных в конечном счете на гибель». С высоты прошедшего после этого альтернативного прогноза исторического развития человечества, мы должны констатировать, что не пока что реальная история не подтвердила ни позитивной, ни негативной альтернативы, обозначенных Сорокиным.» [51, С.135]

Сегодня, нам кажется, основных альтернатив всего три, и лишь одна из них позитивная. Первая альтернатива, достаточно подробно рассмотренная

нами в начале статьи - гибель человечества в результате деградации глобального капитализма. Вторая альтернатива – выстраивание современной мировой олигархией глобальной системы общества технотронного рабства, предполагающей радикальное сокращение численности населения планеты. Что хуже из этих двух альтернатив – дело вкуса, но обе они неприемлимы с позиций гуманизма.

Единственная позитивная альтернатива – такая качественная глобальная перестройка современного общества внутри отдельных стран, а также трансформация современного мирового экономического, политического и духовного порядка, которая, по своей сущности, может быть названа глобальным коммунизмом, т.е. торжеством коммунистических принципов социальной организации во всемирно-историческом масштабе. Глобальный коммунизм, безусловно, является единственной позитивной и конструктивной альтернативой человечества в XXI веке.

Пока не создано целостной современной теории глобального коммунизма. Но мы считаем, что, во-первых, необходимость ее разработки диктуется особенностями современной критической ситуации, в которую завел мир современный глобальный капитализм. Во-вторых, существует достаточно большое количество самых разнообразных теоретических источников и предпосылок для разработки современной теории глобального коммунизма. Его идеи буквально носятся в воздухе. Эти идеи в различном виде получают отражение в работах самых разных социальных мыслителей и политических и экономических деятелей. Практически, эти элементы теории глобального социализма диктуются всем комплексом глобальных проблем, порожденных современным глобальным капитализмом, как набор принципиальных и эффективных решений этих проблем.

Так, например, А. Печчеи, не используя термина «коммунизм», фактически предлагает коммунистическую программу решения глобальных проблем, формулируя ее как программу нового, современного гуманизма. «Мы сейчас находимся лишь в самом начале процесса глубоких эволюционных изменений и должны сами позаботиться о том, как направить его дальнейшее развитие и расширение. Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею, постигнуть непростое искусство быть лидером всей жизни на Земле. Если он найдет в себе силы полностью и до конца осознать всю сложность и неустойчивость его нынешнего положения и принять на себя всю ответственность, которая отсюда проистекает, если он сможет достичь того уровня культурной зрелости, который позволит ему выполнить эту его нелегкую миссию, тогда будущее принадлежит ему. Если же он падет жертвой своего же собственного внут-

ренного кризиса и не справится с высокой ролью защитника и главного арбитра жизни на планете, что ж, тогда ему суждено стать свидетелем того, как станет резко сокращаться число ему подобных, а уровень жизни вновь скатится до отметки, пройденной уже несколько веков назад.

Только новый гуманизм способен обеспечить в человеке такую трансформацию, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего его новой возросшей ответственности в этом мире.

Этот новый гуманизм должен быть не только созвучен приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать той стойкостью, гибкостью и способностью к самообновлению, которая позволила бы ему регулировать и направлять развитие всех современных революционных процессов и изменений в промышленной, социально-политической, научной и технической областях. Поэтому и сам этот новый гуманизм должен носить *революционный характер*. Он должен быть таким творческим и убедительным, чтобы радикально обновить, если не полностью заменить, кажущиеся ныне незыблемыми принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций — духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных». [47, С.181-182]

Принципы нового гуманизма, предлагаемые Печчеи, по своей сути совпадают с принципами коммунизма: 1. социальное равенство, 2. справедливость, 3. всесторонне и свободное развитие каждой личности. «Ведь в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, то без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием *sine qua non* самого существования человеческого общества... Я считаю, что некий *гарантированный минимальный уровень жизни должен стать неотъемлемым правом любого родившегося на свет гражданина*. Такой *социальный минимум*, исходящий из учета человеческих потребностей в пище, жилье, медицинском обслуживании, образовании, информации, коммуникациях, средствах передвижения и, возможно, еще в каких-то дополнительных благах будет, по-видимому, зависеть от конкретных климатических условий и традиций данного региона, сложившихся привычек и образа жизни. Этот минимум должен, конечно, быть оправданным с физиологической точки зрения и способствовать культурному развитию личности — он должен стать нормой достойной человека жизни, а не

жалкого ущербного существования на грани допустимого уровня. Следовательно, он должен быть существенно лучше тех условий, в которых прозябают сейчас миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к так называемым маргинальным слоям населения». [47, С.187]

Конечно, существует попытка найти третий путь, или альтернативу всемирной истории. Защитники современного глобального капитализма, во-первых, никогда не признают сформулированную нами альтернативу. Они, во-вторых, настойчиво пытаются доказать, что, несмотря на все проблемы, именно глобальный капитализм является перспективной социальной системой. Его стабильность и выживание обеспечиваются некоторыми модернизациями. Так, например, Дж. Сорос, обсуждая перспективы глобального капитализма, предлагает целый комплекс «спасительных» мер.

Главная идея этого комплекса состоит в том, чтобы восстановить во всей чистоте классические ценности и принципы капитализма. Правда, констатируя отход современного капитализма от этих принципов, Сорос не предлагает никаких реальных путей их восстановления. Весь проект экономического лечения современного кризиса глобального капитализма по Соросу фактически сводится к косметическим мерам, которые приведут лишь к увеличению транснациональной социальной поляризации, а также реальной власти и доходов мировой олигархии. Так, например, Сорос уповает на развитие хеджевых фондов, т.е. фондов, ориентированных на максимизацию доходности и минимизацию рисков доходности. Причем, эти фонды обычно не ограничиваются нормативным регулированием, либо подвержены более слабому регулированию, недоступны широкому кругу лиц и управляются профессиональным инвестиционным управляющим. Хеджевые фонды гарантируют оптимизацию прибылей олигархов в условиях мирового финансового кризиса. Понятно, почему за них, как за спасительный рецепт хватается мировой олигарх Сорос. Но это никак не связано с исправлением качественных пороков глобального капитализма. Напротив, это лишь их усугубляет.

В сфере транснациональных отношений, Сорос стыдливо замалчивает ключевой факт транснациональной эксплуатации, но признает факт неэффективного современных устройства международных отношений. Главный их порок он видит в том, что свобода движения капитала не подкреплена свободой вмешательства в политическую жизнь и суверенитет других государств, т.е. в недостаточной открытости государств для прямого политического вмешательства глобализаторов. «Демократические государства устроены в соответствии с принципами открытого общества — по меньшей мере в принципе. Кодекс поведения существует в форме законов,

которые можно корректировать и улучшать с учетом обстоятельств. Государство находится под контролем общества, а не над законом. Не хватает лишь верховенства международного права. Как его обеспечить? — Только путем сотрудничества демократических государств, контролируемых обществом внутри страны. Им придется отказаться от части своего суверенитета, чтобы добиться верховенства международного права, и изыскать пути заставить другие государства сделать то же самое. В принципе, это звучит хорошо, но следует считаться с непредвиденными последствиями. Вмешательство во внутренние дела другого государства всегда чревато опасностью, но отказ от вмешательства способен причинить еще больше вреда». [59]

Т.е. мировой олигарх мечтает в принципе ограничить политический суверенитет эксплуатируемых стран, и это естественно для него, т.к. при этом он получит лучшие условия для своей экономической свободы эксплуатации периферийных стран современного мира под видом предотвращения в них кризисов и содействия их развитию.

Весь комплекс мер, предлагаемых Соросом по оптимизации транснационального, глобального капитализма, не разрешает его принципиальные противоречия и даже не смягчает, а усугубляет их. Поэтому, общая тенденция совершенствования глобального капитализма в духе Сороса есть замаскированная смягченная версия увековечения глобального капитализма, что совершенно невозможно с точки зрения логики истории.

В качестве примера третьего среднего пути между капитализмом и коммунизмом можно привести предложения Лунина. Свой проект Лунин называет консорцизмом. В области экономической системы консорцизм означает «условную собственность» на средства производства: «для преодоления свойственных капитализму системных изъянов необходимо создать новый вид собственности на средства производства. Им станет условная собственность на средства производства. Её отличием станет разделение принадлежности функций собственности, к которым относятся владение, пользование, распоряжение. Средства производства не могут принадлежать частному собственнику, так как капитал любого предприятия возрастает за счет труда всех работников компании и оплаты произведенного продукта потребителем, то есть обществом. Следовательно, верховным собственником средств производства может быть лишь высший суверен, то есть народ...

Вместе с тем народ как совокупность не может осуществлять пользование средствами производства в связи со сложностью управления

предприятием. На это способны либо государство, либо частные лица, которые в состоянии управлять процессом развития предприятия, но так как корпорации будут принадлежать народу, то определенная часть капитала в зависимости от величины корпорации будет передаваться во временное пользование гражданам, которые выполняют необходимые для этого условия...

Распоряжение капиталом любой компании не может происходить по воле частных учредителей или правительства, так как верховным владельцем их является народ. Поэтому распоряжаться судьбой общественной компании путем покупки-продажи активов или слияния компаний, где часть капитала получают граждане, частные учредители или правительство получают только после экспертной оценки такого решения независимым государственным органом, который поможет предотвратить идущие в ущерб интересам народа сделки.

Таким образом, владение средствами производства будет общественным, пользование частным, а распоряжение ограниченное государством». [29]

В области политической организации Лунин предлагает преодолеть отчуждение власти от народа: «Решить её возможно только в результате создания нового общественного строя – консорцизма. Средством решения проблемы отчуждения народа от собственности и власти станет инструмент условной собственности, которая станет предоставляться гражданам при выполнении определенных законодательством условиях. В силу того, что верховное право на владение средствами производства будет принадлежать народу, то она соответственно не может передаваться по наследству и продаваться. Условный собственник получит лишь право пользования собственностью, что предотвратит концентрацию собственности в руках узкого слоя лиц. Благодаря такому распределению широкие массы населения станут владельцами части средств производства, что позволит преодолеть отчуждение народа от собственности. В свою очередь это позволит преодолеть отчуждение народа от власти, так как став собственником гражданин с помощью системы заслуженности прав подкрепленных материальными возможностями сможет непосредственно влиять на процесс принятия решений государством». [29]

Комментируя предложение Лунина, не требуется детальной критики идеи «условной собственности», чтобы понять ее утопизм как альтернативного третьего пути между коммунизмом и капитализмом.

В заключение резюмируем нашу авторскую позицию: современный глобальный капитализм не имеет позитивной исторической перспективы в

XXI веке, более того, он губителен для человечества, и, в частности, для российской цивилизации. Единственной позитивной всемирно-исторической альтернативой глобальному капитализму может быть только глобальный коммунизм. Разработка современной целостной, фундаментальной научной теории глобально коммунизма является приоритетной задачей современных прогрессивных мыслителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходима ли и возможна ли в наше время «реинкарнация марксизма»? Исчерпан ли его эвристический и гуманистический потенциал? Марксизм и в наше время сохраняет такой потенциал и поэтому вполне актуальна задача его творческого развития через последовательную конструктивную критику.

Мы лишь наметим общие направления такого развития – преодоления. Исходить нужно из реальных исторических фактов. А факты таковы. Во-первых, экономическое обоснование Марксом социалистической революции оказалось недостаточным. Те факты, которые он приводил, как свидетельства зрелости капитализма для революции, не привели к гибели капитализма. Капитализм, пережив кризисы своих форм XIX – начала XX века, нашел новые резервы для выживания, модифицировался. Во-вторых, стратегия и тактика революционной борьбы, разработанная Марксом, не привела к социалистической революции и нуждается в серьезной корректировке. В-третьих, социалистическая революция в России была закономерна, но не неизбежна. В-четвертых, советский социализм, построенный сверху, директивно, был извращенным, но даже в таком виде показал свой гуманистический потенциал, причем по мере его развития, он постепенно гуманизировался, избавлялся от извращений. Он погиб, хотя и закономерно, но вовсе не необходимо, и не бесполезно, дав коммунистической теории множество ценных уроков на будущее, и серьезно изменив лицо современного мира. К тому же, он строился в России на недостаточной экономической базе. В-пятых, коммунизм потерпел временное поражение, но в этом поражении залог возможности будущей победы, которая однако, не гарантирована без революционной борьбы и успешного коммунистического строительства общества.

Апология марксизма состоит в ответе на вопросы: Какие главные идеи марксизма были подтверждены историей, сохранили сегодня свое значение, и в каком развитии сегодня они нуждаются? В качестве ответов на эти вопросы, можно привести следующие соображения.

Марксова методология социального познания и сегодня является самой продуктивной и научной, и ее потенциал может и должен быть использован для познания современного общества в его закономерном развитии, правда для этого она должна быть освобождена от догматических и идеологических извращений и дополнена современными методами социального познания.

Общесоциологическая теория марксизма, опирающаяся на идею объективной закономерности в истории, понимаемой как объективная

обусловленность сознательной исторической деятельности людей, как сложная статистическая закономерность, также подтверждена историей. История также подтверждает общее направление движения общества к коммунизму, хотя этот путь оказался вовсе не таким простым и коротким, как это казалось Марксу. Кроме того, для общесоциологической теории Маркса характерен европоцентризм, который следует преодолеть и рассмотреть специфику развития различных культур и взаимодействие различных культур и цивилизаций во всемирно-историческом процессе.

Коммунистическому идеалу нет альтернативы, но коммунистическая теория Маркса, безусловно, нуждается в развитии на основе обобщения опыта, удач и неудач советского социализма и социалистических модернизаций западного общества. Современное общество остро нуждается в новой гуманистической идеологии, которая может быть создана только на основе творческого развития коммунистической теории марксизма.

История подтвердила общий практически-гуманистический потенциал марксизма и показала, что современная социальная философия должна быть теоретическим обоснованием революционной практики, основанной на научном анализе современного общества и тенденций его развития. НЕ случайно в наше время фактически «В России сложилось интеллектуальное течение, которое делает акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX века) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только посткапиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»); в этом смысле мы можем назвать наше течение «марксизмом постиндустриальной эпохи».» [5, С.47]

Итак, современная прогрессивная социальная наука должна создать новую гуманистическую теорию и она может это сделать только через действительно научное, конструктивное преодоление парадигмы социального познания марксизма, т. е. через действительно ее развитие в новых исторических условиях.

Философия, на самом деле в современном мире, не только не находится на периферии общественной борьбы, и, тем более, не мирно отмирает за ненужностью, но находится в эпицентре глобальной всемирной борьбы истинного гуманизма с современными угрозами дегуманизации общества и личности. Без философии невозможно преодолеть современный острый кризис гуманизма. Суть этого кризиса состоит в том, что технический прогресс ведет к разрушению личности. «Богатство, комфорт и свобода как отказ от служения чему-либо Высшему стали последней высшей целью

потребительской цивилизации. Казалось, наступило время вечного блаженства, люди, конечно, не все, но в передовых странах, определённо попали в Гуманистический Рай.

Драматизм ситуации, однако, в том, что развитие науки и техники не останавливается и требует дальнейшего совершенствования кресла. При этом оказывается, что параметры человека начали его ограничивать. Гуманизм, то есть ценностный антропоцентризм становится тормозом этого процесса. Прогресс техники ведёт к тому, что надо подгонять уже не кресло под человека, а человека под всё улучшающееся кресло. Прогресс требует «переступить через человека», традиционного *Homo sapiens*, толкая к созданию некоего нового мыслящего сущ(вещ)ества или нейро-коммуникационного и т.п. нечто. Технократы изощряются в вариантах преодоления ограниченности антропологизма, «упертые» гуманисты говорят об «антропологической катастрофе», большая же часть человечества, в том числе и философско-теоретическая, ни о чём подобном не думает и суетится, ничего не подозревая.» [16]

Гуманистическая миссия философии может быть выполнена не всякой, а подлинно гуманистической философией. Философия постмодернизма, утверждающая негативные ценности «смерти личности, или субъекта», «деконструкции культурных систем и ценностей», замены субстанциональных сущностей поверхностными симулякрами, а также философия трансгуманизма, обосновывающая физическую трансформацию человеческого тела и информационную трансформацию человеческого духа, безусловно деструктивны и антигуманистичны.

Истинная гуманистическая философия должна интегрировать все высшие достижения классического гуманизма и опираясь на них, создать современную версию действительного гуманизма. Т.о. оправдание философии в современном мире и восстановление ее статуса состоит в простом выполнении ей своей вечной миссии воспроизводства гуманизма и духовности в новых критических условиях. Это оправдание философией своего права на жизнь одновременно есть спасение духовности и человечности перед угрозами технотронной дегуманизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнассон, Й. Коммунизм и модерн [Текст] / Й. Арнассон // Социологический журнал. - 2011. – № 1. - С.10-35.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н. А. Бердяев. – Москва: Наука, 1990. - 224 с.
3. Бжезинский, З. Большой провал. Агония коммунизма [Текст] / З. Бжезинский // Квинтэссенция. Философский альманах. – Москва: Политиздат, 1990.
4. Бузгалин, А.В. Будущее коммунизма [Текст] / А.В. Бузгалин. - Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 1996. -111 с.
5. Бузгалин, А.В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? [Текст] / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2011. - № 3. – С.36-47.
6. Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед [Текст] / Е.Т. Гайдар. - Санкт-Петербург: Евразия, 1997. - 170 с.
7. Гегель, Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х Т., Т.3 [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. - Москва, 1977. - 471 с.
8. Дзарасов, Р.С. Кризис капитализма и общественный строй новой России [Текст] / Р.С. Дзарасов // Полис (Политические исследования). – 2011. – №4. – С.41-59.
9. Зюганов, Г.А. Глобализация: тупик или выход? [Текст] / Г.А. Зюганов. - Москва: Эксмо, 2001 - 448 с.
10. Зюганов, Г.А. Мыслитель, изменивший мир [Электронный ресурс] / Г.А. Зюганов // Правда - 5 марта 2018 г. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/175341.html>
11. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории [Текст] / Э.В. Ильенков. - Москва: Политиздат, 1984. - 320 с.
12. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство [Текст] / А. Камю. – Москва: Политиздат, 1990. - 415 с.
13. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. - Москва: Эксмо, 2005. - 832 с.
14. Кёнен, Г. Чем был коммунизм? [Электронный ресурс] / Г. Кёнен. – URL: <http://urokiistorii.ru/history/soc/51421>
15. Кортунов, С. В. Россия : национальная идентичность на рубеже веков [Электронный ресурс] / С. В. Кортунов. — Москва : Московский общественный научный фонд, 1996. —URL: <http://sumarokov.viperson.ru/wind.php?ID=296047&soch=1>.
16. Кутырев, В.А. Как и куда сдвигается гуманитарная парадигма? [Электронный ресурс] / В.А. Кутырев // Философия и культура. – 2009. - № 10 (22). – С.20-28. – URL: www.elcom.ru/~human/kutyrev/paradigm.doc
17. Лапин, Н.И. Молодой Маркс [Текст] / Н.И. Лапин. - Москва: Политиздат, 1976. - 415 с.

18.Лейбин, В. Назад, к победе коммунизма! [Электронный ресурс] / В. Лейбин, А. Константинов, М. Рогожников. – URL: http://expert.ru/russian_reporter/2015/16/nazad-k-pobede-kommunizmai/

19.Ленин, В.И. Великий почин [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1970. - Т. 39. - С.1-29.

20.Ленин, В.И. Выступление против поправки Бухарина к резолюции О Программе партии 8 марта 1918 г. [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 36. - С.65-66.

21.Ленин, В.И. Государство и революция [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1969. - Т. 33. - С.1-120.

22.Ленин, В.И. Доклад об очередных задачах советской власти 29 апреля 1918 г. [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 36. - С.241-267.

23.Ленин, В.И. Доклад Совета народных комиссаров 5 июля 1918 г. [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 36. - С.491-513.

24.Ленин, В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1969. - Т. 27. - С.299-426.

25.Ленин, В.И. Карл Маркс [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1969. - Т. 26. - С.43-93.

26.Ленин, В.И. Крах II Интернационала [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1969. - Т. 26. - С.209-265.

27.Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма [Текст] /В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - 5-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1973. - Т. 23. - С.40-48.

28.Ленин. Философия. Современность [Текст] /Т.И. Ойзерман и др. - Москва: Политиздат, 1985. - 447 с.

29.Лунин, М. Альтернатива капитализму [Электронный ресурс] / М. Лунин. – URL: <http://politobzor.net/show-40561-alternativa-kapitalizmu.html>

30. Маркс, К. — И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г. [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1954. - Т. 28. - С.422-428.

31.Маркс, К. О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура [Текст] /К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений.- Москва: Издательство политической литературы, 1956. - С.17-215.

- 32.Маркс, К., Капитал. Т.1. [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1960. - Т. 23. - 907 с.
- 33.Маркс, К. К критике гегелевской философии права [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 1. - С.219-368.
- 34.Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 1. - С.414-429.
- 35.Маркс, К. К критике политической экономии [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1959. - Т. 13. - С.1-167.
36. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии [Текст] /К.Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 4. - С.419-459.
- 37.Маркс, К. Немецкая идеология [Текст] /К.Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 3. - С.7-544.
38. Маркс, К. Нищета философии [Текст] /К.Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 4. - С.65-185.
- 39.Маркс, К. Оправдание мозельского корреспондента [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 1. - С.187-217.
40. Маркс, К. Передовица в № 179 *Külnischezeitung* [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 1. - С.93-113.
- 41.Маркс, К. Тезисы о Фейербахе [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 3. - С.1-4.
- 42.Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 42. - С.41-174.
43. Маркс, К., Экономические рукописи 1857-1859 гг. [Текст] /К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1968. - Т. 46, Ч.1. - 317 с.
- 44.Маркс. Философия. Современность [Текст] : научное издание / ред. Т. И. Ойзерман. - Москва : Политиздат, 1988. - 415 с.
- 45.Олмонд, М. Если бы коммунизм не рухнул [Электронныйресурс] / М. Олмонд. –URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6553
- 46.Петрас, Д.Глобальный кризис капитализма: кто страдает, а кто гребет барыши? [Электронный ресурс]/ Д. Петрас. – URL:<http://petras.lahaine.org/?p=1887>

47. Печчеи, А. Человеческие качества [Текст] / А. Печчеи. – Москва: Прогресс, 1980. – 302 с.
48. Поломошнов, А.Ф. Российские реформы на рубеже тысячелетий [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Н.В. Сапрыкина, Л.А. Чернобродова, В.Г. Корнев, Л.И. Захарова. – п. Персиановский : Донской ГАУ, 2009. – 246 с.
49. Поломошнов, А.Ф. Философия и современный мир [Текст]: Курс лекций / А.Ф. Поломошнов, И.М. Лаврухина, П.А. Поломошнов. – пос. Персиановский, 2015. - 224 с.
50. Поломошнов, П.А. Интегральная парадигма социальной философии П. Сорокина [Текст] / П.А. Поломошнов. - Персиановский: Донской ГАУ, 2009. – 227 с.
51. Поломошнов, П.А. Интегрализм как способ преодоления фрагментации современного социального знания [Текст] : дис. ... кандидата философских наук / П.А. Поломошнов; Донской государственный технический университет. – Ростов-на-Дону, 2009.–188 с.
52. Попов, Г.Х. Рубежи Г. Попова [Текст] / Г.Х. Попов. - Москва: Экономическая газета, 2016. - 896 с.
53. Попов, Е.Б. Социализм и судьба России [Текст] / Е.Б. Попов. - Москва: Пробел-2000, 2013. - 640 с.
54. Поппер, К. Открытое общество и его враги [Текст] / К. Поппер. Москва: Феникс, 1992. В 2-х Т., Т. 2. - 528 с.
55. Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС [Электронный ресурс]. URL::http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/062.htm
56. Семенов, Ю.И. Философия истории [Текст] / Ю.И. Семенов. – Москва: Современные тетради, 2003. – 776 с.
57. Симоненко, П.Н. Кризис глобального капитализма и риски новых конфликтов [Электронный ресурс] / П.Н. Симоненко. – URL:www.kpu.ua/uploads/2009/07/krizis_globalnogo_kapitalizma.doc
58. Сморгун, Л.В. Либерализм и марксизм постсоветской эпохи [Текст] / Л.В. Сморгун // Вече. - -2015. - № 7. - С.66-97.
59. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности [Электронный ресурс] / Дж. Сорос ; пер. с англ. – Москва: ИНФРА-М, 1999. –262 с. – URL:<http://capitalizm.narod.ru>
60. Тендряков, В.Ф. Метаморфозы собственности [Электронный ресурс] / В.Ф. Тендряков. - URL: http://elib.tendryakovka.ru/tendryakov_html/book9.html
61. Утопия и утопическое мышление [Текст] : антология зарубежной литературы / Сост. В.А. Чаликова. - Москва: Прогресс, 1991. - 405 с.
62. Фейербах, Л. К критике философии Гегеля [Текст] / Л. Фейербах // Избранные философские сочинения. - Москва, 1955. - В 2-х Т., Т. I. - с.53-96.
63. Фейербах, Л. Основные положения философии будущего [Текст] / Л. Фейербах // Избранные философские сочинения. - Москва, 1955. - В 2-х Т., Т. I. - с.134-204.

64. Шевченко, В.Н. Советская модель социалистического общества: причины поражения [Электронный ресурс] /В.Н. Шевченко. URL:<https://www.alternativy.ru/ru/content/sovetskaya-model-socialisticheskogo-obshchestva-prichiny-porazheniya>

65. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии [Текст] /Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1961. - Т. 21. - с.269-317.

66.Энгельс, Ф. Принципы коммунизма [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1955. - Т. 4. - С.322-339.

67.Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд.- Москва: Издательство политической литературы, 1961. - Т. 19. - С.185-230.

68.Baumgarten, E. Max Weber. Work and Person [Текст] / E. Baumgarten. – Tubingen, 1964.

69.Manheim K. Essays on the Sociology of Knowledge [Текст] / K. Manheim. – L., 1952

70.Sartre, J. P. Critique de la raison dialectique [Текст] / J. P. Sartre. – Paris, 1960.

Научное издание

Поломошнов Андрей Федорович

РЕИНКАРНАЦИЯ МАРКСИЗМА

Монография

Подписано в печать

Усл. печ. л. 10,5 уч.-изд. л., Тираж 500, Заказ №

Издательство Донского государственного университета
346493, Россия пос. Персиановский, Октябрьский район, Ростовская обл.

